

В.Н. Мамяченков

Валькирии SS

Историко-публистическое исследование

**Издание второе, исправленное
и дополненное**

2014

**Женщинам
Земли
посвящается**

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор В. А. Кузьмин

Рецензент:

доктор философских наук, профессор В. О. Лобовиков

Редактор: С. В. Фельдман

Мамяченков В. Н. Валькирии SS — Екатеринбург, 2014 — 300 с.

Книга посвящена практически не исследованной в отечественной историографии теме: судьбам женщин-служащих войск СС в нацистской Германии. В ней рассматриваются конкретные жизненные коллизии некоторых наиболее одиозных из них, служивших в нацистских концлагерях. На их судьбах, зачастую трагических, автор попытался донести до читателя мысль о неизбежной ответственности за совершенные злодеяния. Поэтому данная книга не только о конкретных служительницах нацистского ада, но и о том, что зло порождает только зло, а жестокость — только ответную жестокость. Данная книга и о том, как тоталитарный режим безжалостно уродует самое лучшее, что есть у человечества — его женскую половину. Наконец, эта книга о том, что ждет женщину, если она перестает быть Женщиной.

В монографии изложен фактический материал, в массе своей неизвестный российскому читателю. Книга предназначена для всех, интересующихся мировой и отечественной историей.

Содержание

Посвящение.....	2
Аннотация	3
Содержание	4
Предисловие ко второму изданию	6
От автора	7
Введение	10
Глава I. СС и женщины.....	16
1.1. Надзирательницы СС в концентрационных лагерях	18
1.2. Врачи и медицинские сестры СС в концентрационных лагерях	29
Иллюстрации	31
Глава II. Уголовное преследование нацистских военных преступников и денацификация Германии	37
Иллюстрации	53
Глава III. Германия.....	55
3.1. Трагедия Берген-Бельзена	56
3.1.1. Первый Берген-Бельзенский процесс.....	65
3.1.2. Второй Берген-Бельзенский процесс.....	98
Иллюстрации	99
3.2. Ад для женщин – Равенсбрюк.....	115
3.2.1. История лагеря.....	115
3.2.2. Равенсбрюкские (Гамбургские) процессы	119
3.2.3. Первый Нюрнбергский процесс.....	156
Иллюстрации	159
3.3. Хельмштедский процесс детоубийц.....	169
Глава IV. Польша	171
4.1. Майданек: люблинский кошмар	172
4.2. Майданекские процессы	175
Иллюстрации	181
4.3. Освенцим: фабрика смерти	190
4.3.1. Второй Освенцимский процесс.....	196

4.3.2. Третий Освенцимский и другие процессы.....	202
Иллюстрации	205
4.4. Концлагерь Штуттгоф: прибалтийская преисподняя	215
4.4.1. Первый Штуттгофский процесс.....	216
4.4.2. Последующие Штуттгофские процессы	229
Иллюстрации	231
Глава V. Чехословакия.....	247
Заключение	251
Приложения	255
Библиография	288

Предисловие ко второму изданию

Со времени первого издания данной книги прошло девять лет. Для нашего быстротекущего века вроде бы и немного. Но как стремительно меняется мир! Сколько новых технологий стали доступны нам за эти годы и сколькими знаниями овладело человечество!

Это в полной мере относится и к исторической науке. В этой связи невозможно переоценить роль всемирной сети Интернет, давшей историкам невиданные доселе возможности по получению, обработке и обмену информацией. За прошедшие годы объем полученных знаний увеличился многократно, что неизбежно требует новой переоценки уже известных фактов и гипотез, выработке новых подходов и методик исторического исследования.

В истекшие девять лет подросло новое поколение – те, кто в 2005-м пошел в первый класс, в этом году пойдут уже в десятый. Они уже почти взрослые люди и имеют паспорта граждан Российской Федерации. И мы, историки, несем особую ответственность за формирование их мировоззрения, свободного от догм, пронизанного гуманистическим восприятием как прошлого человечества, так и его настоящего и, тем более, будущего.

Именно с учетом вышесказанного нами производились изменения в тексте монографии. Они коснулись, прежде всего, ее фактологической базы, уточненной и расширенной за счет активного использования интернет-источников. Кое-что было убрано из текстовой и иллюстративной части как излишнее или не относящееся напрямую к раскрываемой теме. Наконец, были исправлены замеченные погрешности и ошибки.

Надеюсь, что новое издание монографии найдет своего читателя.

Автор

От автора

Замысел написания этой книги созрел постепенно, по мере того как взрослел и набирался жизненного опыта сам автор, а события Второй мировой (для нас – Великой Отечественной) войны отдалялись в прошлое. Нет, не зря об этой войне А.Т.Твардовский написал: «Она такой вдавила след и стольких наземь положила...» Страшный этот след будет тянуться еще не одно десятилетие, постоянно напоминая о себе. Но все-таки у каждого нового поколения свои проблемы, и хотим мы того или нет, а вспоминать минувшую войну будут всё реже.

Что же касается поколения, к которому я принадлежу, то все мы, без преувеличения, были детьми этой войны, хотя и родились уже в мирное время. Практически у каждого из нас на фронте погиб кто-то из родственников, у многих отцы были ее участниками, а непрерывные игры «в войну» – это все мое детство. Фильмы и книги той поры также в значительной своей части были посвящены военной и связанной с нею темам. Но при этом «человеческому материалу» войны, как сказали бы сейчас, особого внимания не уделялось. Доступные нам тогда произведения кинематографа и литературы давали представление (большей частью однобокопозитивное и предельно идеологизированное) о людях, воевавших только по эту сторону фронта. Даже их человеческие недостатки (конечно, «отдельные» и «нетипичные»), воспринимались нами как продолжение их достоинств.

Те же, кто им противостоял, были просто «фашисты», «изверги», «патологические убийцы», в самом лучшем случае – «отравленные идеологией национал-социализма». Они представлялись нам монстрами, неспособными на проявление таких простых и естественных человеческих чувств, каковыми являются сострадание, привязанность, дружба и, наконец, любовь. Поэтому и победа над этими чудовищами воспринималась как закономерное торжество добра и справедливости над вселенским злом и мерзостью, иного просто и не предполагалось.

Помню, как озадачил меня, совсем маленького мальчика, рассказ отца о том, как он осенью 1941 года увидел плачущего немецкого солдата. Дело происходило на Смоленщине, оккупированной к тому времени гитлеровцами. Пожилой немец сидел на поваленном дереве у околицы села и горько плакал, бормоча про себя немецкие слова, из которых отцу понятными были разве что «фрау» и «киндер». Плачущий немец, да еще в первые месяцы войны – это было уж очень необычное зрелище! Немец выглядел таким жалким и беспомощным, что несколько жителей деревни осмелились подойти к нему. И произошло следующее: солдат, глотая слезы и мешая русские и немецкие слова, поведал им свою горькую историю. Вкратце она сводилась к тому, что его семья – жена и дети – погибли при бомбежке их города авиацией союзников. Немец достал из нагрудного кармана семейные фото (непременный атрибут любого немецкого военного) и, не переставая всхлипывать, показывал совершенно чужим ему людям, какая замечательная у него была семья. Была...

Кажется, именно после этой, услышанной в далеком детстве, истории я стал понемногу понимать, что по ту сторону фронта тоже находились люди (пусть мы и отказывали им в праве так называться). И у этих людей, оказывается, тоже были свои семьи, свои радости и заботы, свои судьбы. А значит, мир был не черно-белым, каким его рисовали наши идеологи. И на той стороне тоже проступали человеческие лица. Тем более, что там находились не только мужчины, но и женщины. Они ведь тоже формировали «звериное лицо фашизма».

Сказано: «у войны не женское лицо». Но любая война (которую, кстати, всегда развязывают мужчины) в первую очередь затрагивает интересы женщин – наших матерей, жен, сестер, дочерей. Хотят они того или нет, но женщины неизбежно оказываются втянутыми в страшный водоворот войны. При этом неизвестно, кто из них подвергается большей опасности – те, кто стремится быть ближе к домашнему очагу, или те, кто решил активно участвовать в событиях.

Именно о тех женщинах, кто «решил участвовать» и связал свою судьбу с самой одиозной структурой нацистской Германии – СС, и рассказывается в этой книге. Название ее нам подсказала древняя скандинавская мифология, столь, кстати, почитавшаяся национал-социалистами. Как известно, валькириями в этой мифологии назывались воинственные девы, решающие по воле бога Одина исход сражений. Они отбирали храбрейших из павших воинов и уносили их в Вальхаллу – дворец Одина, где погибшие продолжали свою героическую жизнь¹. Наверное, многим из женщин–служащих СС в годы Второй мировой войны казалось, что они выполняют свой долг перед Германией, помогая воинам-мужчинам сражаться с врагами рейха и приближая победу. Наверное, многие из этих женщин воображали себя именно такими валькириями, храбрыми и прекрасными, способными на беззаветную верность своим любимым и безжалостность к врагам.

Увы, действительность, как всегда, оказалась много прозаичнее и страшнее красивой мифологии. В реальности многим из этих женщин пришлось участвовать в отвратительной службе по охране концентрационных лагерей и в обслуживании их, служить преступному, одному из самых кровавых в истории человечества, нацистскому режиму. Именно за это после окончания войны этих женщин нередко привлекали к суровой ответственности. Этим несостоявшимся валькириям и посвящена данная книга. Точнее, только тем из них, которые особо «отличились» на этом бесславном поприще. Ибо рассказать обо всех, конечно, невозможно.

Поэтому данная книга не только о конкретных тяжелых судьбах служительниц нацистского ада, но и о неизбежной ответственности за совершенные злодеяния. Эта книга также о том, что зло порождает только зло, а жестокость – только ответную жестокость, пусть даже и облаченную в судейскую мантию. И наконец, наша книга о том, что ждет женщину, если она перестает быть Женщиной.

¹ Большой Энциклопедический Словарь. М., 1991. С. 190.

Введение

«Вся Германия... с ее 80 миллионами
населения и территорией 555 тысяч
квадратных километров была
сплошным концлагерем»
(Из повести Софьи Посмыш «Пассажирка»)

Двенадцатилетней истории Третьего рейха, в том числе кровавой истории его системы концентрационных лагерей, посвящен более чем обширный пласт художественной и научной литературы, изданной как в России, так и за ее пределами. С появлением же Интернета количество подобных публикаций ежегодно увеличивается в геометрической прогрессии. Может показаться, что на этом фоне стало уже невозможным сказать что-то новое и важное. И все же...

Мы не случайно выбрали эпиграфом к нашей книге цитату из повести известной польской писательницы, бывшей заключенной Освенцима и Равенсбрюка. Эта повесть под названием «Пассажирка из каюты 45» в свое время послужила сценарием к очень известному фильму «Пассажирка» режиссера Анджея Мунка. Фильм с большим успехом прошел по киноэкранам всего мира, чему, несомненно, способствовал «гендерный» характер затронутой в нем главной проблемы. Напомним: суть данной проблемы состоит в отношении к бывшим сотрудникам охраны и администрации концентрационных лагерей (и не только, кстати, нацистских). А в повести Софьи Посмыш и палач и жертва выступают в женском облиции.

Софья Посмыш, вероятно, смело может претендовать на роль первооткрывательницы *женского* взгляда на указанную проблему, причем взгляда отнюдь не общепринятого и откровенно необычного – взгляда «с *той стороны*». Кажется, впервые в мировой литературе повествование ведется от имени тюремщицы – надзирательницы зловещего концлагеря Освенцим. Уже один только такой необычный поворот сюжета делает избранную тему актуальной и востребованной по двум мотивам. Во-первых, потому, что она

довольно скудно освещена в отечественной исторической литературе. А во-вторых, она тесно переплетается с другой актуальнейшей темой историко-этического плана – ролью женщины в жизни общества, особенно в критические периоды истории.

Для чего мы написали эту книгу? Изначально главная ее цель виделась нам прежде всего в том, чтобы собрать, обработать и донести до российского читателя практически неизвестную ему информацию о тех, уже далеких от нас, событиях семидесятилетней давности. Действительно, значительная часть изложенного в работе материала никогда не публиковалась ни в бывшем СССР, ни в уже новой России. Это при том, повторим, что общий объем исследований, посвященных Второй мировой войне и опубликованных в нашей стране, весьма значителен. А вот найти в них более или менее подробные сведения о судебных процессах над персоналом этих лагерей, состоявшихся в послевоенной Германии и других странах, почти невозможно (Интернет в данном случае не в счет). Почему так произошло?

Причин можно назвать несколько, но главнейшая из них, как нам представляется, состоит в следующем: ни так называемое советское общество, ни (к сожалению) современное российское не желали и не желают знать всю правду о нашей собственной истории. Ведь если детально разрабатывать тему ответственности за преступления против человечности, то неизбежно приходишь к печальному выводу: поучаствовав в наказании немецких фашистов в Нюрнберге, советское государство увело от ответственности за аналогичные злодеяния фашистов своих, доморощенных. Своего Нюрнберга, для самих себя, мы так и не провели, он не состоялся. Призыв к покаянию в нашем обществе услышан не был, и это еще может аукнуться ему в будущем. Ибо тот, кто не помнит свое прошлое, обречен пережить его вновь.

Справедливости ради скажем также, что не все материалы послевоенных процессов были в равной степени доступны исследователям. Так, англичане (как и мы, большие любители засекречивать свои архивы)

увезли документы гамбургских процессов в Лондон и держали их там под замком. И только начиная с конца 1970-х годов эти документы постепенно открывались для общественности.

Работая над этой книгой, изучая материалы судебных процессов над нацистскими преступниками, мы не могли не задать себе риторические вопросы: «А какое же наказание понесли наши отечественные преступники, те же охранники и коменданты сталинских лагерей, замучившие многие тысячи невинных людей? Кто ответил за чудовищные преступления сталинского режима в нашей многострадальной стране? Кто? И как?» Ответ, к сожалению, очевиден... А ведь судить наших преступников было и есть за что. Даже по официальным данным, только за период с 1930-го по 1953 год в СССР было осуждено 3 миллиона 778 тысяч человек. Из них 786 тысяч были расстреляны и около 600 тысяч погибли от непосильного труда и истощения¹. Эти цифры, скорее всего, сильно занижены (в этом мы согласны с рядом других авторов²), но и они не могут не ужасать. И они вполне сопоставимы с масштабами преступлений германских нацистов. Тогда в чем разница между нашими преступниками и нацистскими? Видимо, только в том, что наши были коммунистами, а те – нацистами.

Но мало того, что преступления в нашей стране остались, по большому счету, безнаказанными. Уже в ходе войны, а особенно после нее, сталинско-бериевскими преступниками и их наследниками были предприняты значительные усилия сразу в трех направлениях фальсификации (благо, что победителей не судят!).

Первое – это всемерное, порой до немыслимых пределов, преувеличение масштабов нацистских злодеяний. Сразу подчеркнем: мы ни в коем случае не пытаемся оправдать преступления немецких фашистов. Но, несомненно, раздувание масштабов совершенных ими преступлений имело место. А ведь элементарная порядочность и справедливость должны

¹ Земсков В.И. Политические репрессии в СССР (1917–1990) // Россия, XXI. 1994. № 1–2. С. 118–120.

² См., например: *Этингер Я.Я.* Это невозможно забыть... Воспоминания. М., 2001. С. 268–269.

соблюдаться даже в отношении закоренелых преступников: не надо на убийцу одного человека навешивать убийство еще двух. Или, как говорят в науке, исследование должно быть честным. Но в данном случае победители не устояли перед соблазном взвалить на побежденных все возможные в этом мире грехи. И касалось это не только советской стороны. В результате на послевоенных процессах, в том числе и на Западе, нередко число жертв тех же нацистских концлагерей завышалось в разы. И происходило это практически на всех многочисленных процессах над немецко-фашистскими преступниками, начиная с самого главного из них – Нюрнбергского (к этому мы еще вернемся).

Второе – и еще более отвратительное – это попытки списать на германских фашистов собственные злодеяния. Самый яркий тому пример – Катынь. При этом с помощью продажных экспертов, в качестве которых порой выступали именитые медики, составлялись фальсифицированные акты судебно-медицинских экспертиз.

И третье – тиражирование бессовестной лжи о том, что в Федеративной Республике Германии якобы никак не преследовались бывшие нацисты.

Что касается исследователей западных стран, то тут мы затрудняемся дать однозначное объяснение их ошибкам в подсчетах жертв нацистов. Возможно, где-то имело место и, как говорят, добросовестное заблуждение. Но что касается нашей страны, то здесь главная цель всех трех перечисленных направлений фальсификации была и остается одна – увести общественное мнение как можно дальше от обсуждения преступлений сталинского режима и советского режима вообще. Увести так, чтобы люди не задавали вопросов о том, **что** произошло в той же Катыни, поселке Медном Тверской области и под Харьковом в 1941-м³, Быковне и Куропатах в 1930-х⁴, чеченском ауле Хайбах и других населенных пунктах Северного Кавказа в

³ Места массовых расстрелов интернированных польских граждан накануне Второй мировой войны. – В.М.

⁴ Места массовых расстрелов многих тысяч советских граждан в 1930-годах соответственно под Киевом и Минском. – В.М.

феврале 1944-го⁵, бесчисленных лагерях ГУЛага в период сталинского правления, Новочеркасске в 1962 году⁶ и во многих, многих других местах огромного Советского Союза, этой гигантской империи зла.

В соответствии с поставленной целью мы попытались в нашей работе решить следующие задачи:

- рассмотреть малоизвестные аспекты преследования и осуждения немецко-фашистских преступников в отдельных европейских странах;
 - проследить конкретные судьбы женщин, осужденных судами указанных стран за наиболее тяжкие преступления;
 - дать представление о роли и степени участия женщин в структуре СС.
- (Подчеркнем, что для российского читателя, в отличие, например, от западноевропейского, в упомянутых выше трех моментах содержится значительный элемент новизны.)

Источниковой базой для написания данной работы послужили:

- многочисленные отечественные и зарубежные монографические печатные работы по избранной тематике;
- материалы отечественной и зарубежной периодической печати;
- работы в электронном виде, опубликованные в Интернете.

Говоря о последнем источнике, подчеркнем, что значительная часть информации (в том числе многие фотографические материалы) была получена нами из свободно доступных сайтов сети Интернет.

И наконец, последнее. По ходу нашего повествования мы стремились по возможности не втягиваться в обсуждение острых дискуссионных

⁵ По утверждению известного российского писателя А.И.Приставкина, все население аула Хайбах (территория нынешнего Галанчожского района Чечни) в количестве 705 человек было зверски уничтожено войсками НКВД под командованием полковника Гвишиани 23 февраля 1944 года во время депортации народов Северного Кавказа: людей загнали в конюшню и там заживо сожгли. См. об этом в интернете: Россия. Кавказ. Чечня. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/russia/newsid_3506000/3506209.stm (дата обращения: 08.01.2012).

⁶ 2 июня 1962 года там была расстреляна мирная демонстрация населения, протестовавшего против плохого обеспечения товарами первой необходимости. При этом 26 человек было убито и до 90 ранено, а впоследствии еще 7 человек казнены по приговору суда (в 1996 году все они были реабилитированы). – В.М.

вопросов, какие, например, ставят ревизионисты⁷. И сделали это по двум причинам: во-первых, из-за недостатка объема нашего исследования, а во-вторых, памятуя о цели его написания. Поэтому мы не дискутируем о том, например, были или не были в нацистских концлагерях газовые камеры, ограничиваясь оборотом «по версии обвинения».

Таковы были цели и задачи написания нашей работы, а насколько нам удалось их реализовать — судить читателю.

⁷ Одно из современных направлений в исторической науке. Так, ревизионисты утверждают, что цели национал-социалистов были превратно истолкованы, а масштабы нацистских злодеяний — чрезмерно преувеличены. В широком смысле ревизионизм призывает к пересмотру многих «бесспорных» исторических канонов. — *В.М.*

Глава I

СС и женщины

В этой книге не освещается история возникновения и функционирования СС – по данному вопросу существует много литературы, в том числе и на русском языке. Нас интересовало, прежде всего, участие женщин в этой структуре. Тех же, кого интересует история СС вообще, рекомендуем прочитать книги Х.Хёне и К.К.Семенова, в которых история этих охранных отрядов нацистской партии изложена доступно и полно¹.

Напомним только, что аббревиатура SS произошла от немецкого Schutzstaffeln – охранные отряды. Зародившись как охранная структура нацистской партии, СС в 1934 году стала фактически самостоятельной организацией со своим «верховным главнокомандующим» – рейхсфюрером СС, и штабом. В составе СС находились подразделения охраны концентрационных лагерей, войсковые части (так называемые «Ваффен-СС») а также служба безопасности СД – главный орган разведки и контрразведки. В дальнейшем СД вместе с гестапо (тайной политической полицией) образовали всеимперскую службу безопасности – РСХА². В 1946 году Международный трибунал в Нюрнберге объявил СС, как и ряд других структур нацистской Германии, преступной организацией.

Общая численность персонала, служившего в СС, была оценена на том же Нюрнбергском процессе в несколько миллионов человек³. Как и многие другие цифры, оглашенные на этом суде, она оказалась явно преувеличенной (в настоящее время эта численность оценивается цифрой «более 1 миллиона человек». О причинах такого преувеличения нами уже было сказано во введении). Но, помимо всего прочего, как нам представляется, имело место и элементарное непонимание того, что служба в СС еще не означала прямого

¹ Хёне Х. Орден «Мертвая голова». История СС. Смоленск, 2002; Он же. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., 2003; Семенов К.К. Войска СС. Тула, 2004.

² См. подробнее об истории создания РСХА: Залесский К.А. РСХА. М., 2004.

³ Здесь и далее в этой главе использованы материалы следующих работ зарубежных авторов: Taake C. Angeklart: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998; Schäfer S. Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. – В.М.

членства в данной структуре. Например, известную часть персонала СС составляли женщины, служившие в качестве сотрудниц так называемых «вспомогательных подразделений», но формально не имеющих права состоять в СС.

Женщины служили, во-первых, в качестве канцелярских работников и связистов, обслуживали громкоговорящие и радиоустановки, а также телефонную, телеграфную и другую аппаратуру в составе женских вспомогательных подразделений полков полиции и войск СС. А во-вторых, они были заняты как врачи, медсестры и надзирательницы СС в концентрационных лагерях. От общей численности персонала СС женщины составляли, скорее всего, считанные проценты. Подробной истории упомянутых женских вспомогательных подразделений СС (или, как их еще называют, «женского корпуса СС») в исторической литературе, в том числе на Западе, пока нет. Если о них и упоминают, то достаточно редко и только вскользь. Зато в западных странах существуют многочисленные публикации о надзирательницах и женском медицинском персонале СС в концлагерях. Именно эти женщины стали печально знамениты благодаря тому, что оказались вовлеченными в одну из самых мрачных сфер деятельности СС – функционирование системы концентрационных лагерей.

Необходимо сказать, что вообще традиционное немецкое представление о роли женщины не допускало сколько-нибудь серьезного использования «женского потенциала» для военных нужд (вспомним знаменитое и порицаемое нами «дети, кухня, церковь»). Вообще, трудно не согласиться с тем, что «использование женщин нельзя рассматривать в таком же смысле, как использование оружия, а их участие ни в коем случае не предполагает какой-то военной организации. Использование оружия и военных формирований покоится на вековом опыте участия в войне только солдата-мужчины как вооруженного представителя своего народа». Именно

эти строки написали немецкие мужчины – военные и политические деятели – в известной книге, посвященной итогам Второй мировой войны⁴.

Отдадим должное нашему противнику в Великой Отечественной войне: немецкие женщины никогда не окапывались в траншеях в качестве стрелков или снайперов, не выносили на себе из боя раненых (для этого были санитары-мужчины), не водили в бой танки и не сидели за штурвалами самолетов. Наверное, только в Красной армии, да еще в Войске Польском можно было увидеть женщин, живущих в окопах на передовой наравне с мужчинами. Точно так же, как в мирное время их «фрау» не водили в полях тракторы (как тут не вспомнить незабвенную Папу Ангелину и тысячи других наивных, одураченных советских девчонок), не плавил сталь и не асфальтировали улицы. Что там ни говори, а немецкие фашисты уважали и любили своих женщин больше, нежели любили своих мы, носители «самой передовой в мире морали».

Тем не менее, совсем обойтись без участия женщин в военных и связанных с ними действиях, а также в экономике нацисты, конечно, не могли: к этому их прямо подталкивало ухудшение военно-политической обстановки. Именно поэтому в январе 1943 года была объявлена трудовая мобилизация всех германских женщин в возрасте от 17 до 45 лет. При этом девушек и женщин направляли на работу в промышленность, сельское хозяйство, другие отрасли экономики, а также призывали на службу в военизированные формирования, в том числе во вспомогательные части СС. Из этого контингента нас интересуют прежде всего лагерные надзирательницы и лагерьный же медицинский персонал.

1.1. Надзирательницы СС в концентрационных лагерях

Таковые впервые появились в 1938 году в женском лагере Лихтенбург – прообразе печально знаменитого Равенсбрюка. Во время войны количество

⁴ Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны : выводы побежденных. СПб., 1999. С. 469.

женщин-надзирательниц, естественно, значительно возросло (как и численность «контингента» в лагерях). Базой их подготовки стал упомянутый Равенсбрюк, в котором, напомним, за 1942–1945 годы обучались своему ремеслу примерно 3 500 (в некоторых источниках – до 4 000) будущих надзирательниц (кстати, численность надзирателей-мужчин в концлагерях оценивается в 55 000)⁵. Здесь они изучали не только свои прямые будущие обязанности, но и типовую структуру лагеря и основы его функционирования.

Что же касается структуры нацистских концлагерей, то она была универсальной и включала в себя прежде всего комендатуру, политический отдел и лазарет (ревир). Имеет смысл рассказать об этих подразделениях подробнее, чтобы у читателя сложилось представление о структуре концентрационного лагеря.

Комендатура возглавлялась комендантом лагеря и являлась непосредственно управляющим органом. В ее составе главными отделами были отдел управления лагерем, отдел труда и интендантский (экономический) отдел. Ведущую роль играл первый из них, возглавляемый одним или даже сразу тремя лагерфюрерами (работающими посменно). В их обязанности входило управление всей повседневной жизнью лагеря – проведение переключек, соблюдение распорядка дня и приведение в исполнение наказаний. Непосредственно лагерфюреру подчинялся старший надзиратель – рапортфюрер (или, в женском исполнении, – «рапортфюрерина»), контролирующий личный состав лагеря. В больших лагерях старших надзирателей также могло быть несколько. Соответственно под их началом находились блокфюреры, то есть блоковые надзиратели (например, в Равенсбрюке их насчитывалось около 150) и многочисленные рядовые надзиратели, по несколько на одного блокового. Эти рядовые надзирательницы отвечали за ежедневные переключки, формирование

⁵ Female guards in Nazi concentration camps. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Female_guards_in_Nazi_concentration_camps (дата обращения: 04.08.2013).

рабочих групп, а также за выполнение заключенными различных работ. Все эти должностные лица и были вершителями судеб заключенных.

К упомянутым трем отделам комендатуры можно еще добавить охрану лагеря, обычно являющуюся вооруженным подразделением СС из соединений «Мертвой головы». Правда, ближе к концу войны в охране лагерей нередко участвовали и подразделения вермахта.

Политический отдел был независим от комендатуры, представлял собой подразделение гестапо и подчинялся непосредственно РСХА. Его возглавлял криминальсекретарь, в подчинении которого находились следователи. Основная функция этого подразделения – слежка за заключенными и... персоналом лагеря. Поэтому и отношения политотдела с другими подразделениями обычно были напряженными. Вполне можно предположить, что все прочие сотрудники лагеря относились к служащим данного отдела как бездельникам, «за все болеющим, но ни за что не отвечающим» (полная аналогия с советскими политотделами).

И наконец, медицинская служба – рефир – также была достаточно самостоятельным подразделением, не подчиняющимся напрямую комендатуре. Здесь заправлял главный врач-эсэсовец, в подчинении которого находились рядовые врачи, медсестры, аптекари и санитары. По единодушному мнению бывших заключенных, рефир в лагерях напоминали скорее фабрики смерти, чем медицинские учреждения, так как вопросы излечения узников персоналом этих учреждений никогда не рассматривались всерьез.

Вышеописанная организационная структура присутствовала и в мужских и в женских концлагерях. Существенным же различием между ними было разделение между «внешней» и «внутренней» охраной заключенных. Функции внешней охраны в любом лагере всегда оставались за мужчинами-эсэсовцами, в то время как надзиратели-женщины охраняли внутреннюю область женского лагеря и входили таким образом в непосредственный ежедневный контакт с заключенными-женщинами.

Впрочем, половое разделение соблюдалось не всегда строго. Например, в Равенсбрюке оно существовало неукоснительно, чего нельзя сказать о Берген-Бельзене. Там время от времени из-за недостатка персонала внутренняя охрана также осуществлялась мужчинами СС. Лагерная статистика показывает, что на 15 января 1945 года в Равенсбрюке находились на службе 1 008 мужчин и 546 женщин-надзирателей, а в Берген-Бельзене соответственно 277 мужчин и 12 женщин. Однако, согласно показаниям заключенных, фактическая численность женщин-надзирателей во втором лагере была значительно выше. По их оценкам, примерно 10 % надзирателей СС в концентрационных лагерях были женщинами.

Для надзирательниц СС существовали строгие правила. Они подчинялись юриспруденции СС и с весны 1940 года носили форменную одежду. Она состояла из серого костюма со знаком имперского орла (но не черепа, как это обычно было в СС)⁶. В дальнейшем кроме костюма надзирательницам выдавались сапоги и головной убор. Они были вооружены дубинкой, пистолетом и плеткой. Нередко в сопровождение им выделялись специально обученные собаки (см. иллюстрации). Надзирательницы СС считались имперскими служащими и получали зарплату согласно Положению о тарифах для служащих. Незамужняя надзирательница 25 лет зарабатывала ежемесячно 105 рейхсмарок (нам неизвестно, взимался ли с них подоходный налог). Надбавка за сверхурочную работу составляла 35 рейхсмарок. В сумме это были в то время неплохие для немецкой женщины деньги⁷. Зарплата надзирателей-мужчин была примерно такой же.

Об обязанностях и привилегиях надзирательниц в стандартном письме Фрица Зурена, коменданта Равенсбрюка, адресованного вновь поступающим на службу, говорилось так: «На основании Вашего заявления о приеме на

⁶ В большинстве художественных фильмов эсэсовцы почему-то одеты в черную форму – видимо, сказывается живучий стереотип. – *В.М.*

⁷ Среднемесячный заработок в Германии в это время составлял, по разным оценкам, от 70 до 120 рейхсмарок. В то же время «народный автомобиль» – «Фольксваген» – стоил около 1 000 рейхсмарок. И еще две цифры: генерал вермахта получал 2 000, а фельдмаршал – 4 000 рейхсмарок в месяц. – *В.М.*

должность надзирательницы кратко доводим до Вас, какую работу Вы здесь должны будете исполнять. В концентрационном лагере Равенсбрюк находятся в заключении женщины, которые совершили различные нарушения закона, и теперь, чтобы предотвратить дальнейшие их преступления, они должны быть изолированы. За этими женщинами необходимо следить при их нахождении и в пределах, и вне лагеря. Вам не надо владеть никакими профессиональными знаниями для этой работы, так как речь идет лишь об охране заключенных. Надзирательницы являются имперскими служащими, получающими зарплату в соответствии с Положением о тарифах для служащих. Вы будете также бесплатно обеспечиваться форменной одеждой и частично нижним бельем. При соответствии занимаемой должности Вы имеете возможность занять должность начальника одного из внешних лагерей Равенсбрюка».

Кроме перечисленного, все надзиратели питались и получали про довольственный паек непосредственно в лагере, и им предоставлялись служебные квартиры. При этом незамужние женщины селились по двое в комнате, а замужние и матери-одиночки имели возможность размещаться в частном порядке вне лагеря. Надзирательницы, принятые на службу с 1943 года, могли (по крайней мере – в Равенсбрюке) спать вне лагеря.

На службу принимались преимущественно женщины от 21 до 45 лет, не имеющие судимости и годные по состоянию здоровья. Предварительно они проходили трехмесячный испытательный срок, прежде чем их допускали к самостоятельной работе. Сначала они исполняли функции вспомогательных надзирательниц под началом «опытной» надзирательницы и только потом допускались к самостоятельной деятельности. Если же они уже были однажды надзирательницами, то имели шанс стать старшими надзирательницами.

При этом женщины из персонала концлагерей, будучи служащими вспомогательных подразделений, формально (напомним) не были членами СС, хотя и безусловно подпадали под юрисдикцию этой структуры. В упомя-

нудом стандартном письме комендатуры Равенсбрюка говорилось об этом так: «Ваша деятельность будет рассматриваться как военная служба. Вы будете состоять в вооруженных подразделениях СС. Поэтому условиями для Вашего приема являются Ваша несудимость в прошлом и физическое здоровье. Поэтому Вам предлагается предоставить нижеследующие документы: полицейское свидетельство о благонадежности, автобиографию, фотографию, медицинскую справку о состоянии здоровья и направление соответствующей биржи труда».

Заключенные должны были обращаться к надзирательницам «госпожа надзирательница», а поэтому их имена были редко известны. Их знали скорее под определенными кличками, которыми награждали их узники. Для большинства заключенных надзирательницы являли собой некий новый человеческий тип. Вот как описывает типичную надзирательницу Ханна Леви-Хасс, заключенная концлагеря Берген-Бельзена, в своем дневнике, который она вела с сентября 1944-го по апрель 1945 года:

«6 ноября 1944 года... Барак подвергается ежедневному строгому осмотру. Это делается молодой девушкой-эсэсовкой, «серой мышью», смотрящейся изящно и кокетливо в ее ладно сидящей униформе и сапожках до колен. Высокомерная и крикливая, она врывается в барак, сопровождаемая солдатом и еврейским лидером лагеря (Judenaltester). Серая мышь делает преувеличенные жесты, провокационно резко выбрасывает свое тело в разные стороны и произносит театральные, рассчитанные на устрашение крики всякий раз, когда она видит плохо вымытую посуду или недостаточно тщательно убранную кровать.

Она может быстро и внезапно, не снимая перчатки, ударить заключенную по лицу, произведя звонкую пощечину. Без всякой видимой причины она ежедневно наказывает по крайней мере семь или восемь заключенных в каждом бараке тем, что оставляет их голодом. Ее единственная цель состоит в том, чтобы измываться, мучить и оскорблять. Ее посещения и не преследуют никакой другой цели».

Другая бывшая заключенная, Лина Хааг, так описывала свои впечатления после прибытия в женский концлагерь Лихтенбург: «Надзирательницы-эсэсовки окружают нас, как серые волки. Я впервые вижу этот новый, идеальный тип немецкой женщины. У одних пустые, у других свирепые лица, но у каждой одна и та же вульгарная складка у рта. Они шагают взад и вперед большими шагами в серых развевающихся накидках, на весь двор гулко звучат их команды, огромные овчарки, которых они держат на поводке, стремительно и угрожающе рвутся вперед. Женщины эти неправдоподобны, внушают страх, напоминают о мрачных легендах, безжалостны и, наверное, много опаснее свирепых эсэсовских палачей, ибо они женщины. Женщины? Сомневаюсь в этом. Это могут быть лишь существа, существа с серыми псами и всеми инстинктами и дикостью своих псов. Это чудовища»⁸.

Дисциплина среди надзирательниц была обычной немецкой дисциплиной. Если надзирательницы совершали проступки, вступая в «любые личные отношения с заключенными», или из-за «недостаточной внимательности» при охране или краже заслуживали наказания, то они наказывались в зависимости от вида недозволенных действий (зачастую переводились в другое место). При этом жестокость по отношению к заключенным практически поощрялась. Например, в то время как «кража имперской собственности» наказывалась тремя месяцами тюрьмы с последующим увольнением, за «убийство заключенного из-за неосторожного обращения со служебным пистолетом» полагалось лишь пять дней «мягкого ареста». Тем не менее, известен ряд случаев, когда эсэсовцев наказывали весьма и весьма сурово. Например, штандартенфюрер СС Карл Кох, комендант Бухенвальда и Майданека, был казнен по приговору суда СС за «незаконное (!) убийство двух заключенных» и «незаконную деятельность» (судя по всему – за воровство и другие преступления). Та же участь (и тоже

⁸ Хааг Л. Горсть пепла. М., 1981. С. 168.

за воровство) постигла и другого коменданта Майданека – Германа Флорштедта.

(Кстати, несколько слов о том, как сложились судьбы комендантов нацистских концлагерей. По ходу работы над книгой нам удалось проследить судьбы 58 наиболее известных комендантов. Из них 43 были казнены, пятеро покончили с собой, один был убит при попытке к бегству, 8 осуждены к различным срокам лишения свободы (в том числе 7 из них – к пожизненному тюремному заключению) и только один остался безнаказанным⁹. По этим цифрам видно, как несладко пришлось комендантам гитлеровских концлагерей в отличие от их коллег – комендантов сталинских лагерей.)

Специальным циркуляром от 17 января 1944 года комендантам концентрационных лагерей запрещалось самовольно подвергать наказанию надзирательниц СС. Это решение должно было приниматься на уровне ВФХА – Главного административно-хозяйственного управления РСХА, которому были подведомственны лагеря. Если надзирательница и наказывалась арестом, то обычно и после этого она продолжала свою службу. Причинами же увольнения были обычно хронические болезни и беременность. Редко случалось, когда надзирательниц увольняли как «неисправимых»: для этого надо было получить несколько взысканий. Если же женщина была наказана только однажды, то ей было сложно уволиться по собственному желанию. Штрафные перестановки и увольнения производились только при какой-то «экстремальной» необычности надзирательницы. Причиной тому был почти хронический, как это ни странно, недостаток женского персонала в СС.

Нам известны три вида призыва надзирательниц: добровольное вступление женщин в СС, наём и привлечение к отбыванию трудовой повинности (впрочем, принципиальная разница между первым и вторым способами не ощущается. Видимо, в первом случае инициатива исходила от

⁹ См., например: Web Genocide Documentation Centre. URL: <http://ess.uwe.ac.uk/WCC/warcrimcon.htm> (дата обращения: 11.05.2013).

потенциальной претендентки, а во втором – от заинтересованных органов). Стимулы же были преимущественно финансового рода. Кроме того, женщин привлекал статус имперской служащей. Первое время потенциальных надзирательниц набирали с помощью газетной рекламы и биржи труда, которые расхваливали эту работу как «легкую физическую деятельность». При этом чаще всего обращались к женщинам, которые были безработными, одиночками, а зачастую – без необходимого для трудоустройства образования. Как особенную квалификацию рассматривали опыт работы надсмотрщицей, а хорошая оплата была дальнейшим стимулом.

Обычно добровольно на службу в лагерь шли женщины из близлежащих населенных пунктов. Кстати, таких было немало. Например, в Равенсбрюке на места надсмотрщиц претендовали многие женщины, проживавшие в близлежащем Фюрстенберге и прилегающих деревнях. Таким образом они радикально решали проблему своего трудоустройства, поступая на хорошо оплачиваемую работу вблизи от дома. Такие добровольные надзирательницы пользовались определенными преимуществами по отношению к военнообязанным. Во-первых, они жили у себя дома, а во-вторых, у них всегда была возможность подать начальству рапорт об увольнении по уважительным (прежде всего – семейным) причинам. Вот только пользовались этим правом немногие.

В 1944 году Генрих Гиммлер в своем циркуляре в учреждения СС сообщил, что СС нуждается в женщинах-помощницах больше, чем это обеспечивает их добровольный набор. Рейхсфюрер потребовал от получателей циркуляра усиления работы по найму молодых девушек и женщин, так как растущее количество заключенных в концентрационных лагерях делало это абсолютно необходимым.

Надо сказать и о еще одной «странности» гитлеровского режима (она вполне роднит его с режимом сталинским): он испытывал неудобство от того, что далеко не все женщины приходили в надзирательницы добровольно, а многие рекрутировались биржами труда. Желательна же была именно

добровольность (!). По этой причине один из начальников концлагеря Равенсбрюк предпринял даже в середине 1943 года настоящую рекламную поездку, в ходе которой он на промышленных предприятиях агитировал женщин и девушек идти в надзирательницы. В результате были завербованы уже работающие женщины, да еще не самые дисциплинированные, то есть позволяющие себе «ослабление трудовой морали». Поэтому не от хорошей жизни уже с августа того же года в Равенсбрюке регулярно стали проводиться так называемые «мировоззренческие обучения» (видимо, аналог советских политзанятий), имеющие целью быстро сформировать надежных надзирательниц из завербованных женщин.

Привлечение женщин для работы в военной промышленности через биржи началось уже в 1940 году. Но этот процесс шел вяло, и оживление наступило только к концу 1942 года, когда экономика Германии прочно работала в режиме военного времени. В конце концов, 27 января 1943 года появилось упомянутое нами «Предписание о привлечении мужчин и женщин для целей имперской обороны», но оно было ориентировано прежде всего на квалифицированных работников, а поэтому многие женщины не были им затронуты. В результате большинство женщин из состоятельных семей не было вовлечено в экономическую деятельность, а, напротив, «Предписанием» были затронуты преимущественно женщины менее обеспеченные – либо уже работающие, либо безработные.

Тем не менее принятые меры дали неплохие результаты: количество привлеченных женских рабочих рук быстро возрастало в течение всего 1943 года и достигло пика в 1944-м. Не исключено, что к биржам труда применялись какие-то государственные меры воздействия, так как число добровольцев в это время даже превысило в определенный момент число рабочих мест в лагерях.

У гражданских служащих предприятий по производству вооружения была и другая возможность для обязательного призыва на лагерную работу. Дело в том, что когда в 1943 году началось усиленное использование труда

заключенных концлагерей в военной промышленности, то именно ее предприятия были обязаны поставлять в лагеря надзирателей. Только предприятия, предоставившие достаточное число надзирательниц, могли получать дешевую рабочую силу. Таким образом, женщины, которые работали на них, часто становились надзирательницами в концлагерях.

Эта самая большая группа принудительно-обязанных надзирательниц породила, однако, для лагерей новые проблемы. Так, в приказе комендатуры концлагеря Равенсбрюк от 24 июля 1942 года отмечалось, что «не размещенному в казармах вспомогательному персоналу» сильно не хватает дисциплины, надзирательницы часто прибывают на службу только (!) к началу работы и уставшими, так что нередко засыпают во время службы. Надзирательницы, со своей стороны, то и дело официально жаловались на недостаток свободного времени и «плохое состояние их квартир» (типичная, кстати, жалоба немецких женщин, которые рассматривали неухоженность жилья как свое серьезное женское упущение. У советских женщин проблемы зачастую лежали в другой плоскости).

Тем не менее, как мы уже отмечали, попыток уйти с надзирательской работы было сравнительно немного. Абсолютное большинство женщин-надзирательниц рассматривали свое пребывание в лагере не только как финансово выгодную деятельность, но и как исполнение своего долга перед Германией. Хотя нельзя не сказать, что было и меньшинство – те, для кого это «исполнение долга» было тяжким бременем. В подтверждение тому – небольшой отрывок из мемуарной книги «Лес Богов» известного литовского писателя, переводчика (он, кстати, перевел на литовский язык «Слово о полку Игореве») и драматурга Балиса Сруоги, в 1943–1945 годах бывшего заключенным концлагеря Штуттгоф:

«В рабочих командах евреек, а позже и во всех других женских командах порядок наводили немки-эсэсовки в возрасте от двадцати до тридцати лет, видимо, специально для этого дела мобилизованные... Эсэсовские барышни пользовались в лагере не очень доброй славой. Они

смело конкурировали с военными и соломенными вдовами... Заключенных барышни избивали не палками, а специальными тонкими и крепкими ремнями. Понятно, эсэсовки иногда не ленились и по физиономии съездить. Своей честью и достоинством они не слишком дорожили. Но и среди этих отпетых лахудр и стерв попадалась одна-другая порядочная, не менее заключенных тяготившаяся своим положением.

Однажды я возвращался в сумерках с работы. По дороге, видно, с поезда шла девушка в эсэсовской форме. Рыжеволосая, круглолицая, она плакала, сняв эсэсовскую шапку и беспомощно опустив руки. Я пожалел ее и спросил:

- Что случилось, девушка? Может, я могу быть чем-нибудь полезен?
- Нет, — всхлинула она и все повторяла: – Господи, господи!..

Захлебываясь слезами, она рассказала, что проводила на станцию транспорт евреек. Измученных таких. Она не знала, куда их везут и ничем не могла помочь. Страшно жалко их, а помочь ничем нельзя...

Девушка исчезла в своем бараке, продолжая рыдать»¹⁰.

Когда читаешь подобное, то отчетливо понимаешь, что жизнь гораздо сложнее, чем регламентирующие ее законы, инструкции и обычаи...

1.2. Врачи и медицинские сестры СС в концентрационных лагерях

Они служили в женских концентрационных лагерях, в других лагерях с женскими отделениями, а также в управлениях СС по концентрационным лагерям, во фронтовых военных госпиталях и в полицейских участках СС. Все они состояли в соответствующем имперском союзе и были подчинены юрисдикции СС. Бывшие узники после окончания войны почти единогласно утверждали, что эти женщины не только не имели никакого желания помогать больным, но и убивали их неоднократно. Неудивительно, что это

¹⁰ *Сруога Б.* Лес богов. URL: http://bookol.ru/proza-main/o_voynе/5027.htm (дата обращения: 12.01.2013).

утверждение часто встречается и в исследованиях, посвященных конц-лагерям.

Кто спорит: действительно, состояние здравоохранения в лагерях было плачевным, а врачи и медсестры СС нередко ничего не делали для того, чтобы изменить ее к лучшему. Но не будем оценивать всех одной мерой. Были и другие, пусть даже их было мало. Одна из них – австрийка Мария Штромбергер, служившая старшей медсестрой в эсэсовском госпитале в Освенциме в 1942–1944 годах. Эта отважная женщина оказывала лагерному подполью бесценную помощь – осуществляла его связь с внешним миром (кстати, видимо, именно благодаря в том числе и ей разведслужбы союзников были в курсе того, что происходит в Освенциме. Порой эти сообщения, к великому неудовольствию нацистов, появлялись и в западных средствах массовой информации). Кроме того, она помогала заключенным доставать продукты питания, медикаменты и даже оружие. Тем не менее, ей пришлось после войны пережить всю горечь несправедливых подозрений и какое-то время провести в «фильтрационном» (как бы мы сказали) лагере. Жизненный пример Марии Штромбергер – еще одно доказательство того, что и в самых тяжких условиях человек может оставаться Человеком.

Необходимо отметить, что из женщин-врачей и медсестер СС в историографии нацистских лагерей осталось не так много имен. Большинство из этих лиц считается в той или иной степени причастным к проведению преступных экспериментов над живыми людьми – узниками концлагерей. При этом чаще всего в литературе упоминаются доктора Герда Оберойзер, Эрика Келер, Герда Вейанд и медицинские сестры Эрна Бехмер, Марта Хааке, Герда Ганцер, Лисбет Крцок, Элизабет Маршалл, Кармен Мори и Вера Зальвекварт. Некоторые из них не были привлечены к ответственности (например, Г.Вайанд, Э.Бехмер и Э.Келер), другие же понесли различные наказания вплоть до самого тяжкого (Э.Маршалл, К.Мори и В.Зальвекварт были приговорены к смертной казни).

Иллюстрации

Художник (бывший узник) В.Сивек (Польша). В концлагере Аушвиц

Художница (бывшая узница) Е.Либерман-Шибер. В концлагере Равенсбрюк

Карл Кох и Герман Флорштед. Одни из самых одиозных комендантов нацистских концлагерей. Интересно, что оба были расстреляны по приговорам своих же, нацистских, военных судов за воровство и другие преступления

Мария Штрอมбергер (1898–1967).
Послевоенная фотография

Униформа надзирательниц концлагерей¹¹

¹¹ SS-Aufseherin Female Camp Guards. URL: <http://ssaufseherin.blog.pl> (дата обращения: 12.03.2009).

Такими они были в реальности...

...И даже отдыхали, как все нормальные люди

Глава II

Уголовное преследование нацистских военных преступников и денацификация Германии

Считается, что идея наказания нацистских преступников за совершенные злодеяния впервые была высказана Президентом США Ф.Рузвельтом 7 октября 1942 года, когда он заявил о намерении союзников наказать нацистских главарей, «ответственных за организованное убийство тысяч невинных людей и нарушивших все принципы Христианской веры». Ровно через месяц, 7 ноября, аналогичную мысль высказал И.Сталин в своем выступлении на торжественном заседании в Москве: «Мы знаем виновников этих безобразий, строителей нового порядка в Европе, всех этих новоиспеченных генерал-губернаторов и просто губернаторов, комендантов и подкомендантов. Их имена известны десяткам тысяч замученных людей. Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Между тем не все знают, что уже 12 января 1942 года в Лондоне собрались представители девяти оккупированных Германией стран¹ с тем, чтобы привлечь внимание мирового общественного мнения к преступлениям нацистов, совершаемых на территориях этих стран. В принятой на этом совещании декларации осуждался нацистский «режим ужаса, сопровождающийся заключениями, массовыми изгнаниями, казнями заложников и убийствами» и звучал призыв к «наказанию посредством организованного правосудия виновных или ответственных за эти преступления».

Конкретное воплощение эти намерения получили в Московской декларации от 30 октября 1943 года. Декларация гласила, что германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, ответственные за военные

¹ Вот перечень этих стран: Бельгия, Греция, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Франция, Чехия и Югославия. – В.М.

преступления, будут отосланы в страны, где они совершили свои преступления, и там преданы за них суду. Текст декларации был подготовлен У.Черчиллем.

Меньше известен тот факт, что уже 26 октября того же, 1943-го, года в Лондоне собралась Комиссия по военным преступлениям, составленная из 15 представителей союзнических наций, чтобы обсудить предстоящие (!) суды над немецкими военными преступниками. Таким образом, практическая работа по подготовке послевоенных процессов началась уже задолго до окончания войны.

Вопрос о привлечении к ответственности и наказании нацистских преступников обсуждался также на всех конференциях трех ведущих держав-победительниц – Тегеранской в 1943-м, Ялтинской и Потсдамской в 1945 году. На последней Г.Трумэн, И.Сталин и К.Эттли (он накануне стал премьер-министром, заменив на этом посту У.Черчилля) решили «нацистских руководителей партии, влиятельных сторонников нацистов и руководителей нацистских учреждений <...> арестовывать и интернировать».

Собственно говоря, это решение реализовывалось уже с момента разгрома Германии. Непосредственная подготовка к судебным процессам по делам военных преступников началась сразу же после ее оккупации. К лету 1945 года были созданы все важнейшие организационные предпосылки для подобных процессов. Как известно, наиболее ярким проявлением общей воли держав-победительниц в этом вопросе стал «суд народов» – знаменитый Нюрнбергский процесс. Но не надо забывать, что он был лишь верхушкой айсберга: помимо него состоялись сотни процессов над преступниками меньшего ранга.

При этом расторопнее всех союзников оказались англичане. В середине июля 1945 года особый приказ военного министерства Великобритании установил, что британские главнокомандующие получали право созыва военных судов для проведения судебных процессов по делам военных преступников. Как только эти особые полномочия были ими получены,

процессы должны были начаться в самом скором времени. На них как военные преступники должны были судиться только лица, которых обвиняли в нарушении права войны, то есть в убийствах или истязаниях военнопленных или жителей оккупированных стран.

Организация и порядок функционирования британских военных трибуналов очень хорошо описаны в работе уже цитированной нами Клаудии Тааке. В общих чертах это выглядело следующим образом².

В зоне оккупации Великобритании было установлено, что суды формируются в составе пяти или семи британских офицеров.

В случаях, когда подсудимый обвинялся в военных преступлениях вне Германии, офицер соответствующей страны мог допускаться как заседатель (именно так и произошло на первом Равенсбрюкском процессе, где в качестве заседателя участвовал представитель Польши). Хотя военно-полевые суды из офицеров существовали и ранее, но судопроизводство уже не должно было вестись подобно тому, как это делалось в условиях военного времени. Для послевоенных процессов вырабатывался поэтому особенный порядок ведения, который должен был гарантировать быстрое и справедливое решение по законам британской юстиции, и ни один подсудимый не мог быть казнен или подвергнут любому другому наказанию без суда.

Порядок функционирования британского военного суда определялся королевским поручением, изложенным в «Правилах для уголовных преступлений» от 14 июня 1945 года в соответствии с действующим Положением о военных судах. Таким образом, британский военный суд состоял, как уже было сказано выше, из 3–5 офицеров в качестве судей, председателя суда, обвинителя и квалифицированного юриста как

² Здесь и далее в этой главе использованы материалы следующих работ зарубежных авторов: *Taake C.* Angeklart: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998; *Schäfer S.* Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. Berlin, 2002. – *B.M.*

консультанта. При этом и защитники, и обвинители были служащими британской армии.

Консультант (адвокат), являясь квалифицированным юристом, должен был консультировать судей во всех юридических и процедурных вопросах и помогать в приведении доказательств. Он не принимал участия сам в обсуждении приговора, но давал перед тем заключительный обзор о правовом статусе и состоянии доказательной базы процесса. В процессах, не имеющих большого значения, консультант часто не привлекался: там хватало и того, что председатель или один из заседателей юридически был компетентен.

Если в первых британских процессах защитники были молодыми английскими офицерами, которые выбирались по их «симпатиям к фашистской партии в Англии» (такую разнuzданную демократию нам, россиянам, и сейчас понять нелегко), то обвиняемые в гамбургских (равенсбрюкских) процессах уже имели немецких адвокатов. Вместе с тем британцы хотели доказать их беспристрастность. Все заседания судов были публичными. Приговор должен был быть утвержден более высоким офицером. Возражения против вынесенного приговора могли оформляться как «особое мнение».

На решение суда не принимались никакие апелляции. Тем не менее осужденный мог подать прошение компетентному в утверждении командиру о помиловании или смягчении наказания. Военный министр или каждый уполномоченный им офицер (который должен был занимать должность по меньшей мере генерал-майора) мог смягчать вынесенный приговор или утверждать его, при условии, что его власть или звание позволяли сделать это. (Например, после первого Берген-Бельзенского процесса это сделал фельдмаршал Монтгомери.)

В случае осуждения суды были правомочны выносить смертные приговоры, наказания лишением свободы, а также назначать имущественные взыскания. Имущественные взыскания и назначение денежных штрафов

должны были практически обеспечить возможность для возмещения причиненного ущерба. Вышеупомянутый приказ предусматривал также право осужденного подавать апелляцию. Решение по этим апелляциям должны были приниматься незамедлительно.

Процедура запланированных процессов была точно расписана. Сначала подсудимый должен был в ответ на заданный ему вопрос о том, признает ли он себя виновным, произнести всего лишь одно слово: «виновен» или «невиновен». Затем же он был в какой-то мере зрителем на собственном суде. Здесь в противоположность немецким судам, которые ставили допрос подсудимых на передний план, свидетельские показания играли более важную роль. Подсудимый не имел возможности говорить непосредственно, а должен был ждать своей очереди на перекрестный допрос. Исключения допускались только в случае, если судебное следствие было закрытым.

Приговор распадался на две части. Сначала подсудимый признавался либо «виновным», либо «невиновным». Во второй же части провозглашалась мера наказания. Защитник мог выступать по ходу судебного заседания, но просить о снисхождении и говорить о смягчающих обстоятельствах мог только после вынесения приговора. Чтобы относиться к каждому подсудимому в высшей степени непредвзято, суд узнавал о возможных прежних судимостях обвиненного только после оглашения приговора.

Что касается военных судов в других оккупационных зонах – американской, советской и французской, то условия их функционирования хотя и имели некоторые отличия (вызванные, прежде всего, особенностями национального судопроизводства), но в целом служили одной согласованной цели – наказанию нацистских преступников. Например, на Берген-Бельзенском процессе фигурантам предъявлялись обвинения в индивидуальных убийствах людей, внесенных в специальный список, в то время как на Нюрнбергском процессе, а также процессах персонала концлагерей Бухенвальд и Дахау в индивидуальных убийствах никто не обвинялся.

Нельзя не сказать, что судебное преследование нацистских преступников в зонах влияния союзников проводилось в рамках многостороннего и обширного процесса, получившего в исторической литературе название «денацификация». Само это понятие имело двойной смысл. Во-первых, под ним понималось «политическое очищение» и преобразования в оккупированной Германии, а во-вторых – процесс проверки анкет должностных лиц с последующим принятием решений о том, должны ли увольняться определенные лица из государственных учреждений и заменяться на политически благонадежных людей. Увольнение представляло собой мероприятие скорее профилактическое, а интернировались, напротив, те немцы, которые рассматривались как лица, представляющие угрозу для оккупационных войск. К этой категории относились в первую очередь так называемые «подозреваемые военные преступники», т.е. люди, которых должны были обвинять в преступлениях. Кроме того, интернирование производилось на основании изданного в апреле 1945 года «Справочника категорий арестованных», который и служил указанием к действию для производства арестов. Согласно ему все члены нацистского руководства были разделены на 6 категорий по степени опасности.

Многочисленные аресты начались сразу же с приходом союзнических войск. От страха натолкнуться на сильное национал-социалистское движение сопротивления примерно 30 000 человек были интернированы с самого возникновения британской зоны оккупации. К арестам предполагаемых военных преступников военные власти в британской оккупационной зоне были подготовлены, по мнению некоторых исследователей, плохо. Правда, в апреле 1945 года фельдмаршал Монтгомери назначил специальные «команды по расследованию преступлений», но имелись лишь три такие группы, состоявшие из четырех офицеров каждая. Все же британцы арестовали до июня 1946 года тысячи подозреваемых военных преступников. Кроме того, имелись списки, содержавшие данные на эту категорию лиц. Эти

списки должны были помочь при поисках среди уже интернированных людей.

«Подозреваемые военные преступники» должны были размещаться в отдельных, огороженных колючей проволокой зонах полевых лагерей, чтобы исключить любые их несанкционированные контакты с внешним миром (хотя в реальности это трудно было соблюсти, например, в лагерных госпиталях). К 1949 году только через британские лагеря интернированных на территории Германии прошли 90 614 человек. Из них более 71 000 человек интернировались уже в первом послевоенном году, а большинство из этого количества (примерно 65 000 человек) интернировались автоматически, так как относились к «арестным» категориям. Сам арест производился вполне обыденно: либо по месту постоянного проживания подозреваемых, либо в тот момент, когда они обращались за оформлением различного рода бумаг. Этому способствовали (как тут не вспомнить!) знаменитые немецкие законопослушание и дисциплина.

В соответствии с тогдашней практикой, интернированные сразу же подвергались пропагандистской обработке. Надо отдать должное британским спецслужбам: уже в октябре 1944 года в их недрах обсуждался вопрос о том, какой материал может быть использован для перевоспитания немецкого народа. В результате решено было создать фильм под названием «Мельницы смерти» как основное средство информации о зверствах немцев. В нем рассказывалось о преступлениях в нацистских концентрационных лагерях, и англичане надеялись, что немецкое население узнает масштабы этих зверств и испытает соответствующее чувство вины.

Параллельно пропагандистской, в лагерях велась, естественно, и агентурная («оперативная») работа. При этом чины британской армии и доверенные лица среди задержанных, например врачи или священнослужители (некоторые из них шли добровольно в лагерь, чтобы помогать пленникам), выполняли роль осведомителей. Надо сказать, что здесь было широкое поле деятельности: ведь первое время, примерно до

весны 1946 года, интернированные сами толком не знали, почему они находятся в заключении (факт наличия «автоматических категорий ареста» от них скрывался). Многие из интернированных были абсолютно уверены в грядущей новой мировой войне между западными оккупационными властями и Советским Союзом и предполагали, что они должны были использоваться для этого, то есть выдавали желаемое за действительное. Это происходило чаще всего у бывших эсэсовцев и высших офицеров, но с течением времени, что интересно, таких интернированных становилось все больше и больше.

Кроме изучения «общественного мнения» оперативная работа помогала выявить и конкретных военных преступников, в том числе и для выдачи их органам правосудия тех стран, где они совершали преступления. Надо сказать, что самый большой страх интернированные испытывали перед выдачей «восточным» странам: Советскому Союзу, Польше, Чехословакии, Югославии. При этом больше всего таких выдач пришлось на Польшу. Зная масштабы злодеяний в этой стране и предвидя беспощадность польских судов, конкретные фигуранты нередко кончали жизнь самоубийством, когда узнавали о своей предстоящей выдаче. Почему-то (особенно первое время, пока в союзнических оккупационных зонах не прошли первые процессы) интернированные очень рассчитывали на снисходительное к себе отношение со стороны хотя бы англоамериканцев. Правда, разочарование пришло сразу же, как только союзники начали десятками вешать бывших нацистов по приговорам судов...

Функционирование подобных лагерей неизбежно сопровождалось и еще одной проблемой: интернирование и долговременное содержание под стражей десятков тысяч человек было непростой задачей даже для отлаженной машины материально-технического снабжения союзников. При том, что общая экономическая ситуация в послевоенной оккупированной Германии была катастрофической. Так, в трех западных оккупационных зонах было разрушено 45 % жилых помещений. В имеющемся же жилом

фонде часто размещались оккупационные войска. Жилищный кризис усугублялся еще и тем, что в последние месяцы войны в Западную Германию прибыло примерно 10 миллионов беженцев из бывших немецких восточных областей. При этом из-за неравномерной половозрастной структуры населения возник дефицит рабочей силы на рынке: с одной стороны, имелось избыточное предложение служащих и неквалифицированных рабочих, а с другой – не хватало квалифицированных рабочих, и прежде всего мужчин. По этой причине женщины нередко использовались на тяжелых физических работах. Однако самой большой проблемой британского управления было плохое состояние здоровья населения, что было вызвано недостаточным уровнем питания.

В течение 1945 года, а тем более суровой зимой 1945/1946 года (суровой, конечно, по меркам Средней Европы) потребность в продуктах питания для 23 миллионов жителей британской оккупационной зоны ежемесячно составляла многие десятки тысяч тонн. Ввиду такого плохого положения со снабжением страны, в целом ситуация с интернированными отходила на задний план, то есть лагеря попросту снабжались по остаточному принципу. Поэтому численность категории «автоматического ареста» неуклонно снижалась с зимы 1945/1946 года, и ее удельный вес в общей численности интернированных больше уже не увеличивается.

Британское военное министерство имело всего девять лагерей для интернированных лиц. Самым, пожалуй, известным (и в то же время типичным) из них был лагерь под названием Падерборн-Штаумюле. Во время режима национал-социалистов на территории этого лагеря размещался гарнизон войск СС. После окончания войны здесь несколько месяцев находился лагерь для перемещенных лиц. Лагерь для интернированных был оборудован в июле 1945 года и просуществовал три года.

Сам лагерь состоял из пяти разделенных друг с другом полевых лагерей и госпиталя, в котором работали и сами интернированные. Падерборн-Штаумюле был самым большим лагерем подобного рода в британской зоне

оккупации. В апреле 1946 года там содержалось более 10 000 человек, из них примерно 850 женщин. Сравнительно большая смертность в данном лагере объясняется тем, что условия жизни и обеспечение питанием в нем было хуже, чем в любом другом лагере. Первый случай смерти от истощения, произошедший уже в ноябре 1945 (!) года, стал предметом разбирательства в британской оккупационной администрации, которая попыталась улучшить условия жизни в лагере. В апреле 1946 года лагерь посетила специальная инспекция, а два месяца спустя в нем побывали английские парламентарии. К этому времени средний вес интернированных уже вырос примерно на семь килограммов³.

Весной 1946 года в пределах лагеря был создан особый лагерь для предполагаемых военных преступников, огороженный колючей проволокой. Он был назван «лагерем для интернированных преступников», и в нем содержалось примерно 370 высоких чинов СС и функционеров нацистской партии – кандидатов на выдачу другим странам и тех, кто мог понадобиться уже заседавшему Нюрнбергскому военному трибуналу. Окончания этого процесса большинство интернированных ожидали с нетерпением. И тому были причины. Во-первых, весной 1946 года всем содержащимся в лагерях было объявлено, что они должны будут оставаться там еще неопределенное время до тех пор, пока не будет объявлен приговор Нюрнбергского процесса. А во-вторых, опять же большинство заключенных были уверены, что Международный военный трибунал вынесет оправдательный приговор, а значит, они, как исполнители приказов вышестоящего командования, будут освобождены. И снова – разочарование.

Таким образом, пресловутое немецкое законопослушание сыграло с интернированными злую шутку: они не были готовы к возможности держать ответ за свою принадлежность к СС или другой организации национал-социалистов. И совершенно неожиданным для многих из них было

³ Как показывает практика ведения войн, смертность среди военнопленных в силу ряда причин всегда повышена. Кстати, как сообщает Википедия, в советском плену из 3 486 тысяч военнопленных разных стран в 1941–1956 гг. умерло 519 тысяч, или почти 15 % от их общей численности. – *В.М.*

признание Нюрнбергским трибуналом НСДАП, СС, гестапо, СД и других структур Третьего рейха преступными организациями. Как сообщают источники, после этого «общее настроение упало, интернированные чувствовали себя несправедливо униженными».

Итак, с 1946 года военные трибуналы союзников заработали на полную мощность... Каковы же были итоги их деятельности? Опубликованные на Западе цифры говорят следующее: в американской зоне оккупации было привлечено к судебной ответственности 1 941 человек. Из них всего было осуждено 1 517 человек, в том числе к смертной казни – 324, к пожизненному заключению – 247, к различным срокам лишения свободы – 946. В британской зоне оккупации всего было осуждено 1 085 человек, в том числе к смертной казни – 240. Во французской зоне оккупации было осуждено 2 107 человек, в том числе к смертной казни – 104. Наконец, в советской зоне оккупации было осуждено 17 866 человек (меры наказания неизвестны).

Таким образом, согласно приведенной статистике, общее число осужденных в 1945–1949 годах в трех зонах оккупации наших союзников составило 4 709 человек. Правда, в обширной литературе чаще фигурирует другая, близкая к приведенной, цифра – 5 025 человек. Из них к смертной казни было приговорено, как нетрудно сосчитать по приведенным нами цифрам, 668 человек (в литературе обычно фигурирует цифра «более 500 человек»). Наконец, казнено было 407 человек (обычно пишут «более 400»).

Как мы уже отмечали, в трех союзнических зонах (помимо советской) особенную активность проявили британские оккупационные власти. И понять их можно: наконец-то им предоставилась возможность рассчитаться за варварские бомбардировки английских городов, за позор Дюнкерка, за обман Мюнхена. Всего британцы провели в своей зоне 357 (!) процессов, при этом в 314 процессах фигурировало 989 немецких граждан. Для «обслуживания» такого большого количества обвиняемых одновременно функционировали от 2 до 8 военных судов.

При этом большинство британских процессов касались преступлений против группы лиц, на которых привлекались к ответственности коменданты, надзиратели и другой персонал концентрационных лагерей: Берген-Бельзена, Аушвица (Освенцима), Гросс-Розена, Ладе-Везера, Нойграбен-Тифштата, Нойенгамма, Равенсбрюка, Зазеля, Штокен-Алена и Найтсвеллер-Штрутофа. Именно на этих процессах были осуждены к смертной казни 13 женщин – бывших надзирательниц и медицинских работников, причем помилованы были только две из них (Герда Ганцер и Элла Шмидт), одна (Кармен Мори) покончила с собой до казни, а остальные 10, несмотря ни на что, были повешены. Их биографии и преступления рассматриваются в данной книге.

Но, видимо, такая решительность и суровость военных судов устраивала не всех даже в странах-победительницах. Так, в Великобритании критика судебных процессов по делам военных преступников нарастает уже с 1946 года. Это привело к тому, что британское правительство лейбористов во главе с премьер-министром Эттли в 1949 году прекращает деятельность военных судов⁴. Мало того, начинается поэтапная кампания по сокращению сроков наказаний уже осужденным союзническими военными судами военным преступникам.

Так, с 1 сентября 1949 года при «хорошем поведении» сокращалась треть срока. Со 2 февраля 1950 года пожизненное заключение превращалось в 21 год заключения. С 3 декабря 1951 года в срок заключения стали засчитывать срок предварительного заключения (тут, правда, нечего возразить по существу). Наконец, с 4 апреля 1955 года максимальный срок заключения был снижен до 20 лет. Таким образом, в 1957–1958 годах тюрьмы союзников покинуло большинство осужденных. Это, правда, никоим образом не означало, что нацистские преступники в союзных оккупационных зонах отныне могли чувствовать себя спокойно.

⁴ Таким образом, начальным британским судебным процессом по делам военных преступников был первый Берген-Бельзенский (17.09.–17.11.1945 г.), а последним – процесс генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна (23.08.–19.12.1949 г.). – *В.М.*

Начало этого процесса «гуманизации» совпало по времени с началом «холодной» войны. Это, в свою очередь, дало повод советским средствам массовой информации в течение многих последующих лет утверждать, что на Западе, особенно в Западной Германии, «нашли убежище» и «живут припеваючи» многие тысячи нацистских преступников (что было, конечно, беспардонной ложью). О непопулярности в нашей стране темы наказания за преступления против человечности мы уже говорили. Добавим только, что именно поэтому в нашей стране, в общем-то, замалчивалась информация о том, какое наказание понесли многочисленные коменданты и надзиратели фашистских концлагерей, видные эсэсовцы и функционеры нацистской партии, не попавшие в руки советского правосудия. В результате абсолютное большинство советских людей не знало (то же можно сказать и об абсолютном большинстве нынешних россиян), что после Второй мировой войны прошел целый ряд (сотни!) судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками, как в ранее оккупированных Германией странах, так и в ней самой.

После же 1949 года суды над военными преступниками проводились уже в Федеративной Республике Германии, созданной на территории трех зон оккупации. Правда, и ее с начала 1950-х годов охватила «эпидемия оправданий»: если в 1949 году в ФРГ были проведены 1 465 процессов, то в 1950-м – 957, в 1951-м – 386, а в 1952-м – «только» 225⁵. Естественно, что число оправдательных приговоров при этом резко пошло вверх. Но, что было самым тревожным и неприятным, – в стране началась моральная реабилитация служителей нацизма. Это проявлялось, в частности, в проникновении нацистских функционеров в государственные учреждения и даже в силовые структуры. В западногерманском общественном мнении надолго утвердился «менталитет подведения черты под прошлым»⁶. Как

⁵ Osterloh J., Vollnhals C. NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit. Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR. Göttingen, 2011. S. 55.

⁶ Ibid. S. 60.

образно отметил А.И.Борозняк, «немцы отворачивались от позорных страниц своей истории»⁷.

Но, к чести немецкого общества, реабилитация нацизма не состоялась. Большую роль при этом сыграло Центральное ведомство ФРГ по расследованию нацистских преступлений, созданное в конце 1950-х годов. Пожалуй, самым значительным событием «второй волны» антинацистских судов стал франкфуртский (третий Освенцимский) процесс, прошедший в 1963–1965 годах (см. прил. 12). Именно после этого процесса «...слово “Освенцим” стало для немцев синонимом нацистского режима. Общество через двадцать лет после капитуляции Германии вернулось к мучительной проблеме национальной вины и национальной ответственности»⁸.

Завершением этого сложного ментального процесса было принятие западногерманским парламентом в 1979 году закона об отмене срока давности за нацистские преступления.

Таким образом, судебные процессы над нацистскими преступниками продолжали проводиться и в нашем веке. (Вспомним, как примерно в это же время российские СМИ лили крокодиловы слезы и расплывались в сочувствии бывшему энкаведэшнику, привлеченному к ответственности в одной из стран Балтии. А ведь сами же еще в недавнем прошлом громко вешали о том, что «к подобным преступлениям не должен применяться срок давности». Прекрасный пример готтентотской морали!»⁹)

Например, в 2001 году в российских СМИ появилось такое сообщение:

**«24 апреля 2001 г. в Германии начался суд
над очередным нацистским преступником**

Возможно, что он станет последним в истории осужденным за преступления, совершенные на службе Третьему рейху. Перед судом предстал бывший офицер «СС» Антон Мэллот. Ему 89 лет. Он почти слепой и страдает раковым заболеванием. Из-за слабого здоровья подсудимого

⁷ **Борозняк А.И.** Рецензия. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1806> (дата обращения: 26.07.2013).

⁸ Там же.

⁹ Происхождение этого словосочетания восходит к реальной беседе христианского миссионера с одним из представителей южноафриканского племени готтентотов. На вопрос «Что такое плохо?» готтентот ответил: это когда мой сосед побьет меня, угонит мой скот, похитит мою жену. На вопрос «Что такое хорошо?» он же ответил: это когда я побью моего соседа, угоною его скот, похищу его жену. – *В.М.*

слушание его дела проходит прямо в одной из мюнхенских тюрем, куда его перевезли из дома престарелых. Несмотря на многочисленные заболевания, суд решил, что Мэллот дееспособен и вполне в состоянии отвечать за свои преступления. Он служил охранником в концентрационном лагере Терезиенштадт близ Праги. Как утверждают свидетели, в сентябре 1943 года он застрелил заключенного-еврея, который был виноват лишь в том, что пытался спрятать под тюремной робой кочан цветной капусты. В январе 45-го Мэллот заставил двух заключенных раздеться догола, а третьему приказал поливать их водой до тех пор, пока несчастные не превратились в ледяные глыбы. Судья призвал бывшего нациста облегчить душу и признаться во всем. Но пока Антон Мэллот отрицает свою вину».

Но оказалось, что далеко не всех преступников привлекли к ответственности. И вот уже совсем недавнее сообщение от 2013 года:

«В Германии обнаружены 50 бывших надзирателей Освенцима. Их адреса известны органам юстиции. Большинству бывших нацистов уже за 90 лет, но, по мнению немецкой юстиции, преклонный возраст не освобождает этих людей от ответственности за совершенные преступления. Против них выдвинуто обвинение в "пособничестве к совершению убийства". Для таких преступлений не существует срока давности»¹⁰.

Можно, к слову, напомнить «нелегкие» послевоенные судьбы лагерных надзирательниц – Гермины Браунштейнер, Луизы Данц, Хильдегард Лэхерт и других, а также медсестры Герды Ганцер, которых германское правосудие преследовало буквально на протяжении всей их жизни. В этом же ряду стоит подлое имя Ивана Демьянюка, надзирателя Майданека, Собибора и Флоссенбурга, которого германский суд за совершенные преступления приговорил к пятилетнему лишению свободы в возрасте 91 (!) года. Вот реальные примеры, как надо наказывать злодеев, виновных в преступлениях против человечности!

В то же время, как мы уже говорили, с подачи советских СМИ искаженное представление о послевоенной западногерманской юстиции как о юстиции профашистской глубоко проникло в сознание наших людей. Так, даже такой талантливый и интересный автор, как Валерий Шамбаров, в

¹⁰ Под суд в 90 лет. URL: <http://webground.su/topic/2013/04/07/t38/> (дата обращения: 12.05.2013).

одном из своих исследований написал об известной нацистке И.Кох буквально следующие строки: «Жену коменданта Бухенвальда Ильзе Кох... приговорили к пожизненному заключению. Вскоре срок был сокращен до 4 лет. И свободу она обрела в том же 1951 году»¹¹. Правда здесь только то, что И.Кох действительно сначала заменили пожизненный срок осуждения на четырехлетний, из которого она отсидела только два года – с 1947-го по 1949 год. Но, помилованная американским генералом Клеем, главноначальствующим в американской оккупационной зоне, она пробыла на свободе совсем недолго: в том же 1949 году И.Кох была снова арестована и привлечена к суду по вновь открывшимся обстоятельствам. А спустя два года, в 1951 году, она вовсе не обрела свободу, а снова была приговорена к пожизненному тюремному заключению, в котором и пребывала 16 лет – до 1 сентября 1967 года, когда покончила жизнь самоубийством в своей камере. Так что не будем завидовать Ильзе Кох – она сполна заплатила за свои преступления.

¹¹ Шамбаров В. Государство и революция. М., 2002. С. 441–442.

Иллюстрации

Вот они, убийцы! Такие сцены можно было видеть на послевоенных процессах
(рисунок неизвестного художника)

...А вот так без суда расправились с надзирательницей концлагеря Ордруф (филиала Бухенвальда) его узники. За что?

Да вот хотя бы за ЭТО. Ордруф после освобождения...

Печально знаменитая Ильзе Кох, жена одного из комендантов Бухенвальда.
На скамье подсудимых она выглядит серьезнее, не правда ли?

Глава III

Германия

Германия развязала в XX веке две мировых войны, и этим все сказано. Но государства, как и отдельных людей, следует оценивать, прежде всего, не по количеству совершаемых ими ошибок, а по их умению локализовывать их последствия и способности делать продуктивные выводы из накопленного (пусть и печального) опыта. В этом смысле Германия, на наш взгляд, показала яркий пример умения делать и первое, и второе.

Вспомним, сколько десятилетий в сознание наших людей внедрялась успокоительно-порочная мысль о том, что наше «некоторое» отставание от развитых стран (прежде всего по среднестатистическим показателям потребления и вообще качеству жизни) вызвано последствиями Великой Отечественной войны. А до этого была еще разрушительная Гражданская война, а до нее Первая мировая, а до нее Русско-японская, и т.д. и т.п. У неискушенного человека создавалось впечатление, что другие страны почти ни с кем и никогда не воевали и их экономики не страдали от последствий военных действий.

Германия же (как, впрочем, и Япония и некоторые другие страны) показала всему миру, как можно и нужно восстанавливать экономику страны и осуществлять духовное обновление целой нации за очень короткий исторический период (конечно, не без «помощи со стороны»). Современной России, на наш взгляд, очень не помешало бы изучение и применение опыта этих стран, дабы не изобретать лишний раз велосипед. Как и Германии, нам необходимо решительно порвать с тяжким наследием прошлого, и прежде всего – с остатками преступной коммунистической идеологии. И так же, как это было сделано в послевоенной Германии, преступников назвать преступниками – и юридические лица (Коммунистическую партию и порожденные ею карательные структуры), и физические (всех этих Лениных, Сталиных и иже с ними).

Но – что было, то было, и из песни слова не выкинешь... И у германского народа был период временного «помрачения сознания». Мы имеем в виду, конечно, двенадцатилетнюю эпоху нацистской диктатуры и всё, с ней связанное. Именно в это время территорию Германии покрыла сеть концлагерей. Одним из самых печально знаменитых из них стал Берген-Бельзен.

3.1. Трагедия Берген-Бельзена

Название «Берген-Бельзен» является для многих людей символом ужасов национал-социалистских концентрационных лагерей. Подчеркнем – для многих на Западе, так как в бывшем Советском Союзе, а теперь и в России этим символом является, прежде всего, Освенцим.

...Когда 15 апреля 1945 года британские солдаты вошли в лагерь, то их глазам открылась ужасающая картина: тысячи непогребенных трупов, частично разложившихся до неузнаваемости, буквально устлали территорию лагеря. На следующий день армейские кинооператоры уже начали снимать фильм о лагере. Этот фильм и тот факт, что Берген-Бельзенский процесс имел большой международный резонанс как первый большой судебный процесс над военными преступниками, способствовали тому, что Берген-Бельзен стал на Западе апофеозом нацистских лагерей.

Но, справедливости ради, надо сказать, что в целом это был обычный лагерь, а картина, открывшаяся его освободителям, была типичной для большинства освобождаемых в 1945 году лагерей. Вот, например, какие события происходили примерно в то же время при посещении другого концлагеря – Ордруф – Верховным главнокомандующим экспедиционными силами союзников Дуайтом Эйзенхауэром и генералом Омаром Брэдли:

«Уже приближаясь к лагерю, американские военачальники почувствовали сладковатый запах разлагающихся трупов. В концлагере они обнаружили 3 000 трупов. Голые, истощенные длительным голоданием тела валялись в открытых могилах, между бараками – везде, где заключенных

застала смерть. Некоторые из них были обглоданы узниками, сошедшими с ума от голода.

Эта картина была ужаснее любого самого страшного поля боя. Эйзенхауэр и Брэдли стояли бледные, безмолвные. [...] Главнокомандующий распорядился, чтобы бургомистр города, возле которого был концлагерь, мобилизовал местных жителей на работы по очистке территории лагеря. После завершения этих работ бургомистр и его жена, вернувшись домой, покончили с собой»¹.

...Свою историю концентрационный лагерь Берген-Бельзен начал отсчитывать с 1936 года, когда в шестидесяти километрах к северо-востоку от немецкого города Ганновера (Нижняя Саксония) возник исправительно-трудовой лагерь. Здесь же по соседству располагались казармы военно-строительной организации, а позднее – склады вермахта. И только с началом Второй мировой войны – в 1940 году – лагерь стал принимать военнопленных: уже в июле 1941 года там было размещено 20 000 советских военнопленных (из-за тяжелых условий жизни в лагере к весне 1942 года в живых осталось только около 2 000 из них²).

Надо сказать, что большую часть своей истории Берген-Бельзен представлял собой не один лагерь, а их совокупность. Всего за годы Второй мировой войны на его территории существовало до восьми лагерей различного назначения³.

Начиналось же все с упомянутого лагеря военнопленных. В мае 1943 года лагерь военнопленных большей частью закрылся, а его территория была передана войскам СС. Тогда же, весной 1943 года, министерство иностранных дел Германии разработало так называемый «план обмена», согласно которому граждане еврейской национальности, имеющие двойное гражданство, могли обмениваться на интернированных немцев. Поэтому эти

¹ *Иванов Р.Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. М., 1983. С. 115.

² Здесь и в дальнейшем использованы материалы сайта Mazal library: Trial of Josef Kramer and forty-four others. URL: <http://www.mazal.org/OtherTrials/BelsenTrial/C001.htm> (дата обращения: 29.08.2013), а также монографии: *Taake C.* Angeklart: SS-Frauen vor Gericht. Oldenburg, 1998. – *В.М.*

³ Bergen-Belsen. URL: http://www.fold3.com/page/286092375_bergenbelsen/ (дата обращения: 28.07.2013).

евреи должны были уже не подвергаться ликвидации, а использоваться до «особого распоряжения» для возможного обмена. Приказом рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера Берген-Бельзен получил статус «особого лагеря». Заключенные в нем не могли подвергаться принудительному труду в военной промышленности, а должны были предназначаться для обмена. Поэтому лагерь сначала полностью игнорировался административно-хозяйственным управлением СС – ведь он не приносил никакой прибыли. Впрочем, жизнь, как всегда, вносила свои коррективы, и постепенно Берген-Бельзен из «лагеря пребывания» превращался «настоящий» концентрационный лагерь, а его трудовой потенциал мобилизовывался для нужд военной промышленности.

Первая партия так называемых «евреев обмена» (при этом речь шла примерно о 2 300–2 500 польских граждан) прибыла в Берген-Бельзен в июле 1943 года. Узники по-новому созданного «лагеря пребывания» жили не в едином лагере, а в строго разделенных друг с другом пяти отделениях. В этих отделениях (фактически – отдельных лагерях) существовали и разные порядки в соответствии с указаниями Главного управления имперской безопасности. Самый большой лагерь, заключенные которого предназначались для возможного обмена, назывался «звездный лагерь». Эти узники должны были носить на одежде «звезду Давида», и для них существовала трудовая повинность. Мужчины и женщины здесь были размещены раздельно, однако могли встречаться в течение дня. Из-за высокой смертности, а также после нескольких депортаций количество узников этого лагеря резко сократилось к концу 1944 года.

В «нейтральном лагере» были размещены еврейские заключенные из нейтральных государств, таких как, например, Испания, Португалия, Турция или Аргентина. Для них не существовала трудовая повинность, они должны были исполнять лишь внутренние лагерные работы. Питание и гигиенические условия в этой части лагеря были лучше, чем в «звездном

лагере». Численность этого лагеря составляла примерно 250–350 заключенных.

В «особом лагере» размещались примерно 260 польских евреев, которые остались от первого транспорта, прибывшего в Берген-Бельзен. Большинство из них имели паспорта южноамериканских стран. Видимо, этот контингент предназначался для «особых» случаев.

Еще один – «венгерский» – лагерь открылся в июле 1944 года и принимал венгерских граждан еврейской национальности, которые прибывали из Будапешта. Они пользовались лучшим обращением и не должны были работать, хотя и должны были носить «звезду Давида».

И наконец, с апреля 1943-го по март 1944 года существовал «штрафной лагерь», в котором строительная команда концлагеря (примерно 600 мужчин) производила ремонтные работы. Эти заключенные были преимущественно гражданами СССР и Польши. Это отделение лагеря было с самого начала «настоящим» концентрационным лагерем. Здесь заключенные выполняли самые тяжелые работы и подвергались беспощадному произволу надсмотрщиков СС. Весной 1944 года была создана строительная команда, которая затем была передана в концлагерь Заксенхаузен. Больные и нетрудоспособные заключенные из нее были выведены.

Таким образом, Берген-Бельзен не был типичным нацистским концлагерем и тем более лагерем уничтожения. На жаргоне СС он именовался «привилегированным лагерем», а по сути являлся транзитным лагерем для еврейских заключенных со всей Европы, которые должны были там находиться в целях обмена с интернированными союзниками немцами.

Но «легкая жизнь» Берген-Бельзена закончилась с наступлением 1944 года, когда выяснилось, что количество заключенных, прибывающих в лагерь, значительно превышает то их количество, которое предназначалось для обмена. С этого времени начинается вторая фаза развития лагеря, приведшая его к катастрофе весной 1945 года. Так как лагерь находился далеко от каких-либо промышленных предприятий, то начиная с марта 1944

его стали использовать в качестве «лагеря отдыха» [!] для больных и нетрудоспособных заключенных из других концентрационных лагерей. Эти предельно ослабленные люди были размещены в «штрафном лагере». Конечно, циничное название «лагерь отдыха» никак не соответствовало сути: в лагере не хватало ни врачей, ни медикаментов, так что одна треть из первых 1 000 прибывших людей умерла уже через четыре недели. Всего же до конца 1944 года в лагерь прибыло 4 000 больных, из которых за этот период умерло примерно 1 700.

В «штрафном лагере» сначала не было никакой трудовой повинности, но начиная с августа 1944 года формировалась строительная часть, которая должна была строить другие отделения лагеря. Когда на заключительном этапе войны транспорты с эвакуированными заключенными других лагерей прибывали с востока, то они размещались частично в «звездном лагере», а частично – в «штрафном лагере – П», в котором в невероятной тесноте размещалось иногда до 10 000 мужчин. Отсюда сыпной тиф распространялся очень быстро, вызывая бесчисленные жертвы.

Переоборудование «штрафного лагеря» в «лагерь отдыха» было в какой-то мере первым этапом преобразования «лагеря пребывания» в «регулярный» концентрационный лагерь. Второй этап начался с основания женского лагеря летом 1944 года. Для этого в «лагере отдыха» были построены палатки, которые приняли примерно 4 000 женщин и детей из Польши на несколько дней, прежде чем те снова покинули лагерь. Палаточный лагерь был разрушен 7 ноября 1944 года ураганом, а женщины размещены затем в бараках склада одежды. Позже этот «маленький женский лагерь» постоянно увеличивался в размерах, пока число его обитательниц не достигло 6 000. Берген-Бельзен стал чем-то вроде центра распределения женщин-заключенных для нужд военной промышленности.

Процесс всех этих «преобразований» завершился в декабре 1944 года сменой руководства лагеря. Новым комендантом лагеря стал гауптштурмфюрер СС Йозеф Крамер, «проверенный» эсэсовец из Освенцима.

В середине января 1945 года он принял под свое руководство и госпиталь лагеря военнопленных, который подчинялся до сих пор вермахту. Примерно три дюжины бараков стали так называемым «большим женским лагерем». Из-за его плохого санитарно-гигиенического состояния большинство женщин оставалось в нем, а не передавалось в другие лагеря. Поэтому этот лагерь постоянно увеличивался в размерах. Ко дню освобождения здесь было размещено примерно 23 000 женщин и детей.

Наиболее же драматические события стали разворачиваться в Берген-Бельзене начиная с января 1945 года, когда лагерь превратился, по сути, в сборный пункт для заключенных, эвакуированных из концентрационных лагерей на востоке. С этого и начался «ад», из-за которого Берген-Бельзен и стал печально известен. Лагерь лежал географически так благоприятно, что как магнитом притягивал к себе многочисленные транспорты с заключенными. Возможности же Берген-Бельзена были ограничены. Ситуация стала катастрофической, когда в лагере началась еще и эпидемия сыпного тифа. Ужас создавшегося положения заключался в том, что даже просто распустить лагерь, то есть предоставить узникам долгожданную свободу, было нельзя из-за неизбежной эпидемической вспышки в еще больших масштабах.

В результате тысячи узников Берген-Бельзена пали жертвами голода и эпидемии. К концу марта 1945 года на территории лагеря скопилось множество непогребенных трупов, так как маленький крематорий давно уже не справлялся с таким их количеством: только в течение последних четырех месяцев погибли примерно 35 000 заключенных. Именно в это время в лагере погибла Анна Франк, еврейская девочка из Нидерландов, ставшая впоследствии легендарно знаменитой благодаря своему дневнику, опубликованному после войны. Она не дожила до освобождения лагеря всего шесть недель... Массовое вымирание лагеря продолжалось и после освобождения его британской армией: до 20 июня 1945 года умерли еще около 14 000 человек. Всего же в Берген-Бельзене, по некоторым данным,

погибло около 80 000 человек (из 110–120 тыс., прошедших через него), причем большинство – в последний год его функционирования. При этом большую часть погибших составили евреи и советские военнопленные.

К 15 апреля 1945 года, ко дню освобождения, все «население» лагеря составляло более 60 000 заключенных. Из них примерно 41 000 находились на территории концлагеря, которая была предназначена лишь для 8000 человек, а остальные – на территории расположенного рядом армейского учебного центра.

Один из британских офицеров так описал то, что он увидел при вступлении в концлагерь: «Состояние лагеря было неопишимо ужасно, и никакой рассказ, никакая фотография не смогут передать его вид в полной мере... В различных местах лагеря трупы были сложены в высокие штабеля. Кроме того, неубранные трупы лежали повсюду: и между бараками, и в самих бараках, в том числе на нарах вместе с еще живущими людьми. Около крематория были видны следы поспешного сжигания тел умерших. За последним лагерным баракком находился открытый ров, также наполовину заполненный трупами... Наше пребывание в лагере началось с проведения похоронных работ...» Далее автор воспоминаний отмечает, что лагерь был невероятно переполнен. Так, в бараке, рассчитанном на сто человек, жило от 600 до 1 000 человек.

В блоке, где располагались больные женщины, не имелось никаких кроватей. Женщины лежали прямо на полу и были так слабы, что едва могли передвигаться. У большинства из них вместо одежды на теле были лохмотья.

Справедливости ради надо сказать, что нельзя во всем этом кошмаре винить только лагерную администрацию. Такое трагическое развитие событий стало возможным, прежде всего, из-за общего хаоса в немецком тылу, который становился почти неконтролируемым по мере приближения войск союзников. Берген-Бельзен при этом фактически стал заложником сложившихся обстоятельств. На Западе распространена версия, согласно которой 7 апреля 1945 года начальник Управления имперской безопасности

Эрнст Кальтенбруннер отдал приказ коменданту лагеря Крамеру, в котором говорилось, что заключенных лагеря при необходимости следует уничтожить, чтобы «они не попали в руки врага». Далее, согласно версии, это сразу же стало известно союзникам и представителям международных организаций, занимающихся обменом лиц еврейской национальности, которые предприняли меры по спасению заключенных Берген-Бельзена. Как бы то ни было, но между 6-м и 11-м апреля 1945 года по распоряжению Гимmlера три эшелона были эвакуированы из трех лагерей Берген-Бельзена – «нейтрального», «звездного» и «венгерского». В них находились заключенные-евреи, имевшие иностранные паспорта.

Между тем в это время уже шли переговоры относительно передачи Берген-Бельзена под контроль британской армии. Они велись несколько дней, и ночью 12 апреля 1945 года такое соглашение было подписано представителями германских вооруженных сил, оборонявших этот участок фронта, и британским генералом Тейлор-Бальфуром. Соглашение объявляло лагерь и близлежащие территории (48 квадратных километров) нейтральной зоной. До прихода британских войск лагерь предполагалось охранять силами венгерской воинской части и вермахта. Судя по всему, в соглашении не говорилось ясно о том, какова будет судьба персонала лагеря. Большинство его к тому времени разбежалось, но 80 человек во главе с комендантом лагеря Йозефом Крамером остались. Они почему-то были уверены, что после передачи лагеря англичанам им будет позволено свободно уйти в расположение немецких войск.

15 апреля комендант Крамер встречал английские войска, стоя у ворот лагеря в новой, отутюженной форме. Рядом с ним стояла красавица-надзирательница Ирма Грезе. Оба они приветствовали входящие в лагерь английские танки. Увы, оба они здорово просчитались: в первый же день взяли под стражу Крамера как обвиняемого в военных преступлениях, а через два дня арестовали Грезе и большинство остальных бывших сотрудников лагеря. Можно сказать, что с этого момента и началась

подготовка к судебному процессу, получившему впоследствии название – первый Берген-Бельзенский.

Но сначала надо было хотя бы захоронить трупы умерших, чтобы не допустить эпидемии. 17 апреля 1945 года в Берген-Бельзен прибыли британские медицинские части, и освобожденные узники лагеря смогли наконец-то получить медицинскую помощь. И, хотя в ней нуждались практически все, большинство вчерашних заключенных приняли участие в страшной и тяжелой работе – захоронении трупов. Им помогали взятые под стражу их бывшие охранники и служащие лагеря, которым англичане «в целях наказания» отказались выдать перчатки, что привело к гибели от тифа каждого четвертого из них (см. иллюстрации). Таким образом, многие охранники Берген-Бельзена были сурово наказаны еще до и без всякого суда.

Похоронные работы начались 18 апреля и продолжались 10 дней, причем в каждый из этих дней умирало еще по 400–500 человек (это несмотря на принимаемые Красным Крестом и Британской армией меры). Только с этого момента ситуация стала контролироваться хотя бы в том плане, что трупы умерших больше не оставались неубранными. Все они сбрасывались бульдозерами в безымянные братские могилы, хотя имена ряда погибших и были известны. Поэтому сегодня ни на одном из массовых захоронений в Берген-Бельзене не значатся имена тех, кто погребены там.

25 апреля 1945 года в лагерь были доставлены немецкие граждане – жители близлежащих городков Берген и Бельзен. Перед тем как провести их по территории бывшего лагеря, британский офицер сказал им следующие нравоучительные слова: «То, что вы сейчас увидите, является таким страшным обвинением против нацистской партии, что оправдывает любые меры против нее. Организация Объединенных Наций сделает все, чтобы уничтожить эту организацию. То, что вы сейчас увидите, является таким позором немецкой нации, что она заслуживает быть вычеркнутой из списка цивилизованных наций [...]. Сейчас перед вами стоит трудная задача восстановления доброго имени немецких людей [...], но это не может быть

сделано, пока вы не вырастите новое поколение, которое не сможет совершить таких преступлений, пока вы не вырастили новое поколение, обладающее инстинктивной доброй волей, чтобы предотвратить повторение таких ужасных жестокостей».

К 19 мая 1945 года все освобожденные узники были эвакуированы в близлежащие армейские казармы, а 21 мая лагерные бараки были преданы огню. В июле того же года 6 000 наиболее истощенных оставшихся в живых заключенных были приняты Швецией, где они смогли поправить свое здоровье. Все же прочие бывшие узники самостоятельно добирались домой.

...Сегодня на месте бывшего концлагеря Берген-Бельзен разбит парк, и огромные братские могилы затянута кустами вереска. Большинство посетителей этого мемориала – немецкие студенты.

3.1.1. Первый Берген-Бельзенский процесс

Уже 27 апреля 1945 года четыре британских офицера были назначены для расследования преступлений в Берген-Бельзене. Руководитель этой следственной группы писал в предварительном сообщении, что имеются большие трудности при сборе доказательств, необходимых для включения в обвинительный акт. Любое преступление лагерной администрации нужно было тщательно доказывать, а поэтому каждое свидетельское показание должно было подвергаться проверке. При этом, поскольку зачастую найти двух свидетелей одного и того же события было невозможно, собирались в основном показания, не нуждавшиеся в подтверждении.

Трудность состояла также и в том, что бывшие заключенные, сообщая о преступлениях, нередко не могли сказать, кто именно их совершил. Персонал СС часто перемещался из одного лагеря в другой (это было обычной практикой), а заключенным конкретные имена своих охранников были известны только в самых редких случаях. Поэтому каждый задержанный эсэсовец немедленно фотографировался, а впоследствии эти фотографии представлялись свидетелям для опознания. При этом если свидетель узнавал

подсудимого, его показания засчитывались как отягчающие вину подследственного. Непроверенные же показания не учитывались. Такой способ расследования, конечно, нельзя признать безупречным и соответствующим принципу презумпции невиновности. Именно поэтому репрессиям подверглись в основном только те служащие СС, которые остались в Берген-Бельзене. Те же, кто вовремя сумел скрыться, напротив, смогли во многих случаях уклониться от обвинения.

Сначала планировалось открыть процесс по лагерю Берген-Бельзен уже в августе, и об этом сообщала вся мировая печать. Однако реально этого нельзя было сделать в столь сжатые сроки. Поэтому заседания начинались только 17 сентября 1945 года, а завершился процесс ровно через два месяца – 17 ноября того же года. Местом проведения был выбран городок Лüneбург, лежащий недалеко от Берген-Бельзена. Правовой основой для процесса являлись международное право и свод британских военных законов. Процесс, официально названный «Суд против Йозефа Крамера и сорока четырех других», возбудил большой интерес: примерно 200 журналистов и международных наблюдателей следили за его ходом. В частности, своих наблюдателей прислали Греция, Дания, Люксембург, Нидерланды, Польша, Советский Союз, Франция, Чехословакия и Югославия. Местная газета «Лüneбургер пост» так сообщала о начале заседаний:

«Перед залом судебного заседания ждали в напряженном молчании сотни людей, которые хотели видеть подсудимых. Однако вместо этого они должны были довольствоваться только видом многочисленных мундиров старших офицеров, корреспондентов различных стран и строго все контролирующей армейской полиции».

Судьи, обвинители и защитники были англичанами. Суд под председательством генерал-майора Берней-Фиклина состоял из бригадира Казеноува, полковника Ричардса, подполковника Морриша и лейтенанта Маклая. Все судьи были в военной форме. Единственным гражданским лицом был государственный адвокат-наблюдатель Стирлинг. Обвинение

поддерживали четыре британских офицера: полковник Бэкхаус, подполковник Генн, майор Муртон-Ниае и капитан Стьюарт.

Им противостояли сорок пять немецких подсудимых – бывших сотрудников Берген-Бельзена. Чтобы иметь по возможности более непредвзятых защитников, английский трибунал назначил на эти роли молодых офицеров, симпатизировавших фашистскому «Британскому союзу» Освальда. Языком судопроизводства был английский. Переводчики переводили по-английски, по-немецки и по-польски диалоги между судом и подсудимыми. Это было, конечно, неудобно и вело к существенному продлению срока процесса.

Так как подсудимые частично действовали в концлагере Освенцим или в каком-либо из его внешних лагерей, а появились в Берген-Бельзене только в ходе эвакуации, первый процесс по концлагерю Берген-Бельзен был одновременно и первым Освенцимским процессом. По этой причине применялись два обвинения: первое против всех подсудимых относительно преступлений в лагере Берген-Бельзен, а второй против одиннадцати подсудимых относительно их преступлений в лагере Освенцим. Представитель обвинения Бэкхаус так объяснял это в своем вступительном слове:

«Всех этих людей... прибывших из Освенцима в Берген-Бельзен, объединяет одно: обвинение докажет, что они пытали людей сначала в Освенциме и убивали их позже, когда прибыли в Бельзен, они и там продолжали мучить людей. <...> Те же самые люди были сначала надзирателями в одном лагере, а позже в другом».

При этом подсудимые не обвинялись в индивидуальных убийствах. Речь шла исключительно о совместных обвинениях, в основе которых лежал тот факт, что каждый из подсудимых был причастен к «системе убийства, беспощадности, жестокости или преступному пренебрежению». Правда, в обвинительном акте поименно назывались отдельные британские, бельгийские, венгерские, итальянские, нидерландские, польские, советские и

французские граждане, которые умерли в обоих концентрационных лагерях. Характерно, что трибунал не предъявлял обвинений по поводу преступлений, совершенных по отношению к немецким гражданам.

На наш взгляд, Берген-Бельзенский процесс остался в истории юриспруденции достаточно противоречивым действием. С одной стороны, вроде бы нельзя сказать, что это был несправедливый и негуманный суд. Об этом говорит хотя бы тот факт, что треть (!) подсудимых была оправдана. Но, с другой стороны, печально известный обвинительный уклон в отношении ряда подсудимых имел место. Кроме того, целый ряд свидетельств принимались на веру. Впрочем, это и неудивительно: ведь **победители судили побежденных.**

Процедура заседаний суда начиналась с допроса свидетелей обвинения. Затем оглашались письменные свидетельские показания, а после этого суд заслушивал свидетелей и экспертов защиты. Наконец, слово получали подсудимые. В конце заседаний выступали защитники и представители обвинения.

На четвертый день заседаний, 20 сентября 1945 года, представители обвинения показали фильм, который британские солдаты сняли сразу же после освобождения концентрационного лагеря Берген-Бельзен. Присутствующим в зале были показаны горы мертвецов, которые находились в лагере на момент его освобождения. Одна из ганноверских газет так писала об этом: «Фильм, который показывается в зале судебного заседания, дает документальную, ужасную картину чудовищности, которую творили монстры из Бельзена, сидящие на скамье подсудимых».

Среди десятков заслушанных судом свидетелей были и советские граждане. Пожелтевшие страницы протоколов Берген-Бельзенского процесса донесли до нас имена Александры Сивидовой, Любови Трищинской, Петра Иванова, Николая Коленникова, Ивана Коробейникова, Андрея Некрасова, Михаила Промского, Владимира Сулимы. (Интересно было бы знать, как сложились дальнейшие судьбы этих людей, попавших в лагерный ад и

выживших всему вопреки, чтобы дать показания против своих мучителей. Жив ли кто-нибудь из них сейчас? Пока мы располагаем только одной подробностью: Александра Сивидова до войны жила в Ростове-на-Дону.)

Окончательные итоги процесса были следующими: всего перед военным трибуналом союзников, как мы сказали ранее, предстали 45 сотрудников лагеря (26 мужчин и 19 женщин). Из этого количества 14 человек были оправданы, четверо получили сравнительно небольшие сроки заключения – от 1 до 5 лет, еще 14 человек были осуждены на долгие сроки – 10 и 15 лет, один приговорен к пожизненному заключению (впоследствии, уже на другом процессе и за другие преступления, он был приговорен к смертной казни. Кстати сказать, большинство других осужденных к лишению свободы были освобождены досрочно – последний из них вышел из тюрьмы в 1955 году). Один обвиняемый – мужчина – в ходе суда был признан невменяемым и освобожден от ответственности. Наконец, 11 человек во главе с комендантом лагеря были приговорены к смертной казни через повешение (см. прил. 1). Среди них были три женщины – Ирма Грезе, Элизабет Фолкенрат и Юана Борман. Им выпала сомнительная честь: быть первыми из 10 женщин, повешенных по приговорам послевоенных судов в Германии.

Мы расскажем подробнее о судьбах этих женщин, а также о еще одной колоритной персоне – Герде Боте.

Ирма Грезе

В мировой литературе, посвященной фашистским концлагерям, имя этой немецкой девушки стало почти нарицательным. Рядом с ним нередко можно встретить такие эпитеты, как «чудовище Освенцима», «нацистская гиена» и тому подобные. Кем же она была на самом деле?

Ирма Грезе родилась 7 октября 1923 года в местечке (фактически – в деревне) Врехен, на юго-востоке земли Мекленбург, недалеко от городка Пазевальк, в большой семье: всего у Альфреда и Берты Грезе было пятеро

детей, причем Ирма не была для отца желанным ребенком. В подростковом возрасте она пережила страшное событие – мать Ирмы в 1936 году покончила жизнь самоубийством на почве семейных неурядиц.

Как это происходит во всяком тоталитарном обществе, Ирма с детства была вовлечена в так называемую «общественную жизнь». Как впоследствии утверждал ее отец, дояр по профессии, он всегда был против того, чтобы Ирма состояла в Союзе немецких девушек (БДМ). В маленькой общине, насчитывавшей менее 200 жителей, где жила семья Грезе, не было ячейки этой молодежной фашистской организации. Такая ячейка была в соседнем Фюрстенхагене, и Ирма, наперекор отцу, ездила туда на велосипеде.

В 1938 году Ирма прекратила занятия в школе и начала трудовую деятельность. Так как в фашистской Германии никто не был волен самостоятельно определять свой жизненный путь, то и ей пришлось работать там, куда ее направляло государство (для этого в Германии существовала организация под названием Имперская трудовая повинность): сначала 6 месяцев на соседней ферме, а позже примерно такое же время в молочном магазине.

С пятнадцати лет она начала работать (и проработала два года) как медицинская сестра в санатории СС Хоэнлихен. Как утверждают источники (и это очень походит на правду), Ирма хотела получить образование медицинской сестры, но не могла найти себе подходящего места учебы. Как нам представляется, причиной тому были прежде всего материальные затруднения: девушка жила одна и ни от кого не получала помощи.

Трагические перемены в судьбе Ирмы Грезе начинают происходить в 1942 году, после того как ей снова не удалось поступить учиться на медсестру. Тогда она поступает работать (видимо, опять против своего желания) на молочный завод возле Фюрстенберга, что совсем недалеко от концлагеря Равенсбрюк. В июле того же, 1942-го, года она пытается устроиться медсестрой все в тот же санаторий в Хоэнлихене, но безуспешно. Можно с уверенностью предположить, что все это самым неблагоприятным

образом сказалось на характере Ирмы. Видимо, именно тогда он стал ожесточаться от того, что девушка отчаялась найти себя в жизни.

И вот тогда она поступает на службу в СС (мы опять-таки не знаем, насколько это было добровольно) и обучается в Равенсбрюке под руководством опытных «наставниц» как будущая надзирательница. Ей было в то время только 18 лет, и она, как стажер, получала месячную зарплату в размере 54 рейхсмарок (примерно половина зарплаты «полноценной» надзирательницы). В это время Ирма стала было посещать покинутую семью, но ее отец после очередной ссоры (он был не согласен с тем, что его дочь служит в концлагере) запретил Ирме там появляться.

В марте 1943 года Ирма была переведена из Равенсбрюка в Аушвиц-Биркенау, где и пробыла до января 1945 года. Там она несколько раз перемещалась из «Лагеря А» в «Лагерь В» и обратно. В мае 1944 года она переводится в «Лагерь С» – женский лагерь. 18 января 1945 года, когда лагерь Аушвиц из-за приближения фронта эвакуировался, Ирма сопровождала транспорт с заключенными-женщинами в Равенсбрюк, где и продолжила свою службу. Но в начале марта 1945 года и Равенсбрюк эвакуировался в Берген-Бельзен.

Вместе с другими не убежавшими из лагеря эсэсовцами Ирма Грезе была арестована 17 апреля 1945 года. В течение следующих дней она вместе с другими бывшими сотрудниками лагеря помогает очищать территорию лагеря от огромного количества трупов, а 17 мая того же года ее заключают в тюрьму, где она будет находиться до 17-го (роковое число в ее жизни) ноября 1945 года, когда ей будет вынесен смертный приговор. После этого она будет переведена в тюрьму города Гамельн.

Что касается ее служебной карьеры, то до осени 1943 года Ирма выполняла обязанности телефониста, работника почты и надзирателя за небольшими рабочими командами заключенных (занимающихся в том числе и озеленением лагеря). Видимо, ее «способности» в лагерном деле были оценены руководством, и осенью 1943 года (правда, не все источники это

подтверждают, а личное дело Ирмы Грезе не сохранилось) она повышается в должности – ее назначают старшей надзирательницей (рапортфюрериной) лагеря, то есть она становится второй фигурой среди его женщин-служащих СС. С этого времени в ее полном подчинении находилось от 20 до 30 тысяч заключенных.

Почему столь молодая девушка получила такое назначение? Как нам представляется, многие из более опытных эсэсовцев к тому времени уже понимали, что, возможно, им придется отвечать за свои преступления после окончания войны, исход которой становился все более очевидным для Германии. Поэтому они предпочли уже больше «не засвечиваться», и оттого ряды кандидатов на такие «висельные» должности сильно поредели. Ирма же, в силу малого жизненного опыта и фанатичной преданности государству, согласилась на такое роковое «повышение», впоследствии приведшее ее на эшафот гамельнской тюрьмы. Начальство попросту подставило ее.

В своем вступительном слове представитель обвинения полковник Бэкхаус охарактеризовал Ирму Грезе следующим образом: «Номер 9, Ирма Грезе, надзирательница различных специально выделенных групп рабочих и временно надзирательница штрафного женского лагеря была в Освенциме. Она описывается свидетелями как самая ужасная женщина всего лагеря. Не было никакой жестокости во всем лагере, к которой она не имела бы отношения. Она регулярно принимала участие в отборах для газовой камеры, пыталась по своему усмотрению людей. В Бельзене она продолжала это жестокое поведение точно так же. Ее фирменным развлечением было натравливать дрессированных собак на незащитных людей».

Судя по этим словам, Ирма Грезе, как и все другие обвиняемые, безоговорочно признавалась виновной. Свои впечатления от первого дня процесса Ирма Грезе отобразила в стихах, написанных ею по возвращении в

тюрьму. Возможно, что это был ее первый и последний стихотворный опыт.

Вот эти строки⁴:

Сентябрь, тринадцатое. Без проволочек
Нас всех забрали из одиночек,
Пересадили по двое и трое
И глазуют на нас, герои!

А семнадцатого⁵ – представление,
Всему миру на удивление.
Репортеры со всего мира –
Сенсация! Слетелись, вампиры!
Для нас номера рисуются,
С ним каждый из нас красуется,
Чтобы газетам, значит,
Проще нас обозначить.

Перед тюрьмой у ворот железных –
Огромных три машины военных.
Они все для нас, похоже,
Охрана с танками – тоже.

Поднимаемся в одну из машин.
Углы улиц. Шуршание шин.
Каждая машина – колосс,
Колонна – как гибкий трос.

У суда – толпа репортеров
Нас приветствует, как актеров:
Им, видно, страсть как охота
Запечатлеть нас на фото.

Ожидания зал. Тоска и скука.
Сидеть и ждать – какая мука!
Когда же начнется все это?
Но никто не дает ответа.

Но вот открываются двери в зал,
Свет ламп ослепительно бьет в глаза.
Здесь и будет действие зловещее –
Всему миру оно обещано!

⁴ Перевод наш. – В.М.

⁵ 17 сентября – день начала процесса. – В.М.

Репортеры скачут от возбуждения.
Вот и время их пробуждения:
Камер стрекот и вспышки блиц,
Множество фото – для газетных страниц.

Теперь нам на жесткой скамье сидеть –
Пять недель мы должны терпеть
И ждать, когда нас приговорят,
Пока попы не заболят.
Лживо истцы клянутся. О боже!
На что это все похоже?
Их рассказы – глупые выдумки тех,
Кто вызывает лишь смех.

Нам обидно и оскорбительно:
Ведь к ним относятся доверительно!
Лучше б тем истцам помолчать –
Они лгут, не начав обличать!

Люнебуржцы глядят на нас мрачно:
Для них мы преступники однозначно.
За них уже все здесь решили
И в газетах всем сообщили.

На улицах, в скверах и в переулках
Стоят люди во всех закоулках.
Из машины выглянешь осторожно –
Тычут пальцем, смотреть невозможно.

Старики, женщины, малые дети
Смотрят жадно, забыв все на свете.
В глазах усмешки сквозят,
Исподтишка кулаками грозят.

Но если мы духом не упадем,
В цветущий май однажды войдем.
И будем, хоть годы пройдут, так и быть,
И целовать, и любить!

В этих непосредственных стихах можно прочесть многое –
недовольство, возмущение, протест, недоумение, разочарование, затаенную
надежду, но только не страх. Действительно: по свидетельствам очевидцев,

Ирма ни разу никому не показалась испуганной, даже при выслушивании смертного приговора.

Многие (правда, не все) из оставшихся в живых заключенных Освенцима и Берген-Бельзена свидетельствовали на процессе против Ирмы. Они утверждали, что она избивала беззащитных узников плетью и пинала тяжелыми эсэсовскими сапогами, иногда стреляла в них, травила собаками и отбирала наиболее обессиленных для уничтожения в газовых камерах. Так как заключенным запрещалось иметь хоть что-нибудь в их сумках, Грезе, по словам свидетелей, осматривала эти сумки и била женщин, если они что-то при себе несли, даже если это был всего лишь носовой платок.

Бывшие заключенные Берген-Бельзена обвиняли ее в издевательствах, называемом «спортом». Однажды Грезе и другая надзирательница увидели, как специально выделенная группа рабочих при возвращении украла мясо из кухни лагеря. Так как никто не ответил на ее вопрос, кто совершил кражу, вся специально выделенная группа рабочих должна была «заняться спортом», то есть после рабочего дня бегать по территории лагеря. Многие из ослабленных арестантов, согласно свидетельским показаниям, не пережили этого «упражнения».

Кроме того, свидетели заявляли, что Ирма Грезе использовала различные физические и эмоциональные методы мучений заключенных, что их пытки доставляли ей сексуальное удовольствие. Как утверждалось на процессе, в ее комнате в лагере был даже найден абажур для лампы, сделанный из кожи трех узников.

Протоколы процесса донесли до нас конкретные имена, фамилии и национальности свидетелей.

Так, чешская гражданка Гертруда Диамент заявила, что она наблюдала, как Грезе обращалась со специально выделенной группой рабочих, состоявшей из женщин и девушек: «Вашим любимым занятием было бить их и пинать тяжелыми сапогами после того, как они уже лежали на земле».

Другая чешская гражданка, Клара Лобовиц, рассказала о переключках, которые производились при участии Грезе дважды в день. Если кто-то отсутствовал или она обсчитывалась, то переключка продолжалась до тех пор, пока ошибка не обнаруживалась. Это иногда продолжилось весь день, причем никто весь день не получал пищи: «Если Грезе наблюдала за переключкой, она заставляла заключенных часто часами стоять на земле на коленях с высоко поднятыми над головами тяжелыми камнями».

Наконец, еще одна чешка, Катарина Найгер, рассказывала, что Грезе всегда имела при себе несколько перчаток, которые она надевала, когда била узников рукой. Эти удары часто наносились безо всякой видимой причины. Кроме того, она прямо обвинила Грезе в совершенном убийстве: «В августе (видимо, 1944 года. – В.М.) я наблюдала надзирательницу СС в Освенциме в то время, как она застрелила примерно 30-летнюю венгерскую еврейку. Я наблюдала этот инцидент из моего блока. Случилось это, когда новый транспорт с заключенными прибыл в лагерь и когда все узники должны были идти в ее блок. Венгерка остановилась перед ее блоком и смотрела на прибытие транспорта, когда Грезе ехала на ее велосипеде мимо. Она остановилась примерно в пяти метрах перед женщиной и сошла с велосипеда. Тут она закричала: «Иди в свой блок!» А затем, не дав женщине возможности вообще идти в ее блок, Грезе вынула пистолет, прицелилась и застрелила женщину».

Советская гражданка Любовь Трищинская рассказала суду, что заключенные часто бежали в составе специально выделенной группы рабочих к месту, которое находилось на удалении примерно 16 км от лагеря. Там они должны были собирать траву для кухни. Грезе при этом ехала во время этого марша на велосипеде сбоку, сопровождаемая собакой. Несколько ослабленных арестантов нередко отставали. Тогда Грезе натравливала на них собаку, которая часто так сильно кусала их, что этих раненых должны были нести их товарищи. В лагере раненые жили в блоке № 25. Это был блок, из которого отсортированных заключенных направляли в газовые камеры.

Полька Гитла Дунклеманн дала показания, что она наблюдала, как Грезе подошла к женщинам во время «селекции» и жестоко, резиновой дубинкой, избивала их. При этом Грезе не выказала никакого сочувствия к истекающим кровью женщинам. Затем она приказала, чтобы жертвы беспомощно оставались лежать на земле до тех пор, пока «селекция» не была закончена. Если женщина во время переклички падала, то Грезе «отбирала» ее.

Другая польская гражданка, Ева Стойовска, показала, что видела Грезе при «селекциях» в Освенциме. В «Лагере С» она присутствовала на них всегда и выбирала слабых женщин, которых затем направляли в газовые камеры. Она же наблюдала, как Грезе била пленников.

Илона Штейн из Венгрии обвиняла Грезе в трех пунктах:

«Пока я была в Биркенау, женщина по имени Ирма Грезе была ответственна за многие избиения, одно убийство и отправку людей в газовую камеру. Я идентифицирую номер 2 на фотографии Z/4/2 как Ирму Грезе.

[...] В июле 1944 года, работая на кухне в Биркенау, я видела женщину, чья дочь была в соседнем лагере, подошедшей к колючей проволоке, чтобы поговорить с дочерью. Грезе, проезжавшая мимо на велосипеде, немедленно остановилась, слезла с него и стала своим кожаным ремнем избивать эту женщину. Она также била ее по лицу и голове кулаками, а когда женщина упала на землю, то продолжала пинать ее. Лицо женщины при этом раздулось и посинело. Подруга дочери этой женщины забрала ее, и женщина находилась потом в лазарете в течение трех недель, излечиваясь от последствий побоев. Все это я видела непосредственно сама.

Также будучи в Биркенау, я видела, как Грезе вместе с доктором Менгеле проводили отборы людей для газовой камеры. На этих самых отборах Грезе выбирала людей, которых затем убивали таким образом. В одном из таких отборов, приблизительно в августе 1944 года, для газовой камеры было отобрано от 2 000 до 3 000 человек. За все эти «селекции» несут ответственность Грезе и Менгеле. Отобранные люди иногда затем пытались

спрятаться в бараках под их кроватями. Грезе заходила в барак, находила их и избивала, а затем гнала обратно в строй отобранных. Я видела все это, что я описываю. Все в лагере знали, что люди, отобранные таким образом, отправлялись в газовую камеру.

Где-то в августе или сентябре 1944 года на одном из отборов одна венгерская женщина, будучи отобранной, попробовала выбежать из строя отобранных и присоединиться к своей дочери, стоящей в другом строю. Грезе заметила это и приказала охранникам, чтобы они застрелили женщину. Я не слышала приказа, но видела, что Грезе разговаривала с охраной и что женщина сразу же была застрелена».

Наконец, показания против Ирмы Грезе дала Хелен Коппер, ее подельница, сама бывшая надзирательница. Она заявила, что Грезе отвечает «не менее чем за 30 мертвецов в день». Грезе, по утверждению Коппер, посылала женщин из ее специально выделенной группы рабочих за пруд, который служил границей лагеря, и там они были застрелены часовыми. Свидетельница также заявила, что она в составе специально выделенной группы рабочих имела задание от Грезе вечером убрать этих мертвецов в железнодорожный вагон. (Возможно, что этими показаниями Коппер спасла себе жизнь – ее приговорили к 15 годам лишения свободы.)

Эти свидетельские показания (без сомнения, не всегда правдивые, а иногда и просто надуманные) стали переломными в судьбе Грезе. Она была поражена той ненавистью, которую бывшие узники испытывали к ней. «Когда они были в концентрационном лагере, никто из них не проявлял ко мне враждебности», – объяснила бывшая надзирательница. Некоторые современные исследователи (прежде всего – немецкие) подвергают сомнению справедливость предъявленных ей обвинений, но в то время и части из них вполне хватало для вынесения смертного приговора.

Сама Грезе сразу после ареста, еще до начала процесса, сделала три равносильных присяге заявления, которые повлияли на ход допросов. В первом из них она согласилась с тем, что заставляла заключенных долго

стоять при перекличках. О существовании же газовых камер в Освенциме она, по ее словам, не знала. Во втором заявлении, от 14 июня 1945 года, она сообщала, что в Освенциме была пленников и рукой, и плеткой: «Я еще раз подумала и хотела бы добавить, что я была, действительно, заключенных не только рукой». В своем третьем заявлении она указывала, что в Освенциме многие надзирательницы всегда имели при себе огнестрельное оружие (пистолет). Однако она лично никогда не имела его. Вместо этого при ней была плетка, которую она использовала. Другие надзирательницы также имели плетки, которые производились в цехах лагеря. Этой плеткой, как призналась Грезе, она «несколько раз» была заключенных, до тех пор пока использование этого «оружия» не было запрещено.

Таким образом, в ходе процесса (а далее и в своем последнем слове) Ирма Грезе отвергла практически все выдвинутые против нее серьезные обвинения, заявив, что «Гиммлер ответствен за все, что случилось. Я считаю, что моя вина не больше вины других». Тем не менее приговор ей, по сути, был предопределен. Нам представляется, что он явился неожиданным для нее.

...Особенное оживление царило в здании Люнебургского суда на 25-й день процесса, когда начался допрос Ирмы Грезе. Надо сказать, что и до того Ирма уже привлекала к себе повышенное внимание прежде всего своей красотой. В этот день она особенно модно оделась – ей очень шла голубая блузка в сочетании с серым костюмом – и сделала новую прическу. Это не осталось незамеченным: все внимание в этот день было приковано именно к ней.

Каждый подсудимый имел право выбирать свидетелей для показаний в свою пользу. В отношении Ирмы это сделала ее младшая сестра – Хелен Грезе. В перекрестном допросе, который закончился уже через несколько минут, она дала показания лишь о детстве своей сестры и ее жизни в родном доме. Один из свидетелей этого эпизода так писал об этом: «Снова и снова Ирма обливалась слезами, к которым присоединялись ее соседки – Хильде

Лобауэр и Герда Элерт, когда ее сестра рассказывала то небольшое, что она знала об Ирме, которая покинула отцовский дом в 14 лет».

Один из вопросов, заданный Хелен Грезе, звучал так: «Могла ли Ваша сестра бить заключенных?» На него сестра обвиняемой ответила: «Нет. Когда Ирма училась в школе, то никогда не принимала участия в ссорах, а всегда убегала».

После сестры уже сама Ирма Грезе подошла к месту свидетелей для дачи показаний, и ей был устроен перекрестный допрос. Она очень уверенно отвечала на вопросы своего адвоката майора Кранфильда (он защищал также Ильзу Лоте, Хильду Лобауэр и Йозефа Клиппеля). Грезе давала точные показания о плане и разделении блоков «Лагеря С» в концлагере Аушвиц. Она сообщила, что число узников, находящихся под ее управлением, составляло до 30 000 человек.

Не задумываясь, давала Грезе справку о плетке, которую имела при себе: это была легкая плетка длиной около 70 см, свитая из трех прядей синтетической ткани, которая была сделана в ткацком производстве лагеря. Резиновую дубинку она, по ее словам, использовать не могла, так как это было запрещено комендантом лагеря. Поэтому такую дубинку, в чем ее упрекали несколько свидетельниц, она не имела при себе никогда.

Грезе также объяснила суду, в каких именно случаях она применяла плетку. Как правило, это было воровство: «“Лагерь С” заполнялся все больше и больше, продукты на кухне постоянно крали». Кроме того, она, по ее словам, должна была заботиться о том, чтобы из-за переполнения лагеря каждый заключенный получал только лишь одно одеяло вместо двух. Так как одеяла снова и снова крали, она проверяла блоки и по таким поводам снова применяла плетку. Но при этом Ирма энергично оспаривала обвинения в умышленной жестокости по отношению к заключенным.

Вот фрагмент из указанного перекрестного допроса:

«— Били ли Вы когда-нибудь заключенного до тех пор, пока он не обливался кровью или падал без сознания, или же били Вы когда-нибудь заключенных, которые лежали бы на земле?

— Нет.

— Вы когда-нибудь били заключенных в Бельзене?

— Да.

— Чем?

— Рукой.

— Вы били когда-нибудь заключенных в Бельзене чем-нибудь иным как рукой?

— Нет.

— Вам говорили когда-нибудь Ваши начальники о газовой камере?

— Нет. Мне рассказали об этом заключенные.

— Вы приказывали когда-нибудь Вашим заключенным держать большие камни над головой в каждой руке? (Утверждение Катарины Найгер. — *В.М.*)

— Нет, и я должна сказать, что Катарина Найгер вообще ни секунды не была в моем лагере».

По утверждению Грезе, она получала команду для «селекций» по телефону от руководительницы переключки или старшей надзирательницы Марго Дрекслер (есть сведения, что за свои преступления она была повешена в Польше в 1945 году). По приказанию Дрекслер заключенные строились в шеренги по пять человек, после чего доктор Менгеле производил «селекцию». Одновременно Грезе должна была внести имена «отсортированных» в составляемый при этом список. «Отсортированные» передавались в другие концлагеря в Германии или определялись для «особого обращения», что означало отправку их в газовую камеру. О существовании этих газовых камер, настаивала Грезе, она узнала от заключенных.

Насчет поведения заключенных в «Лагере С» Освенцима она поясняла: «Сначала, когда заключенных было не так много и они получали достаточно еды, все было в порядке. Но позже, когда я имела под своим началом уже 20

или 30 тысяч заключенных, они вели себя как животные». Поэтому Грезе и стала носить с собой огнестрельное оружие для самозащиты. До того, пока лагерь не оказался перегруженным людьми сверх всякой нормы, она никогда не использовала оружие.

Корреспондент «Нового Ганноверского курьера» наблюдал скамью подсудимых в этот момент: «Крамер, Гура и некоторые из женщин-подсудимых смеялись, когда Грезе говорила: “Я никогда не выстрелила ни в кого, никого не ранила и не убила. Я выстрелила только однажды в новогодний вечер из пневматического ружья в воздух”»⁶.

Ирма также утверждала, что никогда не угрожала плеткой и никогда не имела при себе собаку. Кроме того, она не устраивала никогда, как это утверждала свидетельница Найгер, переключку в 3 часа утра. Также она отрицала утверждение бывшей узницы Коппер о том, что она специально посылала узников за разграничительную линию, где их убивала охрана. Также неправдой было, по ее словам, и то, что она планировала кого-то к отправке в газовую камеру. Наконец, она отрицала, что планировала вместе с комендантом лагеря Йозефом Крамером еще в Освенциме планы жестоко обращаться с беглецами или убивать их:

«Я всегда знала, что заключенные притворяются при виде меня. Теперь же я вижу, что они ненавидят меня. Я думаю, что причиной тому то, что я — из СС».

Примерно то же она говорила и о Берген-Бельзене. По ее словам, Берген-Бельзен был «совершенно переполнен». Каждый день сюда прибывало все больше заключенных. Она была объята ужасом от того, насколько эти люди грязны и больны. После этого ее высказывания суд перенес заседание на следующий день.

Перекрестный допрос продолжился 17 октября в первой половине дня. Обвинитель полковник Бэкхаус пытался запутать Грезе вопросами, что,

⁶ То, что смеялся обвиняемый Л.Гура, как раз неудивительно: вскоре он был признан невменяемым и освобожден от уголовной ответственности. — В.М.

однако, не удавалось ему. Грезе часто переворачивала все контрвопросами и остроумными ответами. Она бурно оспаривала то, что будто бы имела прирученную собаку:

«– Почему Вы говорите, что не имели никакой собаки?

– Я не хотела ее иметь.

– Тем не менее я утверждаю: вы имели собаку при себе, и, когда вы маршировали с вашей специально выделенной группой рабочих, собака бежала рядом, чтобы подгонять отстающих.

– Я лучше Вас знаю, имела ли я собаку или нет».

Вообще, Ирме нельзя было отказать в смелости и находчивости. Так, когда Бэкхаус стал задавать ей вопросы о ее детских годах, она с уничтожающим сарказмом задала ему встречный вопрос: «Я надеюсь, Вы не будете утверждать, что я и ребенком била людей?» Когда же он напомнил ей заявление Гертруды Диамант об избиении Ирмой женщин, лежащих на земле, она ответила: «Это ложь. Возможно, что лежать – любимое занятие Диамант».

Все же Грезе, как мы сказали, не стала отрицать часть обвинений. Помимо того, что она сама была заключенных плеткой и руками, она приказывала подчиненным ей надзирательницам, чтобы и они били узников. В одном случае она признала и истязания «спортом», разумеется, без того чтобы заключенные несли на себе камни, как в этом упрекали ее.

Бэкхаус пытался добиться от нее признания, что она находила удовольствие в мучении узников концлагеря, но на это, однако, Грезе не поддалась:

«– Свидетели утверждают, что ваше любимое занятие было – бить их.

– Это любимое занятие свидетелей – лгать».

Бэкхаус возвращался к этому снова и снова. Однако Грезе всякий раз бурно оспаривала это обвинение. Вот их диалог:

«– Когда Вы были со специально выделенными группами рабочих за пределами лагеря, то вы с удовольствием били женщин. Вы наслаждались этим?

– Я говорю Вам еще раз, что Вы очень плохо проинформированы обо мне. Это чудовищная ложь.

– Несколько свидетельниц высказались, что Вы были самой плохой надзирательницей во всем лагере.

– Да, они это сказали. Но они все лгут. Людям свойственно преувеличивать и делать из маленькой мухи слона».

Обвинение хотело доказать, что Ирма Грезе избивала узников, чтобы показать свою власть. Она будто бы наслаждалась этим, гордо выпагивая в тяжелых сапогах и с огнестрельным оружием. Грезе, по его мнению, была заключенных руками и плеткой в Освенциме «при случае» для того, чтобы почувствовать особенное «ощущение счастья» при этом. Грезе постоянно оспаривала обвинения в свой адрес. Это, по ее мнению, являлось следствием преувеличений или путаницы в показаниях свидетелей.

Бэкхаус (видимо, не от хорошей жизни) пытался уличить ее даже в изменении прически. В Освенциме и Берген-Бельзене она, по его мнению, выглядела другой, нежели на процессе. Грезе объяснила: изменение прически произошло в тюрьме и не было преднамеренным. (Что обвинителя раздражали великолепные ниспадающие локоны Ирмы, неудивительно: дожившие до нашего времени очевидцы процесса вспоминают их до сих пор.)

В заключение ее спросили, почему она, хотя и знала, что союзники приближались к Берген-Бельзену, не скрылась, а просила коменданта лагеря Крамера о том, чтобы остаться. Грезе объяснила это как свое личное дело и упомянула своего друга – эсэсовца Ханцингера, умершего от тифа в марте 1945 года. Она, по ее словам, «хотела быть ближе к нему». Это вполне могло бы послужить сюжетом для драматической повести, если бы в Берген-Бельзене ежечасно не происходили и другие, не менее трагические события...

На двадцать шестой день заседаний, 16 октября 1945 года, вступительную речь произнес защитник майор Кранфильд. «Незначительную вину» своих подзащитных он пытался обосновать «общим положением в нацистской Германии». Концентрационные лагеря, говорил он, были, согласно немецкому праву, «легальными тюрьмами», а их узники – «легальными пленниками». Поэтому, уверял Кранфильд, нельзя подводить под британские законы концентрационные лагеря при их оценке:

«Обвинение говорило здесь об отсутствии санитарных и гигиенических условий в лагерях. Оно утверждает, что в Бельзене не имелось ни стыда, ни личной жизни. При всем моем уважении к узникам лагеря я считаю, что большинство из них никогда не знало и раньше никакой личной жизни». (Видимо, Кранфильд намекал на то, что в лагере было много «асоциальных» заключенных.) Далее защитник отвел почти все обвинения против Грезе.

Кранфильд, кажется, сделал все, что мог, дабы спасти свою подзащитную от виселицы. Это тем более удивительно, если вспомнить, что он, как и судьи, был англичанином. Особенно наступательной была заключительная речь Кранфильда на 46-й день процесса, 8 ноября 1945 года. Три четверти этой речи он занимался Ирмой Грезе. То, что Грезе при переключках принуждала узников опускаться на колени, объяснял Кранфильд, служило «облегчению при подсчете». Факт, что Грезе осуществляла надзор за огромным количеством заключенных – от 20 000 до 30 000, среди которых находилось много убийц, – объяснял, по мнению защитника, то, что она всегда носила при себе плетку.

Кранфильд напомнил суду, что мать Ирмы погибла, когда девочке было всего 14 лет, что двумя годами позже она навсегда оставила родной дом и что в возрасте 18 лет она была направлена против своей воли на службу в концентрационный лагерь. Девушке было всего лишь 19 лет, когда она попала в ужасную атмосферу Аушвица. Далее адвокат пытался сыграть на том, что отец Ирмы был простой сельскохозяйственный чернорабочий, что она была плохо образованна и, как абсолютное большинство своих

сверстников, была беззащитной жертвой пропагандистской машины нацистов.

Затем, что было более существенным, Кранфильд обратил внимание суда на противоречия в показаниях свидетелей. Например, Хелен Коппер заявила, что Грезе появилась в Освенциме после Равенсбрюка «в 1941-м или раньше». Между тем было точно установлено, что Грезе лишь в 1942 году начала свою службу в Равенсбрюке. Следовательно, утверждение Коппер не могло рассматриваться как доказательство. Кроме того, надзирательница СС не имела права отдавать приказ стрелять в заключенных мужчинам-охранникам СС, а именно в этом и упрекали Грезе. В ответ на обвинения Грезе в том, что она избивала узниц и своим кожаным ремнем, Кранфильд продемонстрировал суду этот ремень – настолько легкий и узкий, что он не мог нанести сколько-нибудь серьезных повреждений.

Таким образом, адвокат сделал максимум возможного, но спасти жизнь Ирмы Грезе уже было не в его силах.

13 ноября 1945 года с заключительным словом выступил обвинитель полковник Бэкхаус, речь которого продолжалась весь день. Он выступал отдельно по каждому подсудимому, но занимался Грезе, однако, больше, чем другими. Главный обвинитель называл ее «странной женщиной, которая обходится очень вольно со всеми упреками против нее». Она, по его утверждению, уже ребенком имела желание вступить в БДМ, что было ей запрещено отцом. Бэкхаус доказывал суду, что свидетельницы не могли выдумать ее высказывания, для этого они были «слишком подробны». Основными же обвинениями против Грезе остались избиения заключенных и натравливание на них собаки. Доказать убийство ею хотя бы одной заключенной обвинению так и не удалось. Закрывая последнее заседание суда, полковник Бэкхаус заявил, что «для торжества справедливости суд должен признать всех подсудимых виновными».

17 ноября 1945 года, ровно через 2 месяца после начала процесса, был объявлен приговор военного трибунала. Его зачитывал председатель суда

генерал-майор Берней-Фиклин. Подсудимые должны были входить в зал группами по два-три человека и вставать у скамьи подсудимых. Ирму Грезе ввели вместе с двумя другими женщинами – Элизабет Фолкенрат и Юаной Борман. Почему именно с ними, выяснилось после того, как председатель объявил всем троим меру наказания: «Смерть через повешение».

«Глаза Элизабет Фолкенрат выкатились из орбит, она взволнованно дышала, Йоханна Борман была погружена в себя, но Ирма Грезе даже не изменилась в лице. Военные полицейские вывели трех женщин наружу» – так сообщала «Люнебургер Пост» о завершении процесса.

После оглашения приговора Ирма Грезе, Элизабет Фолкенрат, Юана Борман и восемь осужденных эсэсовцев-мужчин были переведены в тюрьму города Гамельн для его исполнения приговора. Здесь к ним присоединились еще двое мужчин, осужденных к смерти другим судом. (Мы не знаем, писала ли Ирма Грезе прошение о помиловании, как это сделали некоторые другие осужденные. В любом случае английский фельдмаршал Монтгомери отклонил все ходатайства.) Инженеры британской армии построили в тюрьме виселицу, а осужденные, судя по всему, принуждены были слышать все эти ужасные приготовления, напрямую их касающиеся. Для проведения казни из Великобритании прибыл королевский палач – знаменитый Альберт Пьерпойнт.

В своих мемуарах Пьерпойнт так описал первую встречу с Ирмой Грезе: «Она вышла из камеры смеясь и, не прекращая смеяться, подошла к нам. Она казалась настолько красивой девушкой, какую только можно было пожелать для свидания. Она ответила на вопросы О'Нейла (переводчика), но когда он спросил ее возраст, она сделала паузу и улыбнулась. Я поймал себя на том, что тоже улыбаюсь, так как понял обычное затруднение женщины, не желающей показывать свой возраст. В конечном счете она сказала: “Двадцать один”, – что было правдой...»

В ночь накануне казни Ирма написала свое последнее письмо родственникам. Мы приводим его с небольшими сокращениями⁷:

«12 декабря 1945 года.

Мои верные горячо любимые братья и сестры! Последний раз я могу поделиться с вами своими мыслями. Час пришел, остались только лишь минуты, которые я физически могу находиться вблизи вас. Все в мире идет так или иначе к своему концу, так и моя жизнь... Мне кажется, что я не иду на смерть, а ухожу к кому-то, кто ждет меня с большой тоской. Никакого страха перед смертью нет в моем изнемогающем сердце!

Лизхен и Лени⁸, за все ваши тяжелые жертвы, которые вы радостно приносили для меня, я благодарю вас последний раз. Если я могу просить вас о чем-то еще раз, то я прошу вас, чтобы вы оставались точно такими же гордыми немцами, какими были до сих пор, пусть ваши сердца никогда не знают колебаний и разочарований, а демонстрируют только упрямство и непреклонную любовь к нашему любимому Отечеству. Это всегда было моим принципом, и это я уношу с собой в могилу... Если мне будет позволено завтра видеть вас из машины, я хочу попрощаться с вами навсегда таким образом: со смеющимся лицом и с правой рукой, приложенной к левой стороне груди... Сегодняшняя ночь проходит быстро, и скоро наступит утро, а с ним придет и известный час, «подготовка» для ухода в вечность. Да, это будет. Я не хочу отягчать ваши сердца и передаю в своих строках вам, мои любимые, последние слова прощания. Вы должны вечно думать обо мне. Преданную любовь свою дарите также нашему Отечеству. Я остаюсь верна ему и в моем тяжком положении до самой смерти. С этими последними словами ваша любимая сестра Ирма Грезе уходит из этого несправедливого мира!»

Казнь была назначена на пятницу, 13 декабря 1945 года. Было решено первыми по одной повесить женщин, а затем по двое – мужчин. Об этой

⁷ Перевод наш. – В.М.

⁸ Сестры Ирма Грезе. – В.М.

тяжелой процедуре Пьерпойнт рассказал так: «Обязанные свидетели начали собираться, и, наконец, появился британский чиновник, ответственный за исполнение приговора – бригадир Патон-Уолш, которого я знал еще с довоенных времен как представителя губернатора Уондсворта. С ним была и мисс Уилсон, представитель губернатора Манчестера, которая должна была присутствовать при казни женщин. Часы уже показывали без нескольких минут девять, и Патон-Уолш спросил меня: “Вы готовы, Пьерпойнт?” Я ответил: “Да, сэр”. Тогда он распорядился: “Господа, следуйте за мной”, и процессия начала двигаться.

Мы поднялись по лестнице к камерам, в которых находились осужденные... и через открытую дверь вошли в комнату, предназначенную для исполнения приговора. Чиновники стояли по стойке “смирно”. Бригадир Патон-Уолш посмотрел на свои наручные часы и дал мне сигнал. В помещении был слышен вздох каждого присутствующего. Я вышел в коридор и громко сказал: “Ирма Грезе!” Немецкие охранники быстро закрыли все замки на двенадцати камерах, открыв только дверь одной. Ирма Грезе вышла из своей тесной камеры, и здесь, в коридоре, я связал ей руки. “Следуйте за мной”, – сказал я по-английски, а О’Нейл повторил это по-немецки. Она вошла в комнату исполнения и на мгновение пристально посмотрела на всех присутствовавших. Затем взошла на эшафот и встала в центр круга, который я мелом нарисовал на виселичном люке. Она стояла на люке очень уверенно. Когда я надел на нее белый капюшон, то услышал, как она произнесла свое последнее слово: “Schnell! (Быстрее!)”. В следующее мгновение ее тело провалилось в люк... Затем мы вместе доктором спустились вниз, под эшафот, где он констатировал смерть осужденной, которая оставалась на виселице еще 20 минут. После истечения этого времени ее тело было снято с виселицы и положено в заранее подготовленный гроб. Через десять минут я подготовил веревку для

Элизабет Фолкенрат, вышел в коридор и назвал ее имя. Получасом позже я повесил Юану Борман»⁹.

Впоследствии Пьерпойнт однажды сказал, что Ирма Грезе «...была самой храброй из всех мужчин и женщин, которых я повесил»¹⁰.

Таким образом, Ирма Грезе была повешена в 9.34 утра. За ней последовали Элизабет Фолкенрат – в 10.03 и Юана Борман – в 10.38, а затем 10 мужчин. Тела казненных были погребены на гамельнском кладбище Вель в отдельных маркированных (немецкая аккуратность!) могилах. Их личные вещи были отданы родственникам. Так, сестрам Ирмы Грезе – Хелен и Лизхен – были вручены по списку: деньги – 439 марок 65 пфеннигов; сберегательная книжка на сумму 4 391 марка 57 пфеннигов; шесть колец из желтого металла; пояс для чулок; плащ; накидка от пыли; три рубашки; две пижамы; фартук; три пары чулок; туфли синего цвета; пара высоких сапог; платье; две пары носков; юбка; две блузки; синий пуловер; платок; два трико; бюстгальтер; рюкзак; портмоне; свидетельство о рождении; два гребня; рейтузы.

Но и после смерти Ирму Грезе не оставили в покое: в 1986 году ее могилу сровняли с землей, чтобы прекратить паломничество неонацистов и просто любопытных к этому месту.

...После окончания Второй мировой войны многие исследователи занимались «проблемой Ирмы Грезе», то есть пытались понять причины такого явления, когда молодая и красивая девушка становится способной на жестокие поступки. Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, мы во многом знаем эти причины, главные из которых – условия тоталитарного режима и отсутствие гражданского общества, которые формируют людей-«зомби», готовых безотчетно выполнять любые приказания свыше. Уже упомянутая нами Лина Хааг так сформулировала свое понимание сущности

⁹ Executioner Pierrpoint. An introduction. War criminals hanged in Hameln. URL: <http://www.mazal.org/archive/PIERRE/PierreIntro.htm> (дата обращения: 29.08.2013).

¹⁰ Кто-кто, а Альберт Пьерпойнт знал, что говорил: ведь за 24 года исполнения своих обязанностей он повесил ни много ни мало 433 мужчины и 13 женщин. – В.М.

этого явления: «Мы можем на худой конец понять, что люди запуганы. Невероятно, почему так много оказалось садистов. Действительно ли это садисты, преступники, убийцы по сути своей? Я в это не верю... Они – обыватели. Но волею обстоятельств они оказались не в финансовом управлении, а в полиции, не писарями в магистратуре, мясниками, канцеляристами, строительными рабочими или служащими ЗАГСа, а чиновниками гестапо или эсэсовцами. Они не отличают добро от зла, а делают то, что им приказано. Им не приказано отличать добро от зла, право от бесправия, им приказано искоренять и истреблять врагов государства. Они делают это с той же тупой педантичностью, с тем же немецким усердием и с той же немецкой основательностью, с какой обычно проверяли налоговые декларации, или писали протоколы, или закалывали свиней. С профессиональным усердием, добросовестно и серьезно стегают они плетью привязанных к скамье беззащитных женщин, будучи глубоко убежденными в том, что тем самым служат государству и своему фюреру. Решающее значение здесь имеет типично немецкое сознание своего долга»¹¹.

Вполне можно согласиться также и с теми авторами, которые считают, что случай Ирмы Грезе – классический пример того, что случается, когда незрелому человеку дают огромные права и полномочия распоряжаться судьбами и жизнями большого количества людей. Ведь мало кого из ее начальников интересовало, сколько из узников концентрационного лагеря были избиты ею. Более того, Ирма чувствовала, что исполняла волю фюрера, и считала, что он освободил ее от ответственности за ее действия. Как же она заблуждалась... Да только ли она? А вся немецкая нация? А другие народы, попавшие под власть преступных антидемократических режимов?

Нелишне будет напомнить, что и советский народ долгие десятилетия был в плену лживой коммунистической идеологии. При этом советские люди поклонялись своему мрачному богу – Иосифу Сталину, беспримерному садисту, палачу и вурдалаку всех времен и народов. Ему граждане и

¹¹ Хааз Л. Указ. соч. С. 183–184.

гражданки СССР посвящали свои подвиги, его же именем освящали свои преступления. Не желая никого обидеть или тем более оскорбить, задумаемся над печальным вопросом: так ли уж велика разница между этими двумя девушками – немкой Ирмой Грезе и русской Зоей Космодемьянской? Они находились по разные стороны фронта, но и та и другая, не задумываясь, абсолютно фанатично выполняли преступные приказы своих руководителей. Первая могла издеваться над вверенными ей беззащитными людьми, выполняя указания Гитлера и Гимmlера, а другая в жестокие морозы поджигала дома мирных советских граждан, выполняя изуверский приказ Сталина уничтожить все в прифронтовой полосе.

(Именно об этом приказе Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 года известный историк Д.А.Волгогонов написал: «Война беспощадна. Возможно, что такие действия могли создавать жестокие неудобства оккупантам. Все это так. Но для скольких советских людей их крыша была последним хрупким прибежищем, где они надеялись перенести лихолетье, дождаться своих, спасти детей. Кто скажет, чего было больше в этом приказе: военной необходимости или бездумной жестокости?»¹²⁾

И та и другая были уверены, что защищают свою Родину и что приказы свыше заведомо правомерны. Но именно данное обстоятельство делало этих девушек всего лишь крохотными винтиками двух ужасных, бесчеловечных систем, изуродовавших и погубивших их жизни.

Заканчивая рассказ об Ирме Грезе, еще раз надо подчеркнуть: прежде всего, нацизм виновен в том, что из обычной деревенской девушки вышла жестокая надзирательница фашистского концентрационного лагеря. В других условиях она, вполне возможно, выросла бы добропорядочной гражданкой своей страны, женой и матерью. Все задатки для этого у нее были. Это видно хотя бы из того, с каким мужеством она приняла свою судьбу, считая, возможно, ее лучшим исходом для себя, так как Германия проиграла войну.

¹² *Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 146.

Иоганна Борман

Родилась 10 сентября 1893 года. Подробности ее довоенной биографии нам неизвестны. Поступила на службу в СС в 1938 году. «Так я могла заработать больше денег», – заявила она на суде. Ее деятельность в концлагерях началась в Биркенау (Аушвиц – II), где она находилась с 15 мая 1943-го по декабрь 1944 года в должности медсестры. Затем – служба в Берген-Бельзене с февраля 1945 года, где под ее началом был лагерный свиновод.

На процессе Иоганне Борман были предъявлены три обвинения: участие в «селекциях», жестокое обращение с заключенными (одна из свидетельниц заявила под присягой, что Иоганна на ее глазах выбила одной из узниц сразу два зуба) и натравливание на них собаки. Почему-то последнее обвинение было предъявлено отдельно, а поэтому Борман неофициально фигурировала на процессе как «женщина с собакой».

Обвинения в участии в «селекциях» Борман так и не признала. Между тем немецкая свидетельница Анна Джонас утверждала, что обвиняемая присутствовала на «селекциях» не просто по долгу службы: она, например, указывала докторам, проводящим отбор заключенных, на наиболее ослабевших узниц: «Вот эта смотрится весьма слабо, ее тоже надо забрать». Другая свидетельница обвинения, Йилка Малаховска из Польши, рассказала на суде, что однажды в Биркенау в январе 1943 года Борман приняла участие в отборе 50 девушек, одна из которых была родной сестрой Йилки. Грузовик с девушками той же ночью уехал в направлении крематория, который располагался вне лагеря, и больше этих девушек никто никогда не видел. Обвинения такого рода поддержал целый ряд свидетельниц – Эстер Волграш, Дора Зильберберг, Рэчел Келишек, Ханка Розенцвейг и Дора Шафран из Польши, чешка Вера Фишер, гречанка Алегра Кальдерон, Илона Штейн из Венгрии и другие. Тем не менее, Борман до конца стояла на своем и даже

утверждала, что убyla из Биркенау годом раньше, то есть в декабре 1943 года.

Что же касается двух других обвинений, то Борман утверждала, что лишь иногда «не очень сильно» была вверенных ей заключенных по ушам и давала им пощечины, если они ее не слушались. Она признала наличие у нее собаки в Аушвице, но при этом заявила, что она никогда не заставляла эту собаку нападать на заключенных. По ее утверждению, свидетели обвинения ошибочно приняли ее за другую надзирательницу, также имевшую собаку. Кроме того, натравливание собак на заключенных, заявила Борман, строго запрещалось и наказывалось.

Несомненно, что на судьбу Иоганны Борман сильно повлияли заявления другой бывшей надзирательницы, Герды Боте, которая поддержала обвинение против своей подельницы в жестоком обращении с заключенными. Сделано это было, видимо, либо из желания отомстить за что-то Борман, либо как-то выгородить себя. Насколько это помогло самой Боте, трудно сказать. Она получила 10 лет тюрьмы, но была освобождена досрочно – в 1951 году (см. ниже). А вот положение Борман ее показания сильно осложнили.

Иоганна Борман была оправдана по обвинению в избиениях заключенных в Берген-Бельзене, но была осуждена за преступления в Аушвице-Биркенау. Всех предъявленных обвинений вполне хватило для вынесения ей смертного приговора. Накануне приведения его в исполнение, 12 декабря 1945 года, палач Пьерпойнт измерил рост и вес своей будущей «подопечной»: они оказались равными, соответственно, 152 сантиметрам и 46 килограммам. По его словам, Борман «...хромала, идя по коридору, выглядя старой и измученной... Она дрожала, когда встала на весы. По-немецки она сказала: “Я очень чувствительна...”»

Наутро 53-летнюю Иоганну Борман вели на виселицу в полуобморочном состоянии...

Элизабет Фолкенрат

Родилась 5 сентября 1919 года. Подробности биографии до 1942 года нам неизвестны. Свою лагерную службу начала в Освенциме (Аушвиц – I) в марте 1942 года в качестве надзирательницы. Затем в декабре того же года была переведена в Биркенау (Аушвиц – II), где служила на почте и хлебном складе до сентября 1944 года (неизвестно, означал ли этот перевод понижение в должности). В сентябре 1944-го Фолкенрат снова переводят в Аушвиц – I, где она до 18 января 1945-го отвечала за рабочую группу заключенных.

Ее служба в Берген-Бельзене началась 5 февраля 1945 года в должности старшей надзирательницы. В обязанности Фолкенрат входили контроль и организация службы подчиненных ей надзирательниц. Но уже через несколько дней она попала в больницу и смогла приступить к исполнению своих обязанностей только 23 марта, то есть за три недели до освобождения лагеря.

Чешская заключенная Гертруда Диамент, бывшая узница Освенцима, свидетельствовала на суде, что в течение 1942 она видела, как Фолкенрат участвовала в «селекциях». Она, по утверждению свидетельницы, отдавала распоряжения о погрузке заключенных в грузовики и отправке их к газовой камере. Фолкенрат отрицала это, заявляя, что она, действительно, присутствовала при «селекциях» в августе 1942 года, но только в качестве наблюдателя. При этом она утверждала, что обязана была присутствовать там, будучи ответственной за женский лагерь, но всего лишь наблюдала за тем, чтобы «заключенные сохраняли спокойствие и вели себя надлежащим образом». О том, куда будут отправлены грузовики с заключенными, Фолкенрат, по ее словам, не имела представления.

Еще одна свидетельница из Освенцима, полька Джозефина Зингер, заявила, что обвиняемая неоднократно избивала женщин-заключенных в швейной мастерской, а однажды так ударила узницу, что та отлетела на несколько шагов. В аналогичных действиях, только уже на хлебном складе,

уличала Фолкенрат и другая свидетельница из Польши – Лидия Саншайн. Наконец, свидетельницы Злата Кауфман и Эдит Тригер из Чехословакии и советская гражданка Александра Сивидова под присягой показали, что Фолкенрат избивала дубинкой женщин-заключенных, лежащих на земле, пиная их при этом ногами.

Другая свидетельница из Польши, Хелен Хаммермарш, бывшая узница Берген-Бельзена, показала, что и там Элизабет Фолкенрат избивала заключенных резиновой дубинкой и пинала ногами. При этом она описала конкретный случай с одной молодой девушкой, которую Фолкенрат жестоко избила. Это свидетельство было подтверждено показаниями других женщин – бывших заключенных этого лагеря.

На все это обвиняемая отвечала, что никогда не избивала заключенных, а «ограничивалась только пощечинами». Что же касается описанного Хаммермарш случая, заявила Фолкенрат, то девушку, совершившую побег, избивал сам комендант лагеря Крамер, а она всего лишь присутствовала при этом.

Оправдания не помогли ей: Элизабет Фолкенрат была признана виновной в жестоком обращении с заключенными в обоих лагерях – Освенциме и Берген-Бельзене. Этого вполне хватило, чтобы отправить ее на виселицу.

Герда Боте

Родилась в Тетерове (земля Мекленбург) 8 января 1921 года.

До 16 лет помогала отцу – владельцу небольшого магазина. Потом работала на фабрике, сначала работницей, а затем – медсестрой в медпункте. В 1939 году вступила в Союз немецких девушек. Была физически хорошо развита. В сентябре 1942 года Боте была призвана на службу в качестве надзирательницы концлагеря Равенсбрюк. Она прошла там четырехнедельный курс обучения и получила назначение в концлагерь Штуттгоф близ Данцига. Там она служила под началом печально известной

Герды Штейнхофф, впоследствии повешенной по приговору суда (см. параграф 4.3. Концлагерь Штуттгоф: прибалтийская преисподняя). Уже в начале своей службы она получила страшное прозвище «садистка Штуттгофа»¹³.

В январе-феврале 1945 года Боте сопровождала «марш смерти» женщин-заключенных от центральной Польши до Берген-Бельзена. После освобождения этого лагеря Боте была арестована и заключена в тюрьму города Целле.

На первом Берген-Бельзенском процессе свидетели характеризовали Герду Боте как «безжалостную надзирательницу», избивавшую заключенных и любившую стрелять в них из пистолета. Так, свидетельница Зала Шиферман утверждала, что она видела, как Боте избила 18-летнюю девочку только за то, что несчастная ела картофельные очистки на кухне. При этом, якобы, Боте заявила: «Я забью ее до смерти». Впоследствии девочка была обнаружена мертвой. Другая свидетельница, Любовь Тришинская, обвинила Боте в том, что та насмерть забивала узниц деревянной палкой. Применительно к Герде Боте эти обвинения выглядели вполне правдоподобно: в отличие, например, от Иоганны Борман, она всегда выделялась своим высоким ростом и физической силой.

Но Боте, тем не менее, все-таки избежала смертного приговора, получив «только» 10 лет заключения (видимо, за проявленную лояльность к суду). А уже в декабре 1951 года (отбыв в тюрьме только 6 лет) она была помилована британским правительством и стала обычной гражданкой Германии. Впоследствии Боте вышла замуж и сменила фамилию на Ланг. Есть сведения, что в 2011 году она отметила свое 90-летие¹⁴.

...Спустя много лет, в 2004 году, Герду Боте нашли журналисты и спросили, не жалеет ли она о том, что когда-то стала надзирательницей

¹³ Herta Bothe. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Herta_Bothe (дата обращения: 31.07.2013).

¹⁴ В то же время в некоторых источниках сообщается о смерти Г.Боте и даже указывается точная дата – 16 марта 2000 года. См., например: First Belsen Trial Aufseherin Herta Bothe/Lange. URL: <http://www.bergenbelsen.co.uk/pages/Staff/Staff.asp?CampStaffID=43> (дата обращения: 31.07.2013). Но, скорее, всего, это ошибка.

концлагеря (см. иллюстрации). Она дала, на наш взгляд, не очень вразумительный ответ: «Что Вы имеете в виду? ...Я сделала ошибку? Нет. Ошибка состояла в том, что это был концентрационный лагерь, но я должна была пойти туда на службу, иначе бы оказалась там как заключенная. Вот это было моей ошибкой»¹⁵.

3.1.2. Второй Берген-Бельзенский процесс

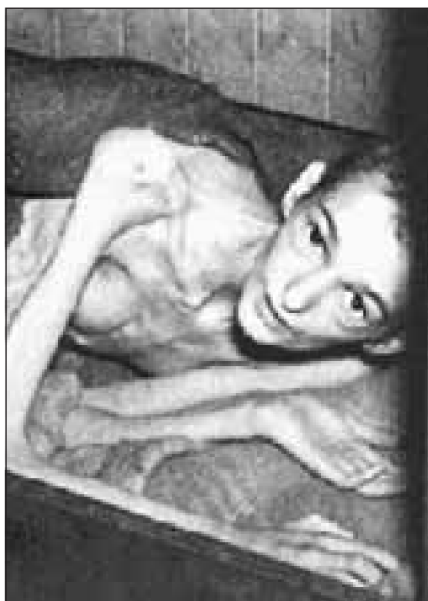
Он проходил через полгода после окончания первого процесса по этому лагерю – с 16 по 30 мая 1946 года, и по своим масштабам был неизмеримо меньше его. В печати он почти не освещался. На этот раз перед британским военным трибуналом предстали 9 бывших сотрудников администрации лагеря, в том числе 3 женщины. Приговор был суровым: все были признаны виновными, из них четверо (мужчины) были приговорены к смертной казни через повешение, а остальные – к различным срокам лишения свободы (см. прил. 2).

¹⁵ Naci She-Devils. URL: <http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/nazi-she-devils-566055> (дата обращения: 31.07.2013).

Иллюстрации

Вот что увидели британские солдаты в освобожденном ими
Берген-Бельзене...

Эти узники все-таки дожили до освобождения...

...А эти не дожили...

Из-за огромного числа разлагающихся трупов их погребали
«в ускоренном порядке»

К уборке и погребению трупов был привлечен и бывший персонал лагеря.
Из 76 человек 20 в ближайшее время умрут (большинство – от тифа)

Вот они, «Валькирии SS», стоящие на краю братской могилы своих жертв.
Им есть о чем подумать...

...А это они вблизи. Что и говорить, выразительные лица... Крайняя справа – Г.Боте

...А это они все вместе

Группа надзирательниц Берген-Бельзена. Слева направо: Ш.Клейн, Х.Лизивиц, Р.Шейбер, Л.Фритцнер, Г.Элерт и Э.Фолкенрат. Снимок сделан 2 мая 1945 года.
В этот день советские войска полностью овладели Берлином

I am the SS overseer Herta Bothe. Since the first of March 1945 I am working at Bergen Belsen.....

Герда Боте дает интервью в первые дни после освобождения
Берген-Бельзена

...а это тоже кадр из ее интервью, но уже от 2004 года

Такой была Анна Франк...

В этих бараках жили узники Берген-Бельзена

21 мая 1945 года. «Бараки, где страдали люди, предаются огню» – так писала одна английская газета

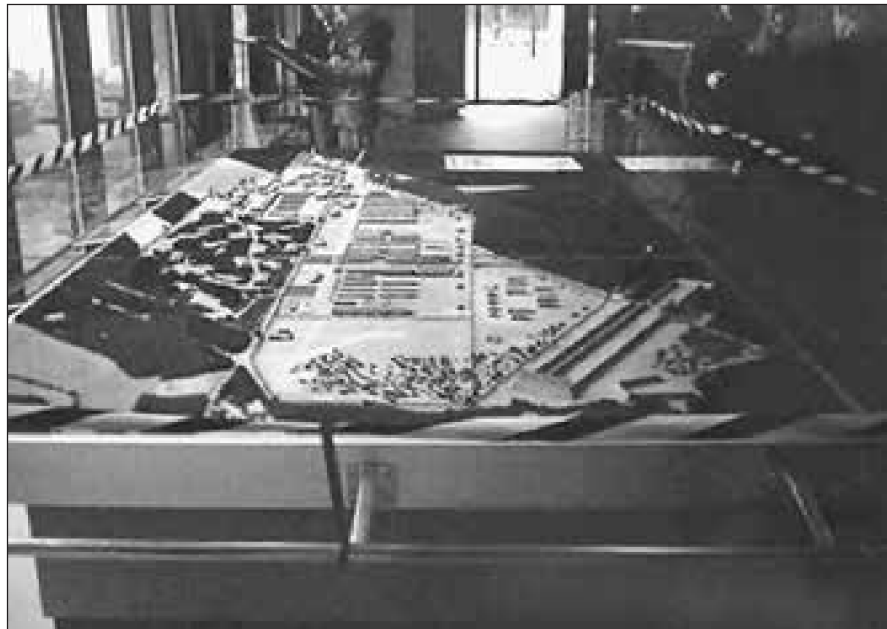

Комендант лагеря Йозеф Крамер. Это ему английские газеты дали прозвище «Бельзенское чудовище»

Берген-Бельзен сегодня

Памятная стела

В одном из залов мемориального комплекса

Суд и фигуранты

В этом здании Люнебурга проходил первый Берген-Бельзенский процесс

Скамья (или скамьи) подсудимых

На скамье подсудимых – бывшие надзирательницы Берген-Бельзена.
Первый ряд слева направо: Э.Фолкенрат (№ 7), Г.Элерт (№ 8), И.Грезе (№ 9), И.Лотте (№ 10) и Х.Лобауэр (№ 11)

Ирма Грезе

Школьная фотография.
Немецкая «двойка» –
это наша «четверка»

Она была обычной немецкой девушкой...

...А эти пропагандистские плакаты нацистов сопровождали и уродовали Ирму Грезе всю ее короткую жизнь¹⁶

¹⁶ Плакаты нацистской Германии. URL: <http://photo.i.ua/user/3366688/211421> (дата обращения: 29.07.2013).

...И вот ее судят как тяжкую уголовную преступницу.
Ирма Гресе (рядом Йозеф Крамер)

Ирма Грезе на суде

Элизабет Волкенрат

Иоганна Борман

Альберт Пьерпойнт, легендарный английский палач,
казнивший около 200 военных преступников. Его жизнеописанию посвящен фильм
«Последний палач» (2005 г.)

Вы догадались, чем он сейчас занят?

3.2. Ад для женщин – Равенсбрюк

3.2.1. История лагеря

В жизни иногда бывает так, что мало кому знакомое место на земле вдруг становится знаменитым. Причем знаменитость эта может быть разного свойства: гордая, торжественная, печальная или мрачная. Маленький городок Фюрстенберг, земли Мекленбург, что на севере Германии, в 80 километрах от Берлина, приобрел печальную и мрачную известность, оттого что рядом с ним был расположен «женский ад» – концентрационный лагерь Равенсбрюк. Это был самый большой женский лагерь во времена нацистского режима: через него прошло, по разным оценкам, от 100 000 до 132 000 женщин из более чем 20 (в некоторых источниках – более 40) государств. При этом число погибших в нем составляет не менее 20 000 человек (максимальная оценка, озвученная на первом Равенсбрюкском процессе, – 92 000 человек).

Надо сказать, что Равенсбрюк был не первым женским концентрационным лагерем в Германии. Еще в 1933 году возник первый «женский превентивный лагерь» для женщин – противников национал-социализма в Мёрингене. Это был крохотный лагерь с «контингентом» в несколько десятков человек – в основном немецких коммунисток. Затем, в конце 1937 года, женский лагерь появляется на территории крепости Лихтенбург около городка Преттин. Это был уже вполне «полноценный» женский концентрационный лагерь, охраняемый СС и находящийся в ведении Центральной инспекции концентрационных лагерей. Но все это были лишь первые «опыты» национал-социалистов по созданию крупного концлагеря, предназначенного для женщин. И такой лагерь начинает строиться в декабре 1938 года. Именно тогда из концентрационного лагеря Заксенхаузен на место будущего Равенсбрюка были доставлены 500 заключенных-мужчин. В их задачи входило до середины апреля 1939 года построить 14 жилых и 2 больничных барака, а также прачечную и столовую для нового концентрационного лагеря. Местоположение нового лагеря было

выбрано не случайно: относительная его уединенность сочеталась с близостью железнодорожной станции Фюрстенберг и автостреды № 96. 18 мая 1939 года Равенсбрюк принял первых заключенных – 867 женщин. С этого дня и начинается мрачная история лагеря¹.

Организационная структура Равенсбрюка в точности совпадала со структурой аналогичного мужского концлагеря. Управление и охрана лагеря до лета 1942 года также состояли из мужчин. Лишь внутрилагерная служба принимала на службу женский персонал СС.

Специфика Равенсбрюка заключалась в том, что он одновременно был и «учебным центром» для надзирателей СС, через который прошло до 3 500 таких «курсанток» и до 950 «курсантов». Кроме того, он являлся лагерным комплексом, где в широких масштабах и с чисто немецкой деловитостью осуществлялась экономическая эксплуатация узников. Уже в 1940 году на территории лагеря был сооружен так называемый «промышленный двор» – принадлежащее СС предприятие по производству текстиля и кожи в форме общества с ограниченной ответственностью «Текслед». В структуре предприятия были 3 пошивочных мастерских, ремонтная мастерская, ткацкое производство и другие подразделения. В 1942 году на этом предприятии работало уже до 5 000 женщин-заключенных.

С середины 1942 года трудовые ресурсы Равенсбрюка начинают напрямую мобилизовываться для нужд военной промышленности Германии (как известно, на режим военного времени она стала переходить только с весны 1942 года, когда нацистское руководство осознало затяжной характер войны). В августе 1942 года на территории лагеря появляются цеха электротехнического концерна «Сименс». Соответственно возросла и сложность выполняемых в лагере работ, что потребовало привлечения большего количества заключенных-мужчин. Потому численность мужского филиального лагеря, насчитывавшего в 1941 году 350 человек, возросла к 1944 году до 2 000 человек. Укрупняется и другой филиал Равенсбрюка –

¹ Тааке К. Опр. cit. S. 24; Равенсбрюк. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 29.08.2013).

«молодежный» лагерь Уккермарк. Численность контингента в других филиалах также увеличивается до 6 000 человек.

В основном женском лагере численность заключенных составляла в 1942 году почти 8 000, а в 1943-м – 10 000 женщин. Еще более значительно возросла эта численность Равенсбрюка его филиалов в 1944 году – более чем 70 000 мужчин и женщин. Такой быстрый прирост численности заключенных объяснялся прежде всего тем, что в Равенсбрюк, находящийся в центре Германии, эвакуировали контингент лагерей, к которым подходила линия фронта.

До 1942 большинство женщин-заключенных были по национальности немками, австрийками и поляками. Затем контингент лагеря становился все более «международным». Значительная часть лагерной документации была уничтожена в конце войны, но до нас дошли поименные списки 55 549 заключенных-женщин, в разное время доставленных в Равенсбрюк. Согласно анализу этих списков по странам, проведенному зарубежными исследователями, примерно 36 % женщин, прошедших через Равенсбрюк, представляли Польшу, 21 – Советский Союз, 18 – Германию (с Австрией), 8 – Венгрию, 6 – Францию, 3 – Чехословакию и более 2 % – Югославию и страны Бенилюкса. Остальные представляли еще более 20 государств либо были зарегистрированы как «цыганки».

Что же касается причин заключения, то до лета 1941 года в лагере преобладали уголовные преступницы. После начала войны с СССР положение изменилось в результате поступления в лагерь большого количества арестованных по политическим мотивам.

В упомянутых списках фигурирует также 881 ребенок в возрасте от 2 до 16 лет 18 национальностей. Многие из них появились на свет в Равенсбрюке. Только за период с 19 сентября 1944-го по 22 апреля 1945 года в Равенсбрюке было зарегистрировано 527 рождений. Значительная часть этих детей погибла в последние недели существования лагеря и в ходе его эвакуации.

Надо сказать несколько слов и о комендантах Равенсбрюка, тем более что их было всего два. Первым лагерным комендантом, официально вступившим в эту должность 1 января 1940 года, был гауптштурмфюрер СС Макс Кёгель. После его перевода в Майданек (коменданты лагерей постоянно переводились из лагеря в лагерь) Равенсбрюк возглавил 20 августа 1942 года переведенный из Заксенхаузена гауптштурмфюрер СС Фриц Зурен. Он и управлял лагерем до его эвакуации в апреле 1945 года.

Женский концентрационный лагерь Равенсбрюк был освобожден наступающими частями Красной армии 30 апреля 1945 года. Однако лагерь к тому времени был уже почти пуст: большая часть его заключенных и персонала была эвакуирована.

3.2.2. Равенсбрюкские (Гамбургские) процессы

После окончания войны прошел целый ряд процессов над бывшими охранниками, врачами и медсестрами концлагеря Равенсбрюк. Наиболее известными из них были процессы 1949–1950 годов в Раштадте (обвиняемых судил французский военный трибунал), «процесс врачей» 1946–1947 годов в Нюрнберге и, конечно, гамбургские процессы. Именно на этих процессах были вынесены смертные приговоры женщинам из числа лагерного персонала Равенсбрюка.

В 1946–1948 годах в Гамбурге в здании местного профсоюза преподавателей² состоялись семь знаменитых Равенсбрюкских процессов (их также называют гамбургскими Равенсбрюкскими процессами, так как все они состоялись в одном месте). На них перед британским военным трибуналом предстали 38 человек – 17 мужчин и 21 женщина (довольно необычное соотношение для подсудимых военного трибунала). Из этого количества мужчин 10 были приговорены к смертной казни, 6 – к

² Кстати, в этом здании во время войны заседал нацистский суд. В дальнейшем, кроме британского, здесь заседали также французские и (по некоторым сведениям) советские военные трибуналы, перед которыми представляли бывшие эссовцы. Так, именно здесь весной 1946 года прошел процесс по концлагерю Нойенгамм. – *В.М.*

длительным срокам лишения свободы, а один умер во время процесса. Женщинам пришлось не многим легче: 9 из них были приговорены к смертной казни, а 8 – к различным срокам лишения свободы. Правда, четверо были оправданы.

Судить персонал лагеря было за что. Хотя Равенсбрюк и не был похож на Освенцим или Майданек (которые в литературе называют «лагерями уничтожения»), люди, заключенные в него, страдали, мучились и погибали. Причем в массе своей это были женщины. В Равенсбрюке имели место и жестокие физические наказания, и побои, и издевательства, и внесудебные расправы – то есть весь набор способов глумления над человеком, его достоинством и жизнью. Одной из самых мрачных страниц истории Равенсбрюка стало проведение на его территории бесчеловечных медицинских опытов на живых людях. Так, с середины 1942 года врачи СС стали производить опыты применения медицинских препаратов на заключенных. В частности, здесь испытывалось действие сульфамидов, производились также хирургические вмешательства, имевшие целью исследование регенерации костей и их трансплантации.

Интересен тот факт, что среди осужденных женщин были и 4 женщины-заключенные, трое из которых были задействованы в Равенсбрюке в качестве младшего медицинского персонала, а одна исполняла обязанности надзирательницы. На процессах их обвинили в убийствах своих же союзниц и наказали жесточайшим образом: первые трое были приговорены к смерти, а надзирательница получила десятилетний срок заключения.

Сведения о тех процессах, на которых к смерти были осуждены женщины, мы приводим ниже вместе с жизнеописаниями осужденных. Данные об остальных процессах приводятся в приложениях.

Первый Равенсбрюкский процесс

Он проходил с 5 декабря 1946-го по 3 февраля 1947 года. Перед британским военным трибуналом предстали 16 человек: 7 женщин и 9

мужчин. Таким образом, это был самый большой из семи Равенсбрюкских процессов.

Первоначально планировалось предать суду 19 человек, но еще до начала процесса три бывших руководителя Равенсбрюка – комендант лагеря Фриц Зурен, а также эсэсовцы Ханс Пфлаум и Фридрих Опиц – бежали из лагеря интернированных № 5, который был оборудован британцами в бывшем концлагере Нойенгамм. (Это, правда, не очень им помогло: позднее все они так или иначе предстали перед судом. Зурен и Пфлаум были задержаны в марте 1949 года в американской зоне оккупации, переданы французским властям, осуждены и расстреляны 12 июня 1950 года. Фридриху Опицу был «персонально» посвящен второй Равенсбрюкский процесс, по приговору которого он и был повешен в феврале 1948 года.)

Суд заседал под председательством 50-летнего генерал-майора Виктора Джона Эрика Вестроппа. Заседателями были полковник Бончоус, подполковник Глендининг, майор Боулинг-Смит, капитан Букланд, капитан Скотт (все – офицеры Королевской армии). Официальным обвинителем был майор Стюарт, а в помощь ему был придан польский майор Зимириц Ольшенский. Адвокатские функции осуществлял майор Стирлинг. В отличие от первого Берген-Бельзенского процесса обвиняемые по своему желанию получали для защиты немецких адвокатов, что повышало степень объективности судопроизводства. Процесс открылся в присутствии официальных наблюдателей из десятков стран, представителей немецкой юстиции и репортеров международной прессы.

Наибольший интерес среди обвиняемых вызывали Вера Зальвекварт и Кармен Мори, которые обе предстали перед судом как бывшие узницы лагеря и часто вместе отмечались в обширных комментариях прессы. Так, гамбургская «Шпигель» писала: «Две женщины вызывают на Гамбургском процессе особые чувства: черноволосая Кармен Мори и блондинка чешка Вера Зальвекварт. Обе обвиняются в жестоком обращении с их товарками по несчастью. Кроме того, красивая чешка отпускала больным, будучи

медсестрой, смертельные порошки»³. Надо сказать, что именно эти две подсудимые до самого конца отрицали практически все выдвинутые против них обвинения.

В первый день процесса майор Стьюарт зачитал вступительное слово обвинения. Он подробно описал суду состояние концлагеря Равенсбрюк. Лагерь, рассчитанный на 6–7 тысяч заключенных, был постоянно переполнен, а к январю 1945 года число узников достигло максимума – 40 тысяч человек. Санитарных устройств в лагере, естественно, явно не хватало. Вследствие этого среди заключенных распространялись болезни и эпидемии. Узники были крайне ослаблены, и многие из них не дожили до освобождения из-за отвратительного питания, тяжелой работы, плохой одежды и ежедневных, часто длящихся часами, перекличек.

Подсудимые, которые несли ответственность за состояние лагеря, не предприняли, с точки зрения майора Стьюарта, никаких попыток улучшить эти плохие условия. Один из обвиняемых, Шварцхубер, признал, что продовольственное снабжение в лагере было недостаточным: «Суп был слишком тощим, а хлеба слишком мало». Поэтому обвинение исходило из того, что плохое состояние лагеря было хорошо известно всем подсудимым. Кроме того, обвинение утверждало, что только в газовых камерах Равенсбрюка и Уккермарка было убито от 3 до 7 тысяч человек. Была названа и общая цифра погибших в Равенсбрюке – 92 000 человек (как и большинство других аналогичных цифр, озвученных на первых послевоенных процессах, явно завышенная)⁴. Персонал концлагеря выбирал, по мнению английского обвинителя, заключенных, которые затем уничтожались (то есть проводились так называемые «селекции»).

Таким образом, подсудимые обвинялись в военных преступлениях, истязаниях и убийствах (при этом, что интересно, преступления по отношению к немецким заключенным не учитывались). Надо сказать, что

³ *Taake K.* Op. cit. S. 71.

⁴ В наши дни исследователи оценивают число погибших в Равенсбрюке примерно в 20–30 тыс. человек. – *В.М.*

обвинение, как и в процессе по Берген-Бельзену, столкнулось с трудностями при поиске свидетелей преступлений подсудимых. Возможно, что именно поэтому подготовка процесса заняла около полутора лет.

На скамье подсудимых вместе с эсэсовскими охранниками находились и три бывшие узницы Равенсбрюка – Евгения ван Сkene, Кармен Мори и Вера Зальвекварт, бывшие «функциональные заключенные». Дело в том, что из-за нехватки персонала СС часто на их должности назначались заключенные немецкой национальности. Это так называемое «самоуправление заключенных» было посреднической инстанцией между персоналом СС и сообществом узников. «Функционалы» тоже были узниками, но именно они образовывали «местную» власть в лагере, хотя формально лагерное управление от них абсолютно не зависело. Такая иерархия капо, блоковых надзирателей, старших по блоку и старших по комнате была введена лагерной администрацией в систему социальных связей. Благодаря им СС мог весьма эффективно проводить свой террор в самых глухих углах лагеря, так как, например, старшим по блоку и по комнате непосредственно поручались задания по надзору и контролю. За это они имели привилегию быть освобожденными от физической работы.

Сначала эти должности занимались в Равенсбрюке преимущественно женщинами из рядов уголовных преступниц и так называемого «асоциального» элемента, но с течением времени на них все чаще попадали политические заключенные (иногда даже и коммунисты). Они пытались строить систему взаимной помощи. Таким образом, «функциональные заключенные» были, с одной стороны, «длинной» рукой СС, а с другой – защищающей рукой для узников. Надо сказать, что случай с Верой Зальвекварт и другими подобными ей узницами показывает, что обе эти стороны могли совмещаться в рамках одной личности.

Процесс проходил в соответствии с уже описанными правилами английского судопроизводства. В начале его после предъявления обвинений все подсудимые, как один, отказались признать себя виновными. По ходу

процесса свидетели обвинения и свидетели защиты высказывались попеременно. Все защитники имели возможность после допроса свидетеля обвинения задать ему вопросы. Но формальности формальностями, а обвинительный уклон на процессе, конечно, присутствовал.

Этот первый из серии гамбургских процессов по концлагерю Равенсбрюк остался в истории как один из наиболее суровых по отношению к фигурировавшим на нем подсудимым. Из 16 обвиняемых на этом процессе 11 были приговорены к смертной казни через повешение, а четверо – к длительным срокам лишения свободы. Один обвиняемый-мужчина умер в день объявления приговора от апоплексического удара, правда, неясно – до или после объявления ему смертного вердикта (см. прил. 3).

Что же касается женщин, то к повешению были приговорены пятеро из них: три бывшие надзирательницы концлагеря – Доротея Бинц, Грета Бёзель и Элизабет Маршалл, а также бывшие медсестры этого же лагеря – Кармен Мори и Вера Зальвекварт. При этом самой молодой из осужденных, Доротее Бинц, было 26, а самой старшей, Элизабет Маршалл, 60 (!) лет. Как видим, судьи на этом процессе были настроены очень жестко и решительно.

Приговор был объявлен 3 февраля, а казни начались только через три месяца – 2 мая (видимо, рассматривались апелляции осужденных). Но в конечном итоге помилованных не оказалось.

Почти все осужденные по этому процессу (8 человек, за исключением Веры Зальвекварт и одного мужчины), были повешены за два дня – 2 и 3 мая 1947 года. Подробности казней нам неизвестны. Мы знаем лишь, что первой из женщин на эшафот взойшла Доротея Бинц, самая младшая по возрасту, пытавшаяся накануне казни совершить самоубийство. За ней с небольшими промежутками последовали Элизабет Маршалл и Грета Бёзель. Осужденная вместе с ними Вера Зальвекварт совершенно напрасно пережила весь кошмар ожидания помилования: 26 июня того же года петля английского палача Альберта Пьерпойнта затянулась и на ее шее. Еще одна из приговоренных,

Кармен Мори, избежала казни, все-таки покончив с собой в тюремной камере. С нее мы и начнем.

Кармен Мори⁵

Об этой женщине стоит сказать хотя бы несколько слов (кстати, ей посвящена довольно обширная литература, в том числе биографические романы)⁶. Ее жизнь, как и всякая жизнь истинной авантюристки, вместила в себя столько событий, что их хватило бы на десяток других, «обычных», биографий.

Кармен Мори родилась 2 июля 1906 года в столице Швейцарии, Берне, в семье врача-протестанта. От природы ей достался сильный темперамент, с которым она не могла долго находиться в одном месте или заниматься спокойным видом деятельности. Как утверждают исследователи ее жизни, Мори до 1924 года жила в Швейцарии. Затем она увлекается путешествиями, постоянно переезжает из Великобритании в Швейцарию и обратно. В 1928 году она покидает Великобританию и объезжает всю Италию, Испанию и Францию. В конце того же года Мори уезжает на два года в Амстердам.

Не позднее 1930 года она снова появляется в Англии, откуда переезжает в конце года в Мюнхен, чтобы начать карьеру оперной певицы. Но из-за осложнений после операции по удалению миндалин она в 1932 году потеряла свой прекрасный вокальный голос. Тогда Мори начала изучать журналистику – в Мюнхене, а затем в Берлине. Между прочим, она посещала еще и лекции по истории искусств, литературе и философии – ее неутомная натура жаждала деятельности. По ее собственным словам, она свободно владела шестью европейскими языками.

Симпатизируя германским национал-социалистам, Кармен Мори после прихода их к власти становится (в 1934 году) агентом тайной полиции

⁵ Биография К.Мори излагается в основном по диссертационному исследованию: *Schäfer S.* Op. cit. S. 160–162.

⁶ См. например: *Abbati C.* Ich, Carmen Mory. Das Leben einer Berner Arzttochter und Gestapo-Agentin (1906–1947). Zürich, 1999; *Hartmann L.* Die Frau im Pelz. Leben und Tod der Carmen Mory. Frankfurt a. M., 2001.

(гестапо). К этому времени она уже вовсю занимается журналистикой: еще в 1932 году именно в этом качестве Мори отправилась на поиски материалов для своих текстов. Хотя некоторые исследователи склонны считать ее увлечение этим ремеслом не более чем «хвастовством и мошенничеством», но, тем не менее, нельзя отрицать, что она работала как свободная журналистка.

При этом Мори, судя по всему, была и двойным агентом спецслужб Германии и Франции. Выполняя задание своих немецких хозяев, она следила во Франции за немецкими эмигрантами. За шпионаж в пользу Германии она и была арестована в Париже 5 ноября 1938 года вместе со своими сообщниками Максом Броном и Германом Клошем. В частности, они пытались добыть информацию о линии Мажино. 30 апреля 1940 года французский суд приговорил ее к смерти: в Европе уже шла Вторая мировая война, а потому со шпионами не церемонились. Но 6 июня того же года президент Франции Альбер Лебрен своим указом помиловал ее. Днем позже она была освобождена. 24 июня, через два дня после капитуляции Франции, недалеко от города Тура Кармен Мори попадает в руки немцев, которые немедленно арестовывают ее по подозрению все в том же шпионаже, но уже в пользу Франции (их можно понять: уж больно подозрительным выглядело ее неожиданное освобождение после смертного приговора).

После пребывания во французских тюрьмах Шерш-Миди и Френ в августе 1940 года Мори отправляют в Берлин. Там после допросов в гестапо ее сначала отпускают на свободу (!), но затем снова арестовывают. Таким образом в феврале следующего, 1941-го, года Мори оказывается в женском концлагере Равенсбрюк. Здесь она пробыла до мая 1942 года, а затем перевозится для допросов в Берлин, откуда возвращается только в октябре 1943 года снова в Равенсбрюк. Ей удалось устроиться в одно из «привилегированных» мест – блок № 10, служивший и лазаретом, и местом умерщвления заключенных. Здесь она работала в качестве медсестры. Именно здесь Мори делала женщинам-заключенным (среди которых были и

умалишенные) впрыскивания отравляющих веществ и отказывала им в болеутоляющих медикаментах, что ей и было поставлено в вину на процессе.

В первые послевоенные месяцы по собственной инициативе и с помощью британцев Кармен Мори принимает активное участие в охоте на разбежавшийся персонал лагеря. Для этого она даже устраивается на работу в отряд английской контрразведки, дислоцирующийся под Гамбургом. Так, она представляет им подробные сведения о профессоре Карле Гебхардте и других врачах концлагеря. Но в ходе ее контактов с английскими спецслужбами вдруг выяснилось, что Мори собственноручно принимала участие в умерщвлении узников путем смертельных инъекций и была замечена в выборе жертв экзекуций. Таким образом, из свидетеля она превращается в одну из обвиняемых, 5 ноября (возможно – октября) 1945 года арестовывается, а затем и садится на скамью подсудимых.

Британская газета «Телеграф» сообщала о ее высказывании в ходе перекрестного допроса, в котором Мори с большой долей невозмутимости утверждала, что никогда не работала в блоке № 10, где происходило уничтожение заключенных: «Это неправда, что я была в блоке 10. Ведь если бы я отравила 300 заключенных у доктора Винкельманна, то не сидела бы здесь живой».

Правда, другие источники со ссылкой на материалы процесса сообщают, что Мори не оспаривала свою работу в блоке № 10, а только утверждала, что выполняла там лишь определенные виды деятельности. Так, она показала, что работала там начиная с января 1944 года рядовым работником и была назначена старшей по блоку доктором Трейте с 15 октября того же года. В этой должности она была до 1 января 1945 года. В ее власти находилось более тысячи женщин-узниц. Затем до 26 января 1945 года она лежала как больная в блоке № 11, а после этого была переведена в один из внешних лагерей Равенсбрюка – Бат. Потом в Равенсбрюк ее отзывали только на три дня, с 8 по 10 марта, для допроса у эсэсовского начальника Рамдорфа, по поручению которого она действовала

как лагерная шпионка. Мори далее показала, что доктор Трейте спас ей жизнь в лазарете.

Ее подруга, швейцарский врач-заключенная Энн Сперри, будучи допрошенной, показала, что Мори не могла делать никакие смертельные впрыскивания, так как «никакого яда в лагере никто никому не давал». Арестованная швейцарскими органами власти, врач Энн Сперри не могла прибыть на процесс лично, но ответила письменно на вопросы защитника уже 29 ноября 1946 года. В них Сперри утверждала, что транспорты уничтожения с 300 обреченных женщин прибыли в блок № 10 уже тогда, когда Мори не была старшей по блоку. В ее собственном судебном производстве Сперри сначала молчала, но, будучи уличенной в своих связях с Мори, изменила свои показания, чем отяготила участь Мори.

В приговоре как доказанный факт отмечалось, что Мори действовала в лагере еще и как шпионка, завербованная уголовным секретарем Рамдорфом.

На процессе Кармен Мори значительно выделялась среди других подсудимых своей интеллигентностью, владением несколькими языками, элегантностью образа «дамы в мехах». Ее колоритная внешность, эффектные выступления перед судом и громкая биография, мнение о ней как о новой Мата Хари привлекали к ней внимание наблюдателей на первом Гамбургском процессе по концлагерю Равенсбрюк. Мори описывалась журналистами как «необычайно светское явление с черными высокопричесанными волосами и положенным вокруг плеч мехом красной лисы».

Свидетельницы же обличали ее как «монстра» и «изверга рода человеческого», виновного в систематических избиениях и издевательствах над заключенными, в результате чего одна узница-полька погибла. По их словам, любимым развлечением Мори было обливать заключенных ледяной водой, приговаривая при этом: «Теперь вы будете у меня чистые».

Почти наверняка можно утверждать, что смертный приговор, вынесенный ей 3 февраля 1947 года, был для Кармен Мори громом среди

ясного неба. Конечно, она не в состоянии была представить себе, что ее, сорокалетнюю красивую и образованную женщину, могут вот так просто взять и повесить. 15 февраля ее адвокат направил ходатайство о помиловании, в котором утверждалось, что, согласно документам процесса, некоторые свидетели обвинения (прежде всего французенка Виолетта Лекок, лейтенант медицинской службы французской армии, доставленная Равенсбрюк в октябре 1943 года) называли Мори «бестией» и рассказывали суду о ее преступлениях. В то же время другие свидетельницы, например заключенная Лампрехт, были о ней другого мнения и упоминали о ее работе в лагере как о вполне ординарной. Конечно, как это обычно и делается в таких случаях, адвокат делал акцент на свидетельствах, сделанных в пользу Мори.

Действительно, Кармен Мори была противоречивой личностью, которая могла притягивать к себе людей и производить на них неизгладимое впечатление. Она была одной из немногих женщин в лагере, которые, например, могли добиваться от эсэсовцев улучшения условий для заключенных. Но как раз эти способности Мори делали подчиненных ей людей и ее сторонниками, и ее жертвами.

Свою лепту в это дело внесло и швейцарское правительство: оно, пытаясь спасти свою подданную, послало 21 февраля 1947 года ноту протеста британским властям. Но, несмотря даже на это, 31 марта ходатайство о помиловании было отклонено, а приговор утвержден. Это сводило шансы на жизнь для Кармен Мори к нулю.

Приговоренная к смерти, она, в отличие от другой осужденной медсестры, Веры Зальвекварт, не стала тратить время на уже бесполезную борьбу за жизнь, а просто ушла из нее. Произошло это в ночь на 9 апреля 1947 года в 2 часа 30 минут ночи: Кармен бритвенным лезвием перерезала себе сонную артерию и тихо скончалась от потери крови... Ее труп был передан 11 апреля немецкой полиции британскими органами власти для анонимного погребения.

А накануне самоубийства Кармен, 8 апреля, в 13 часов 35 минут, покончил с собой, отравившись невесть откуда взятым ядом, ее бывший лагерный начальник доктор Персиваль Трейте.

...Предельно авантюрный сюжет жизненного пути Кармен Мори привлекал к себе внимание западноевропейских историков и литераторов все прошедшие после Второй мировой войны десятилетия.

Вера Зальвекварт⁷

На этой трагической фигуре стоит остановиться особо, ибо речь пойдет о женщине, много натерпевшейся от нацистов, но, тем не менее, казненной за участие в их преступлениях. Она родилась 26 ноября 1919 года в местечке Клемуш-Вононч (территория нынешней Чехии) в семье чешки и судетского немца. В Лейпциге Зальвекварт получила квалификацию медицинской сестры, а затем год проучилась на медицинском факультете местного университета.

С начала Второй мировой войны жизнь Веры напоминает бешено вращающийся калейдоскоп. Все началось с того, что в мае 1941 года она была арестована за нарушение так называемых «Нюрнбергских законов», согласно которым немцам запрещалось сожительствовать с «расово неполноценными». Поэтому за связь со своим другом-евреем Вера попала в концлагерь Флоссенбург. Небезынтересный факт: ее друг был британским агентом, который привлек сожительницу к подпольной работе на английскую разведку и разыскивался гестапо. (Источники утверждают, что Вера пыталась через своего знакомого офицера вермахта достать ни много ни мало чертежи «оружия возмездия» – ракеты «Фау-2».)

Через 10 месяцев Зальвекварт освобождается из заключения, но тут же возобновляет свою опасную связь с тем же другом и снова попадает в поле зрения гестапо. Уже в мае 1942 года она снова арестовывается и по тому же

⁷ Биография В.Зальвекварт излагается в основном по следующим научным публикациям и диссертационным исследованиям: *Schäfer S.* Op. cit. S. 163–168; *Taake C.* Op. cit. S. 68–84.

обвинению осуждается на два года заключения. В апреле 1944 года она снова выходит на свободу, наконец-то обручается с любимым, и... все повторяется снова – в августе того же года Зальвекварт арестовывается в третий раз (теперь вместе со своим женихом и его сестрой), но уже по обвинению в шпионаже (впрочем, есть сведения, что в шпионаже гестапо заподозрило ее еще в 1941 году). Их судили в Дрездене. Жених Веры принял всю вину на себя и был приговорен к смертной казни.

После кратковременного заключения в концлагере Терезиенштадт и одной из берлинских тюрем она в декабре 1944 года попадает в концлагерь Равенсбрюк. Здесь Вера выполняет обязанности медсестры в лагерьном лазарете. При этом она входит в доверие к доктору Персивалю Трейте (он впоследствии был также приговорен к повешению). Этот врач спустя шесть недель карантина (примерно в середине января 1945 года) отправляет Зальвекварт в лагерь Уккермарк, где она и пребывала до конца войны.

После капитуляции Третьего рейха Вера Зальвекварт находилась некоторое время в американском лагере для интернированных. Затем, после освобождения, она обосновалась в городке Гофхейм округа Таунус. Там она работала руководителем отделения расово преследуемых по округу Таунус-на-Майне. Тем не менее это ее занятие очень быстро завершилось, так как Веру обвинили в сокрытии сведений о себе, чего она, по ее словам, не совершала. Зальвекварт была этапирована в Кельн, где и была арестована англичанами. Здесь она узнала, что уже длительное время значится в списках разыскиваемых британскими следственными органами. Ее сразу же поместили в известный лагерь для гражданских интернированных лиц в Падеборн-Штаумюле.

В результате всех этих событий Вера Зальвекварт стала фигуранткой первого Равенсбрюкского процесса. Причем она предстала перед судом не как эсэсовка, а как бывшая заключенная концлагеря Равенсбрюк, то есть упомянутая выше «функциональная заключенная». В печати, освещавшей процесс, о Зальвекварт были самые противоречивые сообщения. Так, газеты

писали, что она внушала страх другим заключенным, поскольку выдавала им таинственный белый порошок и делала смертельные впрыскивания больным. Кроме того, она якобы была замечена, когда выламывала золотые зубы у трупов. В то же время сообщалось, что она была осуждена 20 апреля 1945 года эсэсовским судом к смерти, так как включала живых женщин в списки мертвых и тем самым спасала им жизнь. Поэтому с 20 по 23 апреля 1945 года Зальвекварт якобы скрывалась в мужском отделении лагеря. Цену всем этим сообщениям и слухам и должен был определить суд.

В первый день процесса, 5 декабря 1946 года, обвинитель майор Стьюарт, касаясь роли Зальвекварт, сказал, что «сначала она была чем-то вроде старшей сестры в лазарете основного лагеря. Позже, когда “молодежный” лагерь Уккермарк начал функционировать, она стала главной медицинской сестрой среди заключенных в этом лагере смерти» (обвинение утверждало, что в Уккермарке находилась газовая камера, где уничтожались узники). Но настоящие неприятные для Зальвекварт события стали происходить 9 декабря, когда суд заслушал свидетельницу обвинения нидерландку Нелтье Эпкер. В ее показаниях речь шла преимущественно о гигиеническом состоянии Равенсбрюка и “молодежного” лагеря Уккермарк. Однако помимо этого Эпкер обвинила и Веру Зальвекварт. Последняя, по ее мнению, не предпринимала никаких усилий для облегчения положения больных (хотя она была единственной медицинской сестрой в лазарете). Наоборот, другие узницы говорили ей, Эпкер, что Зальвекварт давала пациентам порошок или делала впрыскивание, «чтобы содействовать переходу их в лучший мир». Это уже было очень серьезное обвинение. Но и показания Эпкер, как выяснилось далее в ходе процесса, были еще только прелюдией.

Во вторник, 18 декабря, заслушивалась одна из основных свидетельниц обвинения против Веры Зальвекварт – бывшая заключенная Ирен Оттелард. Она идентифицировала обвиняемую номер 10 как медицинскую сестру лазарета в лагере Уккермарк. В перекрестном допросе,

проводимом майором Стьюартом, Оттелард заявила, что Зальвекварт несет персональную ответственность за лагерь, так как единственный компетентный эсэсовец-мужчина, Йозеф Келер, присутствовал от случая к случаю. Оттелард почти не видела этого врача в лазарете. В то же время она наблюдала, как Зальвекварт дала больной госпоже Инъектионен, подруге Оттелард, «белый порошок». Затем Оттелард видела, как ее подруга умерла. Зальвекварт же говорила больным узникам, что дает им порошок для поднятия сил. Если больные отказывались принимать порошок, то она делала им впрыскивание. Ирен Оттелард, по ее словам, наблюдала, как женщины, которые получали порошок или впрыскивание, «погружались в глубокий сон». Уже в течение следующего дня у всех них остановилось дыхание, то есть они умерли. Зальвекварт обращала на них внимание уже после того, как они переставали подавать признаки жизни. По показаниям Оттелард, Зальвекварт совсем не удивлялась тому, что ее пациентки умирали. Сама Оттелард наблюдала этот процесс неоднократно.

После допроса майора Стьюарта и допроса адвоката обвиняемых свидетельница Оттелард была подвергнута адвокатом Зальвекварт Мартином перекрестному допросу. В ходе его Мартину удалось доказать, что лазарет был обогрет и что помещение его, благодаря усилиям Зальвекварт, в противоположность другим блокам в лагере, имело освещение. Кроме того, отдельные пациентки получали одежду. Оттелард вспоминала о том, что Зальвекварт выходила со слабыми пациентками из лазарета в теплые дни. Несколько раз она же распределяла добавочный паек хлеба и горячий чай среди пациенток. В лазарете также имелись теплая вода в мойке. В воскресенье, после того как получали весь хлебный паек, который распределяла Зальвекварт (опять же по заявлению той же Оттелард), ни одна из пациенток не страдала от голода. Также пациентки лазарета во время работы Зальвекварт не вызывались на переключки.

Оттелард, отвечая на вопрос Мартина о том, не должна ли она согласиться с тем, что Зальвекварт, судя по ее поведению, спасла многим

заклоченным жизнь, ответила: «Я должна сказать, что поведение Веры Зальвекварт было очень противоречиво. Действительно, она спасла жизнь нескольким женщинам, однако верно и то, что она убивала всех нас». После этих слов Ирен Оттелард покинула место свидетельских показаний.

Другие свидетели, которые были заслушаны судом, не высказывали обвинений в адрес Зальвекварт, которая наблюдала процесс с каменным выражением лица. Один из наблюдателей процесса отмечал в своем отчете: «Почти ежедневно свидетельницы обвинения чередуются, и ежечасно возникают, несмотря на высокое самообладание этих женщин, все новые сцены ужасов из времени страданий узников. Обвиняемые же сидят в большинстве случаев абсолютно непричастно или с преисполненными презрения жестами на скамье подсудимых. На их лицах отражаются ненависть и примитивность, высокомерие или парализующий страх. Они стали невосприимчивыми для добра и зла».

На процессе были оглашены равносильные присяге заявления Зальвекварт, которые она сделала еще до начала процесса во время следствия и которые были использованы против нее во время ее перекрестного допроса. Однако в этих заявлениях она меньше всего обрисовывала собственные действия, а больше говорила о действиях мужчин и женщин-эсэсовок из ее окружения в концлагере. По ее словам, лазарет в молодежном лагере Уккермарк работал до середины января 1945 года, и она провела там всего лишь одну неделю. В течение этих 8 дней ею якобы распределялись больным только болеутоляющие средства. Согласно ее показаниям, никакой яд не выдавался пациенткам ни ею, ни врачами. Если пациентки вскоре после приема медикамента и умирали, то это происходило от плохого общего самочувствия больных, а не от выданных медикаментов.

После роспуска лазарета Зальвекварт, по ее утверждению, выполняла приказы руководства лагеря в составе особой команды по уничтожению узниц. Эта команда участвовала в убийстве женщин в газовых камерах лагеря. При этом Зальвекварт обязали хранить строжайшую тайну обо всем,

что ей приходилось делать: «Если бы я нарушила свое молчание, то непременно получила бы пулю в затылок... Мое задание состояло в том, чтобы заполнять карты убитых женщин и удалять у них следующим утром золотые зубы». В течение этого времени ей строго были запрещены любые контакты с другими заключенными. При ней якобы неотлучно находился эсэсовец Рапп.

В конце марта 1945 года, после посещения комиссией Шведского Красного Креста концлагеря Равенсбрюк, лазарет возобновил свою работу. Зальвекварт же в это время находилась в качестве санитарки в молодежном лагере Уккермарк. То, что многие узники считали, что она – врач, Зальвекварт объясняла тем, что принесла с собой в Уккермарк белый халат и была единственной, кто в нем ходил. Однако она сама никогда не работала в лагере в качестве врача.

Она сообщила также, что в лагере людей убивали в том числе и ядами, но себя виновной в этом не признала: «Ни один заключенный не может утверждать, что он видел сам или слышал от очевидца, что я жестоко обращалась с людьми или убивала их». Более того – по словам Зальвекварт выходило, что ей обязаны жизнью многие узницы лагеря. Так, по ее словам, она спасла жизнь «примерно 1000–1200 женщинам», подложно включив их в списки умерших. Кроме того, она якобы спрятала нескольких детей, а также взяла новорожденное дитя с помощью двух надзирательниц под свой присмотр. Этот ребенок был найден старшей надзирательницей лагеря Нойдек и убит ею. После этого Зальвекварт дала Нойдек вместо средства от головной боли яд, но Нойдек выжила.

Однако все эти свои заявления подсудимая не смогла подтвердить ни фактами, ни свидетельскими показаниями. Это были только слова, которые не убеждали суд.

В пятницу, 10 января 1947 года, Вера Зальвекварт сама должна была подойти к месту свидетелей при даче показаний. Ее подвергли перекрестному допросу, который начал ее защитник, а продолжил

обвинитель. Адвокат Мартин позволил Зальбекварт говорить долго и почти не прерывал ее, то есть превратил свою часть допроса в монолог обвиняемой. При этом Зальбекварт подробно описала ситуацию в молодежном лагере Уккермарк. Тем не менее о своей роли в лазарете и по существу обвинений, которые выдвинула против нее свидетельница Оттелард, она почти ничего не сказала.

На следующий день допрос продолжился. На обвинение в раздаче ядовитого порошка Зальбекварт возражала, что она распределяла каждый день порошки, таблетки и другие медикаменты от 30 до 40 пациенткам, что входило в ее функции как санитарки. Она получала эти медикаменты от чешского врача-заключенного. Если каждый день от 3 до 5 пациенток умирали, то дело в «нормальной смертности», а не в ядовитом порошке. По словам Зальбекварт, Оттелард лежала в большом помещении лазарета и имела «очень плохое зрение» Только таким образом, как заявила обвиняемая, и можно объяснить то, что свидетельница связала распределение медикаментов и смерть пациенток. Одно никак не связано с другим. Наконец, сама свидетельница подтвердила, что примерно 180 пациенток лазарета не были убиты в газовой камере.

Таким образом, Зальбекварт отмела все обвинения против нее, выдвинутые свидетельницей Оттелард.

В понедельник, 13 января 1947 года, обвинитель майор Стьюарт продолжил допрос. Он спросил подсудимую, какую выгоду она получала от того, что обеспечивала пациенток скатертями, бельем и едой в большем, чем это полагалось, количествах. Зальбекварт ответила ему, что она рисковала, не рассчитывая на вознаграждение от своих пациенток. Они и не имели ничего, чем можно было бы «оплатить» ее услуги. На это Стьюарт с сарказмом возразил ей, что лазарет в лагере Уккермарк, если верить словам Зальбекварт, представлял собой скорее санаторий, чем приемный пункт лагеря смерти: никаких перекличек, никаких отборов, особые нормы пищи и одежды. Тогда непонятно, как согласуются с этим многочисленные высказывания

свидетелей об убийствах в данном лазарете. Подсудимая отвечала, что многие узники наблюдали, как заключенные шли в течение дня в лазарет, а затем ночью грузовики увозили каких-то заключенных за пределы лагеря.

В этом многим виделась определенная связь. Именно поэтому многие и считали, что убивают пациентов лазарета, в то время как в газовые камеры отправлялись другие заключенные лагеря.

Зальвекварт обвинила мужчин-эсэсовцев Раппа и Келера в том, что в граничащем с лазаретом помещении проводились эксперименты на заключенных с использованием ядов, но сама она, якобы, никогда не присутствовала при этом и не могла даже войти в это помещение. Только однажды она вошла туда в сопровождении надзирательницы и врача-заключенного. Там находились женщины, которые были одеты в одни ночные рубашки. Несколько позже всех их Рапп и Келер отправили в газовую камеру.

Затем почему-то, вне всякой логики, подсудимая признала обвинение свидетельницы Оттелард в том, что она, Зальвекварт, угрожала пациентке отравить ее, если она еще раз испачкает постельное белье. В то же время Зальвекварт заявила, что никогда бы не убила ни пациенток, ни тех, кому угрожала. Подтверждая это заявление, Зальвекварт рассказала суду, что однажды в лазарете находились 76 женщин, которые прибыли после налета на Равенсбрюк авиации союзников. Многие из них были ранены, а поэтому она выдала им веронал для облегчения их страданий. Этим она хотела всего лишь облегчить их боли. Ни одна из женщин при этом не умерла от этого лекарства. Некоторые из женщин, правда, умерли в результате полученных ранений, но ни одна не была убита ею⁸.

Подсудимая по-прежнему активно отрицала каждое обвинение в убийствах ядом в форме порошка или впрыскиваний, а поэтому майор Стьюарт пытался доказать ее неискренность, постоянно ловя ее на

⁸ Веронал принадлежит к группе так называемых барбитуратов, оказывающих снотворное действие на организм. При отравлении ими наступает остановка дыхания и сердца. Конечно, Зальвекварт не могла не знать об этом. В настоящее время веронал не используется. – В.М.

противоречиях в собственных высказываниях. И надо сказать, что в какой-то мере ему это удалось.

Так, Зальвекварт вынуждена была признаться в том, что при своем аресте в 1946 году жила под девичьей фамилией ее матери – Маркова – и под другим именем – Анна. Стьюарт обвинил ее, кроме того, в том, что мнимое письмо Гамбургского комитета заключенных, которое якобы объявляло все обвинения против Зальвекварт ложными, является плодом ее же собственной фантазии. Действительно, следов такого письма, будто бы полученного подсудимой еще до ареста, нигде не обнаружилось, в том числе и в самом Гамбургском комитете. (Зальвекварт утверждала на процессе, что не знала об объявленном на нее розыске за деятельность в Равенсбрюке: она-де получила письменное заявление от упомянутого комитета о том, что слухи, которые распространялись о ней, ошибочны. А скрывалась она, якобы, только потому, что хотела оставить в тайне причину своего заключения в лагерь.)

Майор Стьюарт обратил внимание суда и на такой нюанс: при аресте Зальвекварт имела при себе штемпель, который свидетельствовал о том, что она – «врач». А ведь образование медицинской сестры и всего лишь двухсеместровое изучение медицины ни в коем случае не давали подсудимой повода для изготовления такого штемпеля. Это был еще один аргумент в пользу того, что Вера Зальвекварт была неискренней перед судом.

После того как Стьюарт закончил свой перекрестный допрос Веры Зальвекварт, адвокат Мартин задал ей еще несколько вопросов в отношении ее образования как медицинской сестры. Целью этих вопросов было хоть как-то сгладить впечатление неискренности от ответов подсудимой.

Но еще более серьезная неприятность ожидала Зальвекварт и ее адвоката при допросе Маргарет Рабе, бывшей надзирательницы СС, как свидетельницы защиты. По замыслу Мартина, Рабе должна была подтвердить суду, что Зальвекварт находилась под постоянным наблюдением эсэсовцев Раппа и Келера и что отношение его доверительницы к обоим своим надзирателям было исключительно плохим. И тут произошло

совершенно неожиданное: на вопрос адвоката Рабе вдруг ответила, что ей трудно охарактеризовать отношения этих трех людей. Она якобы никогда и не утверждала, что они были плохими. Даже наоборот, такое утверждение не соответствовало бы истине.

Далее Рабе заявила, что Зальвекварт прислала ей письмо, в котором просила ее, чтобы она сделала выгодные ей, Зальвекварт, заявления. (Можно себе представить, как выслушал это все Рудольф Мартин – ведь Зальвекварт не поставила его в известность об этом своем письме.) Сначала согласившись было на эту сделку, она, Маргарет Рабе, теперь уже стоя перед судом, говорит только правду: ей ничего не известно о разногласиях между Зальвекварт, с одной стороны, и упомянутыми двумя эсэсовцами и старшей надзирательницей лагеря Нойдек – с другой.

Для защиты Зальвекварт слова Рабе были нокаутирующим ударом. Репортер «Шпигеля» наблюдал эту сцену, когда адвокат Мартин поспешно сворачивал так неудачно затеянный им допрос: «Зальвекварт потерпела неудачу, так как выбранные ею свидетели защиты неожиданно косвенно обвинили ее саму. Одному из них она сама писала письмо, о существовании которого ее адвокат ничего не знал... Это никогда не производит хорошее впечатление, и суд может решить, что подсудимая пробует себя в оказании давления на свидетелей, что очевидно здесь и происходит».

Есть сведения, что аналогичное фиаско потерпел Мартин при допросе еще одной свидетельницы – австрийки Лотты Зоннтаг (ее вызов на процесс также был для него неожиданным). Эта свидетельница со всей определенностью внезапно заявила, что Зальвекварт, несомненно, отравляла заключенных, цинично используя при этом их доверие к себе⁹.

На этом перекрестные допросы с участием Веры Зальвекварт были закончены. Тем не менее 27 января 1947 года она еще раз вышла на место дачи свидетельских показаний. Дело в том, что она (опять без ведома своего адвоката) направила письмо адвокату Стирлингу, в котором она обвиняла

⁹ Рассел Э. Проклятие свастики. М., 1954. С. 234–235.

подсудимых Трейте, Шварцхубера и Винкельманна в том, что они письменно склоняли ее к тому, чтобы она не обвиняла их при проведении перекрестного допроса. Так, Трейте будто бы просил ее в письме (которое тайно передал ей в зале судебного заседания), чтобы она ни в коем случае не заявила, что именно он направлял людей в молодежный лагерь Уккермарк, где их отравляли газом. А Винкельманн будто бы писал ей, что он никогда не предпринимал отборы для газовых камер. Обе эти записки Зальвекварт, по ее словам, показала подсудимой Кармен Мори, а затем уничтожила их на обратном пути из суда в тюрьму.

Адвокат Винкельманна при этом попытался вмешаться и даже предъявил Зальвекварт исписанный листок, спросив ее, не та ли это самая записка (на что Зальвекварт ответила отрицательно), но Стирлинг прервал их переговоры. Так как сама же подсудимая заявила, что она уничтожила мнимые послания, Стирлинг объявил все происходящее «бесполезной тратой времени».

К этому времени процесс уже подходил к своему завершению, и адвокатам пора было произносить свои заключительные защитительные речи. Сохранившиеся протоколы процесса подтверждают удивительную вещь: только четверо из защитников воспользовались этим правом. Поэтому надо отдать должное адвокату Веры Зальвекварт, который это право использовал.

В своей заключительной речи Рудольф Мартин пытался убедить суд в том, что его подзащитная делала только все наилучшее для своих пациенток и никогда и никого из них не убивала никакими ядами. Кроме того, Зальвекварт, по его утверждению, всегда находилась под контролем эсэсовцев Раппа и Келера. Свидетельница же Оттелард, по мнению Мартина, не могла наблюдать, как Зальвекварт выдавала ядовитые порошки, а домыслила это из того факта, что многие пациентки умерли в лазарете.

Многочисленные летальные исходы в лазарете стали возможными, по его мнению, не в связи с выданными медикаментами, а представляли собой «нормальную смертность» в условиях концентрационного лагеря. Если

пациенты вскоре после выдачи медикаментов и умирали, то это происходило только от плохого общего состояния этих людей. Зальвекварт же, которая должна была считаться с возможностью расправы со стороны СС, только улучшала своими «рискованными действиями» состояние лазарета в лагере Уккермарк, и даже значительно. На этом Рудольф Мартин закончил свою речь, сделав все от него зависящее для спасения жизни своей подзащитной.

После речей адвокатов с заключительной речью выступил обвинитель майор Стьюарт. В этой своей речи он еще раз провел полный обзор состояния концлагеря Равенсбрюк и еще раз подчеркнул, что именно благодаря действиям надзирателей «обычный концентрационный лагерь» превратился в гигантскую машину уничтожения и в самую большую женскую тюрьму в истории. По его мнению, подсудимые делали все, чтобы устроить в нем «правление страха». В ответ на аргументы защиты Стьюарт привел высказывания самих подсудимых. Так, подсудимый Шварцхубер сам рассказал, как в лагере производились казни. Помимо этого, имелись «многочисленные свидетельские показания» о применении газовой камеры.

По мнению Стьюарта, обвиняемые должны были признать свою вину. Оправдания же типа «мы выполняли приказы вышестоящего командования» не могли ни в коем случае приниматься судом.

Уже через 2 дня после окончания допросов, в понедельник, 3 февраля 1947 года, во второй половине дня был объявлен приговор. Согласно ему одиннадцать обвиняемых, и среди них Вера Зальвекварт, приговаривались военным трибуналом к смертной казни через повешение.

По свидетельству очевидцев, при объявлении приговора Зальвекварт встала как можно дальше от обвиняемых-эсэсовцев. Один из журналистов так писал об этом: «В полной тишине, которая тягостно заполняла переполненный зал судебного заседания, приговор объявлялся каждому отдельному подсудимому... Чешка Вера Зальвекварт смотрела неподвижным лицом на судей и, услышав свой смертный приговор, на секунду покачнулась.

Но она быстро взяла себя в руки и покинула зал без посторонней помощи». (Видимо, не все осужденные смогли это сделать.)

Защитники обвиняемых после объявления приговоров еще раз имели возможность обратиться к суду с просьбами о смягчении приговоров для своих клиентов. Это сделал и адвокат Рудольф Мартин, до конца защищавший Веру Зальвекварт. Он просил суд, чтобы тот учел, что его подзащитная должна была жить якобы в таких же плохих условиях в концентрационном лагере, как все другие заключенные. При этом, говорил он, Зальвекварт в течение всех этих спорных девяти недель в лагере Уккермарк, как и ее пациентки, была абсолютно беззащитна перед СС. Она не имела никакого выбора и должна была договариваться с убийцами, чтобы спасти свою жизнь. У нее не было никакого мотива, утверждал Мартин, для того, чтобы убивать зависимых от нее людей. Когда же молодежный лагерь был упразднен, она вернула 180 своих пациентов в основной лагерь.

В заключение адвокат просил суд учесть тот немаловажный факт, что его доверительница находится под арестом уже пять лет. Завершил же Мартин свою апелляцию с просьбой о помиловании следующими высокими словами: «Я прошу суд, чтобы он дал ей эту возможность, чтобы она смогла доказать всей ее будущей жизнью, что она может быть достойной уважения честной женщиной своего поколения».

Сами обвиняемые тоже подавали прошения о помиловании. Сделала это и Зальвекварт 7 февраля 1947 года. В своем прошении (как впоследствии и в письме от 9 марта того же года), осужденная сделала следующее новое заявление.

Она якобы была доставлена в лагерь уже будучи беременной, а отцом ребенка был ее жених, итальянско-еврейский офицер (он был убит в начале декабря 1944 года в Дрездене, как ей было сообщено в письме в Равенсбрюк). Ее ребенок, мальчик, родился 22 февраля 1945 года и был убит старшей надзирательницей Нойдек в конце февраля или начале марта. Поэтому она попыталась отравить Нойдек белым порошком. Как она узнала позже, у

Нойдек были симптомы паралича, но она выжила. Зальвекварт же после этого была стерилизована 4 марта 1945 года доктором Гебхардтом (правда, в письме Зальвекварт приписывает это уже доктору Трейте, что тоже вызывает недоумение).

Была ли она действительно стерилизована, должно было выяснить медицинское обследование, проведенное 15 февраля 1947 года в тюрьме. В акте обследования отмечалось, что «уверенные признаки того, что Вера Зальвекварт была стерилизована, отсутствуют. Утверждение Зальвекварт о том, что эта стерилизация была предпринята инъекцией вытравливающей жидкости в матку, может соответствовать действительности, но это можно установить, однако, только посредством специального исследования, которое может быть проведено в гинекологической клинике».

Такое исследование в гинекологической клинике, кажется, так и не состоялось, во всяком случае, следов его в документах процесса нет. Далее Зальвекварт в своем прошении писала, что она стыдилась высказывать все это публике, так как «...я до сегодняшнего дня имела внутреннее чувство стыда как женщина, и оно удерживало меня от того, чтобы поведать о своей ужасной участи перед судом, радио, прессой и публикой». Но, думается, истинной причиной тому (если все написанное Зальвекварт и было правдой) являлась договоренность между адвокатами и осужденными о том, что «функциональные заключенные» не будут обвинять эсэсовцев. Достоверно известно, что такая договоренность существовала. А значит, Зальвекварт слишком поздно поняла свою ошибку. Собственно, это и признала сама осужденная в упомянутом письме, когда написала следующие строки: «Я с самого начала столкнулась с заговором молчания относительно своего обследования и в соответствии с “джентльменским” соглашением с адвокатами эсэсовцев не стала настаивать на этом обследовании».

Объяснить это можно только тем, что она никак не ожидала, что этот процесс будет направлен, в том числе, и против бывших заключенных концлагеря, каковой она являлась.

Надо отдать должное Вере Зальвекварт: она до конца боролась за свою жизнь. Получив отказ в помиловании, она сделала еще одну отчаянную попытку спастись от виселицы: обратилась с просьбой о помиловании к самому королю Великобритании – Георгу VI. Она утверждала, что была в свое время обвинена немецкими властями в шпионаже в пользу Великобритании за передачу британскому разведчику сведений об «оружии возмездия» – ракетах «Фау-2».

Но и английский монарх, и вышестоящие инстанции не прониклись жалостью к бывшей заключенной. Лорд Рассел из Ливерпуля¹⁰, который рассматривал ее просьбу о помиловании в марте 1947 года, с вниманием изучил все драматические события жизни Веры Зальвекварт. Но, тем не менее, он отклонил ее ходатайство, объяснив свое решение следующим образом: «Во втором прошении она обвиняла своего адвоката, что он имел отношения с другим немецким адвокатом, вследствие чего ее показания трактовались в пользу обвиняемого Трейте. Я провел подробное изучение и, кажется, не обнаружил никакой причины верить ее высказываниям. Вера Зальвекварт сделала до сих пор семь несогласованных и непоследовательных заявлений: три при слушании дела, одно во время ее заслушивания при защите и два в прошениях, и, кажется, совершенно ясно, что нельзя верить ни написанному, ни устно произнесенному ею слову. Во всяком случае, ни одно из ее прошений, по моему представлению, не дает основания для изменения приговора, который вынесен на основании убедительных доказательств. Несмотря на свои заверения, Зальвекварт убила многих людей в концлагере Равенсбрюк, и поэтому я предлагаю привести в исполнение смертный приговор».

26 июня 1947 года Вера Зальвекварт все-таки взойшла на эшафот гамельнской тюрьмы и, в соответствии с приговором, была повешена. Вместе с ней в этот день были казнены еще 12 эсэсовцев-мужчин, осужденных на других процессах. Сделано это было несмотря на то, что в своем последнем

¹⁰ Автор книги «Проклятие свастики». – В.М.

письме Зальвекварт написала: «Могу я попросить, чтобы я умерла отдельно от эсэсовцев?» Ей не дали и этой возможности... Тело Веры Зальвекварт, как и тела многих других казненных по приговорам Гамбургских процессов, было погребено на кладбище Вель в Гамельне.

Завершая разговор об остросюжетных, авантюрных биографиях К.Мори и В.Зальвекварт, нельзя не отметить, что в их трагических судьбах немалую роль сыграли тяжелые неблагоприятные обстоятельства, в которых наши героини вели себя не всегда безупречно (и это еще мягко сказано). Но люди не ангелы, а наша повседневная жизнь – не всегда заоблачный рай... В этой связи очень уместно привести размышления известного российского радиожурналиста В.Дымарского, которые он высказал в одной из передач цикла «Цена Победы»: «Совершенно неожиданно мне рассказали жители Берлина о больнице, которая просуществовала весь период нацизма, что удивительно. ...Но главное, что там был некий главный врач, который был и героем, и подлецом одновременно. Он вынужденно сотрудничал с нацистскими властями, и ему приходилось уничтожать каких-то людей, евреев, попавших в этот госпиталь, для того чтобы спасти других, для того чтобы оставаться на месте и иметь возможность кого-то спрятать, кого-то увезти... И для родственников тех, кто погиб, он, безусловно, подлец, сволочь... Я не знаю, как его можно назвать. Коллаборационист, если уж дипломатическими терминами. А для тех, кого он спас, он герой»¹¹.

Нам представляется, что Кармен Мори и Вера Зальвекварт оказались в очень похожей ситуации, из которой абсолютно достойным выходом был только один – смерть. Но лучший ли это был выход – вот в чем вопрос? Все же остальные выходы упираются в вечную этическую проблему – до какого предела можно сотрудничать с врагом? Нельзя также не считаться и с тем, что положение К.Мори и В.Зальвекварт было просто трагическим – ведь они и сами были узниками нацистской системы, лишенными элементарных прав.

¹¹ Цена Победы. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/927559-echo/#element-text> (дата обращения: 15.07.2013).

В общем, мы видим клубок тяжких проблем, с которыми сталкивается всякий коллаборационист, особенно если он выбирает этот путь в качестве маскировки своей патриотической или гуманистической деятельности. Как тут не вспомнить Оскара Шиндлера, спасшего от гибели тысячи евреев, но, в то же время, фактически активно работавшего на укрепление военной мощи Третьего рейха. Именно ради спасения **одних** людей он создавал боеприпасы, где-то убивавшие **других**...

Мы не знаем, предавался ли подобным рассуждениям лорд Э.Рассел, хладнокровно отправивший В.Зальвекварт на виселицу. В рафинированной обстановке английского поместья, за широким дубовым столом, в объемном зале с историческими картинами и портретами предков с видом на зеленую лужайку такие проблемы решаются, видимо, просто и однозначно.

Чего не скажешь о реальной человеческой жизни...

Доротея (Теодора) Бинц

Родилась 16 марта 1920 года в Дустерлаке (округ Теплиц, Германия). Училась в частной гимназии и лицее, затем работала посудомойкой. Замуж так и не вышла. 26 августа 1939 года Бинц заявляет о своем добровольном желании поступить на службу в СС и уже 1 сентября начинает деятельность в качестве кухонной работницы, а затем надзирательницы в женском концентрационном лагере Равенсбрюк. Ее «наставниками» с 1939-го по 1943 год были Эмма Циммер, Мария Мандель и другие эсэсовки, также осужденные после войны за преступления против человечности.

Самый длительный период деятельности Теодоры Бинц связан со штрафным блоком Равенсбрюка, который она возглавляла с сентября 1940-го до августа 1943 года, когда была произведена в старшие надзиратели. Штрафблок представлял собой бункер, состоящий из 78 ячеек размером 2 на 2,5 метра. Здесь заключенные женщины подвергались избиениям кнутом и лишению пищи. Попасть в этот блок можно было за самый незначительный проступок. Так, гражданка СССР Зоя Кудрявцева попала туда за то, что

имела при себе листок бумаги со стихотворением. Наказание, назначенное ей – трое суток без пищи, – отнюдь не было еще самым жестоким. Гораздо страшнее было получить, например, 25 ударов по оголенному телу. Это зачастую означало смерть, так как больше 20 ударов выносила далеко не каждая женщина-заключенная.

По воспоминаниям бывших заключенных концлагеря Равенсбрюк, Доротея Бинц была одной из самых жестоких надзирательниц (в литературе, посвященной концлагерям, она считается таковой среди всех надзирательниц Германии). Особенно это проявлялось по отношению к заключенным, пойманным после совершения ими побега. Таких она безжалостно избивала кнутом, который, как известно, был любимым орудием эсэсовских надсмотрщиц. Как и другие ее подружки-эсэсовки, Бинц любила прогуливаться по лагерю с плеткой в сопровождении сторожевой овчарки и натравливать ее на заключенных. Авторы некоторых работ сравнивают ее с Ирмой Грезе: ей будто бы также доставляли физиологическое наслаждение пытки заключенных женщин. По мнению Э.Рассела, Доротея Бинц заслужила «более ужасную смерть, чем смерть на виселице»¹². Пять долгих лет эта молодая женщина держала в страхе узниц Равенсбрюка.

В должности старшей надзирательницы Бинц прослужила до 20 января 1945 года, когда ушла в отпуск (известная немецкая педантичность: война войной, а отпуск – это святое). Но, как сама Доротея заявила на процессе, и во время отпуска она нередко появлялась в лагере.

Д.Бинц была арестована 23 мая 1945 года. Потом были суд и смертный приговор.

Ее адвокат в ходатайстве о помиловании написал следующее: «Так как осужденная приняла участие только в истязаниях, от которых, однако, никто не погиб, вынесенный ей смертный приговор представляется слишком жестоким. Подсудимая единственная из всех обвиняемых признала свою вину. Я прошу учесть также ее открытое, честное поведение на процессе и

¹² Рассел Э. Указ. соч. С. 229.

хорошее впечатление, произведенное ею на свидетелей. Осужденная стала надзирательницей в несовершеннолетнем возрасте 19 лет и, как это подтвердили несколько свидетелей, была тогда совсем другой, чем когда стала старшей надзирательницей... Пусть эта девушка и заслужила тяжелое наказание, но не смертную казнь».

Однако суд не внял этой просьбе. Несмотря на молодость осужденной, приговор был утвержден и приведен в исполнение. Накануне повешения Бинц в отчаянии попыталась сама покончить с собой, но из этой попытки ничего не вышло... Возможно, поэтому ей была предоставлена «привилегия»: утром 2 мая 1947 года она была повешена первой. Произошло это в 9 часов 01 минуту утра в гамельнской тюрьме. Следом за ней смерть приняли Элизабет Маршалл и Грета Бёзель, а затем еще пятеро мужчин, осужденных на других процессах.

Элизабет Маршалл

Родилась 27 мая 1886 года в Мейнигене. С 1910 года работала медсестрой в Германии и Швейцарии. Самая пожилая из осужденных к смерти женщин-служащих СС. Член НСДАП с 1 января 1931 года.

Подробности ее биографии нам неизвестны. На процессе Маршалл так пыталась оправдать свое присутствие в Равенсбрюке: «Я была старшей медсестрой в лазарете завода «Герман Герингсверке» около Брауншвейга и там познакомилась с одной интернированной французской парой – мужем и женой. Из жалости я давала им по утрам хлеб и кофе, которые утаивала от других медсестер. Так как я разговаривала с ними по-французски, то это вызывало подозрение у окружающих. Однажды меня вызвали в гестапо и обвинили в том, что я утаиваю продовольствие от немцев. Мое дело рассматривалось в суде в ноябре 1942 года, но затем слушание было приостановлено, а меня в наказание направили в Равенсбрюк. Я отказывалась, но была вынуждена подчиниться».

Элизабет Маршалл прибыла в Равенсбрюк 13 апреля 1943 года на должность старшей медсестры. Здесь она получила известность, прежде всего, как вымогательница и воровка, не брезгующая наживаться на несчастьях заключенных женщин. В этой связи главный обвинитель сказал Элизабет Маршалл следующие слова: «Вы приложили руку к каждому грязному делу в лагере». Но, помимо этого, Маршалл принимала активное участие в «селекциях» и отличалась невероятной жестокостью к своим подопечным – больным узникам. В связи с этим норвежка Сальвесен заявила на суде: «Маршалл была квалифицированная медицинская сестра, и я боюсь, что мы слишком ее идеализировали, представляя чем-то вроде Флоренс Найтингейл; мы полагали, что медицинская сестра, давшая присягу, призвана в любое время помогать людям, независимо от их национальной принадлежности. Мне кажется, что мне и моим друзьям-заключенным было особенно тяжело видеть, как низко пали врачи, медицинские сестры и сиделки, забыв свой долг»¹³.

На предварительном следствии и в начале процесса Маршалл отказывалась давать показания. Затем она изменила свою позицию и стала более откровенной, но это ее уже не спасло.

Смертный приговор Элизабет Маршалл был утвержден 31 марта 1947 года, а 2 мая она второй из восьми казнимых была повешена в гамельнской тюрьме. Это произошло, согласно протоколу казни, в 9 часов 31 минуту утра.

Грета Бёзель

Точной транскрипция ее фамилии нет – кроме основного есть варианты Бёзе, Бёзельн и Бёзен. Родилась 9 мая 1908 года. Работала медицинской сестрой, с 1940 года – в городе Ганновере, в одной из фирм, использующих труд «восточных рабочих». В августе 1944 года ее работодатель направил Грету в Равенсбрюк для получения «профессии»

¹³ *Рассел Э.* Указ. соч. С. 238–239.

надзирательницы. Поэтому уже с сентября месяца того же года и до декабря 1944 – января 1945-го Бёзель служит в Равенсбрюке надзирательницей. Затем она заболела тифом и до середины марта находилась в госпитале. После выздоровления ей поручают составление так называемых «рабочих команд». Фактически это означало, что от нее теперь зависели жизни заключенных, так как она должна была отбирать молодых здоровых людей, годных для работы. Не отрицая самого факта участия в подобных «селекциях», Грета Бёзель на суде утверждала, однако, что не знала о том, какая участь ждет «забракованных» ею узников. Кроме того, она старалась всячески занизить их количество.

Суд же счел ее заверения неубедительными. Кроме того, на суде свидетели обвинения заявили, что Бёзель избивала заключенных-женщин и при этом требовала от других надзирательниц жестокого обращения с больными и престарелыми («Оставляйте их подыхать, если они не могут работать» – именно эти слова, согласно показаниям свидетелей, произносила Бёзель).

Защитник, представлявший интересы Греты Бёзель и Доротеи Бинц, пытался доказать суду, что его подзащитная стала надзирательницей помимо своей воли, что она просто жертва обстоятельств, которая в силу неопытности и привычке к дисциплине исполняла приказы начальства. Наконец, он обращал внимание суда на то, что Бёзель выполняла свои обязанности в течение всего лишь немногим более трех месяцев. «Она была всего лишь незначительной надзирательницей с очень ограниченным кругом обязанностей. Поэтому я прошу заменить ей наказание смертью наказанием свободой», – заявил он в своем последнем выступлении.

Но суд не прислушался к просьбе адвоката, и 2 мая 1947 года в 9 часов 55 минут утра Грета Бёзель последней из трех казнимых женщин взойшла на эшафот гамельнской тюрьмы.

Третий Равенсбрюкский процесс

Проходил с 14 по 26 апреля 1948 года в Гамбурге. Перед судом предстали пять женщин – бывших служащих СС из молодежного лагеря Уккермарк и концлагеря Равенсбрюк. Две из них были оправданы, одна приговорена к пожизненному заключению, одна – к 10 годам лишения свободы, а Рут Клозиус-Нойдек – к смертной казни через повешение (см. прил. 5).

Рут Клозиус-Нойдек

Родилась 5 июля 1920 года в германском городе Бреслау (ныне польский город Вроцлав). Девичья фамилия – Хартманн. По профессии была бухгалтером-расчетчиком. Поэтому и свою деятельность в Равенсбрюке Рут начала 3 июля 1944 года в должности бухгалтера. Но, видимо, жажда реализовать свои амбиции (а скорее всего, еще и материальные потребности) привели ее на совсем другие должности, где Нойдек манипулировала уже не цифрами, а человеческими жизнями.

В конце октября 1944 года ее назначают старшей надзирательницей блока № 27, в котором содержалось более 700 заключенных-женщин. Затем около месяца, с начала декабря 1944-го до начала января 1945 года, Нойдек служит под началом доктора Парсиваля Трейте, регистрирует больных. Конечно, ее деятельную натуру не устраивала такая спокойная должность, и с 5 января 1945 года она опять при «деле» – старшая по штрафному блоку. В этой должности она пребывала всего десять дней, а в середине января эсэсовец Шварцхубер переводит ее старшей надзирательницей во внешний лагерь Уккермарк, где Нойдек оставалась до середины февраля. О ее положении в этом лагере красноречиво говорит тот факт, что подчиненные ей надзирательницы называли ее не иначе как «госпожа начальник лагеря». Как лагерной руководительнице, ей непосредственно подчинялись пять надзирательниц – Э.Монеке, М.Рабе, М.Кубе, Г.Науман и Г.Шульц.

С середины февраля и до 28 апреля 1945 года (то есть до роспуска лагеря) Нойдек служила во внешнем лагере – Бат. Какую должность она там занимала, так и осталось до конца не выясненным.

Вряд ли Рут Нойдек догадывалась, что все эти ее должности станут ступеньками на эшафот. На процессе ее обвинили в пытках и убийствах заключенных, а также в участии в «селекциях». Последнее обвинение она отрицала, утверждая, что «только сопровождала (!) транспорты до газовой камеры». В то же время она фактически подписала себе смертный приговор, когда сделала следующее заявление: «Когда я принимала лагерь Уккермарк, то в нем имелись в наличии приблизительно 4 000 заключенных всех наций. Когда шесть недель спустя я переводилась из этого лагеря, то в нем оставалось примерно 1 000 заключенных. Следовательно, за время моей деятельности примерно 3 000 женщин были отобраны для газификации».

Признавая, что она избивала заключенных блока № 27 плеткой, она в свое оправдание заявила, что «не могла бить заключенных рукой, так как они все были завшивлены».

После вынесения ей смертного приговора, в отчаянной попытке спасти свою жизнь, Рут Нойдек написала ходатайство о помиловании, в котором ссылалась на то, что «была молодой и неопытной».

Суд отклонил ее просьбу. Рут Клозиус-Нойдек была повешена 29 июля 1948 года в 9 часов утра.

Четвертый Равенсбрюкский процесс

Проходил с мая по 4 июня 1948 года в Гамбурге. Обвинялись нацистские медицинские работники концлагеря Равенсбрюк в количестве пяти человек, в том числе три женщины – медицинские сестры (из них одна, Герда Ганцер, сама была заключенной). Все они были признаны виновными. Две из них были приговорены к различным срокам лишения свободы, а Герда Ганцер – к смертной казни через повешение (см. прил. 6).

Герда Ганцер

Девичья фамилия – Кварнхейм. Ее история очень похожа на истории Кармен Мори и Веры Зальвекварт, но с несколько более удачным концом.

Она родилась 15 декабря 1907 года в Оберхаузене и была по профессии медсестрой, окончила медицинский лицей. Как сообщают источники, 8 октября 1938 года Герда была арестована гестапо в Берлине из-за своих антигосударственных высказываний и осуждена к одному году лишения свободы. Возможно, эти сведения не совсем точны, так как по другим сведениям Ганцер находилась в заключении в Равенсбрюке со 2 ноября 1940 года до конца войны.

До середины марта 1943 года она работала в качестве медицинской сестры при «докторах» Герде Вейянд, Герде Оберхойзер, Вальтере Зоннтаге, Герхарде Шидловски (из них только первая не была почему-то привлечена к уголовной ответственности. Оба же врача-мужчины были впоследствии казнены, а Оберхойзер приговорена к 20 годам лишения свободы). При этом «работа» Герды заключалась в том, что она ассистировала докторам-преступникам в экспериментах над живыми людьми. Именно ее деятельность в этот период времени и ставился ей впоследствии в вину.

Находясь в лагере, Герда сошлась с другим вольнонаемным лагерным врачом – Рольфом Розенталем и забеременела от него. Для прерывания беременности она прибегла к аборту, что повлекло за собой осложнения, для лечения которых Ганцер открылась еще одному узнику-врачу. Он-то и донес обо всем лагерной администрации. Так как подобные связи были категорически запрещены, доктор Розенталь был взят под стражу и впоследствии осужден (по окончании войны он, тем не менее, был привлечен к ответственности уже англичанами за совершенные преступления, снова осужден и на этот раз казнен). Ганцер же, будучи отстраненной от своих «обязанностей», оставалась в Равенсбрюке до 14 апреля 1944 года, после чего была этапирована в Аушвиц-Биркенау. Здесь она пробыла до 18 января 1945

года и была эвакуирована обратно в Равенсбрюк, где и встретила, 28 апреля, свое освобождение.

В октябре 1946 года за свою деятельность в Равенсбрюке Герда Ганцер предстала перед советским военным трибуналом в Потсдаме. Но (редкий случай!) советский военный суд ее оправдал. Видимо, уже несколько не сомневаясь в своей недосыгаемости для правосудия, Ганцер перебралась в английскую зону оккупации, где ее и ожидал сюрприз: она снова была привлечена к ответственности уже английским военным трибуналом. На этот раз все сложилось для нее крайне неблагоприятно. Английские следователи оказались более информированными, нежели советские, а потому против Герды Ганцер были выдвинуты сразу три обвинения: в жестоком обращении с заключенными, в производстве смертельных инъекций заключенным и в убийстве новорожденного ребенка неизвестной узницы Равенсбрюка. И хотя по третьему обвинению она была оправдана, в конечном итоге суд вынес ей смертный приговор.

Герда подала прошение о помиловании, которое рассматривалось почти месяц. Наконец, пережив весь ужас ожидания смерти, она 3 июля 1948 года узнала, что повешение заменено ей пожизненным заключением. Далее, 3 февраля 1950 года, последовал новый пересмотр и снижение срока наказания до 21 года лишения свободы. Но и этот срок 24 сентября 1954 был снижен до 12 лет. В конце концов Герда Ганцер, чудесным способом избежав виселицы, вышла на свободу 6 июня 1961 года. Дальнейшая ее судьба нам неизвестна.

Правда, есть отрывочные сведения, что германская юстиция не оставила ее в покое и после освобождения. В литературе есть ссылки на показания 1969–1970 годов выживших узников Равенсбрюка (но неясно, в рамках чего это происходило: судебного процесса или следствия). Свидетели утверждали, что Герда Ганцер и Рольф Розенталь искусственно прерывали беременность у узниц Равенсбрюка. А если дело и доходило до рождения ребенка, то новорожденные сразу умерщвлялись. Приведем только

некоторые из этих показаний для иллюстрации того, чем занимались лагерные «доктора» и «медсестры».

Так, Хана Х. показала, что «в 1942 году и в начале 1943 года в Равенсбрюк прибывали немецкие женщины, обвиненные в половых связях с иностранцами. Среди них имелись беременные женщины. Они прибывали в лагерь для прерывания беременности. Их было большое количество. Некоторое время аборт производился ежедневно... Я знаю о том, что доктор Розенталь однажды с помощью пилы уничтожил пятимесячный плод в теле женщины. Эта немецкая женщина потом умерла». Далее свидетельница заявила, что «у женщин, которые выносили ребенка, рождение осуществлялось таким образом, что пуповина отвязывалась только у матери, а поэтому новорожденный истекал кровью. Герда Ганцер уносила после этого мертвых детей в центральную котельную для сжигания». Примерно аналогичные показания дала и другая свидетельница, Ирина И.

Свидетельницы Хелена П. и Мария К. заявили, что «если ребенок рождался живым, то он убивался Гердой Ганцер путем удушения. Она делала это следующим способом: брала ребенка в левую руку и душила его правой. Убитого ребенка она обматывала бинтами и бросала в мусорное ведро, а затем относила в котельную для сожжения».

Такие «походы» Герды Ганцер в котельную засвидетельствовали сразу несколько очевидцев.

К каким психическим травмам вело подобное «медицинское обслуживание», видно из сообщенного свидетелями рассказа одной австрийской акушерки, которая помогала несчастным женщинам: «Вы знали красивую польскую женщину с огромными синими глазами? Она была так счастлива своим ребенком, как только может быть счастлива мать... Но даже если эсэсовский врач или медсестра не убьют этого ребенка смертельным уколом, то как ему выжить в этих условиях? И вот несколько недель спустя я видела эту женщину утром на построении перед лагерными воротами: с серым лицом, в серой одежде, непричесаная и неумытая, без деревянных

башмаков, которые где-то потеряла, она в руках держала, как куклу, своего мертвого ребенка с широко раскрытыми глазами...»

После прочитанного трудно не согласиться с тем, что даже если только часть этих показаний соответствует действительности, то Герда Ганцер вполне заслужила и отбытый ею пятнадцатилетний срок заключения, и кошмар ожидания смертной казни.

Седьмой Равенсбрюкский процесс

Проходил со 2 по 21 июля 1948 года. В истязаниях и «селекциях» заключенных обвинялись шесть надзирательниц концлагеря Равенсбрюк. Из них две были оправданы, две приговорены к различным срокам лишения свободы, а Эмма Циммер и Ида Шрейтер – к смертной казни через повешение (см. прил. 9).

Осужденные на смерть женщины были повешены в сентябре того же года.

Эмма Циммер

Полное имя – Эмма Анна Мария. Девичья фамилия – Менцель. Родилась 14 августа 1888 года. Подробности жизни и деятельности, доступные нам, крайне скудны. Известно, что с 1939-го по 1942 год она служила старшей надзирательницей штрафного блока в Равенсбрюке. В октябре 1942 года переведена в женский лагерь Освенцима (Биркенау). Есть сведения, что в конце войны Циммер была отстранена от службы из-за своего хронического алкоголизма и преклонного возраста. Тем не менее, она была привлечена к ответственности и приговорена к смертной казни.

Повешена 17 сентября 1948 года в возрасте 60 лет. Вместе с ней в этот день были казнены трое мужчин-эсэсовцев – ее бывших сослуживцев, осужденных в июне того же года на четвертом и пятом Равенсбрюкских процессах (см. прил. 6 и 7).

Ида Шрейтер

В некоторых источниках фигурирует как Гертруда Шрейтер.

Родилась 27 декабря 1912 года. О ее жизни и деятельности у нас очень мало сведений. Известно только, что она была надзирательницей в Равенсбрюке в течение всей Второй мировой войны – с 1939-го по 1945 год.

Повешена 20 сентября 1948 года, через три дня после Эммы Циммер.

3.2.3. Первый Нюрнбергский процесс

Проходил с 9 декабря 1946 по 20 августа 1947 года во дворце правосудия Нюрнберга. На скамье подсудимых на этом процессе находились 23 человека (в основном врачи концентрационных лагерей), которые обвинялись в преступных медицинских действиях.

Из 23 обвиняемых 7 были приговорены к смертной казни через повешение, 5 – к пожизненному заключению, 4 – к различным тюремным срокам (от 10 до 20 лет) и 7 были оправданы (см. прил. 20).

Единственной женщиной среди обвиняемых была Герда Оберхойзер.

Герда Оберхойзер

Родилась 15 мая 1911 года в небогатой семье инженера в Кёльне. Обучалась медицине в Бонне и Дюссельдорфе, сама зарабатывая на обучение. В 1937 году Герда получила диплом врача и приступила к работе в физиологическом институте Бонна. В 1940 году она получает квалификацию врача-дерматолога. Практически все источники подчеркивают, что процессе обучения Оберхойзер проводила вивисекции и эксперименты на животных (намекая на то, что, видимо, тогда она и приобрела нездоровый интерес к опытам на живых существах).

В 1937 году она вступила в НСДАП, а в дальнейшем состояла в национал-социалистическом сестринском обществе и обществе врачей национал-социалистов. В 1940 году, прочитав объявление в газете о вакансии врача-женщины для концлагеря Равенсбрюк, Оберхойзер добровольно

подала свою заявку и была принята на лагерную службу. В концлагере Равенсбрюк она служила с начала 1941-го по лето 1943 года, после чего была переведена в качестве хирургической ассистентки в госпиталь Хоенлихена. Этот госпиталь обслуживал персонал СС, и здесь Герда работала до конца войны под руководством Карла Гербхардта – группенфюрера СС и личного друга Г.Гиммлера. Вместе со своим шефом Оберхойзер и оказалась подсудимой на Нюрнбергском процессе.

Что касается деятельности Оберхойзер в Равенсбрюке, то там она участвовала в проведении экспериментов по исследованию жизненных функций человека в экстремальных состояниях: при переохлаждении, обморожении, серьёзных ранениях и т.д. Бесчеловечность экспериментов состояла в том, что соответствующие повреждения наносились подопытным заключенным, после чего проводилось их лечение с использованием экспериментальных препаратов.

Также проводились исследования воздействия сульфаниламида на раневую инфекцию. (Толчком к исследованию этого препарата послужила гибель обергруппенфюрера СС руководителя Главного управления имперской безопасности Рейнхарда Гейдриха, который умер в результате инфицирования смертельной раны, полученной в результате покушения.) В ходе исследований жертвам наносились раны, в которые имплантировались различные инородные предметы (куски дерева, ржавые гвозди, обломки стекла, грязь или опилки). После этого использовались исследуемые препараты и анализировались результаты лечения. Многие подопытные в ходе проведения эксперимента погибали. Кроме того, Оберхойзер принимала участие в исследовании проведения абортов на поздних сроках.

Руководителем этих экспериментов был Карл Гербхардт, а непосредственными исполнителями Фриц Фишер, Людвиг Штумпфеггер и Герта Оберхойзер. Причем Оберхойзер такая работа, по-видимому, нравилась, так как она брала на себя также часть работы своих коллег,

некоторые из которых старались не участвовать в опытах на живых людях. В обязанности Оберхойзер входил также отбор женщин-заключённых для экспериментов, ассистирование при проведении калечащих операций, последующее наблюдение за подопытными. Наконец, Оберхойзер вменялось в вину самое страшное – то, что она, после соответствующего лечения, умертвляла больных, вводя им различные препараты (сама обвиняемая представляла это как акт милосердия – эвтаназии).

Будучи единственной обвиняемой женщиной на процессе, Оберхойзер настаивала на том, что женщина не может совершать такие чудовищные преступления. Она пыталась оправдать свое личное участие в опытах над людьми тем, что в случае удачного завершения эксперимента ее подопытные пациенты получали шанс на дальнейшую жизнь. В случае же отказа и активного противодействия опытам пациентам грозила смерть.

Согласно приговору суда, за преступления против человечности суд приговорил Герду Оберхойзер к 20 годам тюремного заключения. Но в январе 1951 года этот срок был снижен до 10 лет, а 4 апреля 1952 года она была освобождена досрочно.

После освобождения Оберхойзер вначале работала врачом в Штокзее и одновременно в госпитале иоаннитов в Плёне. Но в 1956 году ее узнала одна из бывших заключённых Равенсбрюка, вследствие чего Оберхойзер потеряла работу врача. Одновременно ей были предъявлены повторные обвинения судом Киля. Но так как за одни и те же преступления ее нельзя было судить дважды, то обвинения были сняты, хотя это и вызвало значительный общественный резонанс и многочисленные акции протеста бывших заключённых. После увольнения из больничных учреждений, Оберхойзер попыталась начать частную врачебную практику, однако на фоне непрекращающихся протестов была вынуждена прекратить всякую медицинскую деятельность.

Скончалась 24 января 1978 года в Линце-на-Рейне.

Иллюстрации

Общий вид концентрационного лагеря Равенсбрюк

Лагерная комендатура

В мастерских Равенсбрюка

Лагерные будни

Лагерные работы

Надзирательницы и медсестры концлагеря Равенсбрюк на построении.
Встречают самого рейхсфюрера СС Г.Гимmlера. 1944 год.

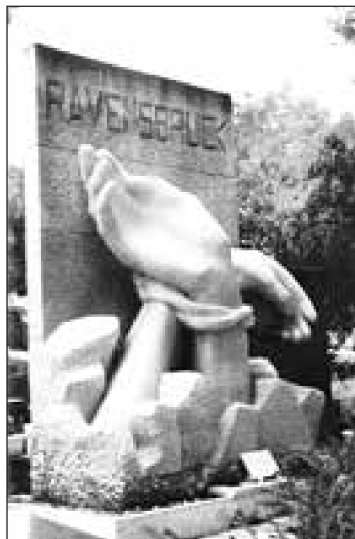

Освобождение...

Там, где был Равенсбрюк

Монумент
«Скорбящая женщина»

Памятная стена

Скульптурная группа на подъезде к лагерю

Фриц Зурен, один из комендантов Равенсбрюка. Осужден и расстрелян в 1950 году. Первый снимок сделан в годы войны, а второй, видимо, в 1949-м, после повторного задержания. Лощеный эсэсовец превратился в заурядного старикашку, но зато в глазах появилось хоть что-то человеческое...

«Мужская» скамья первого Равенсбрюкского процесса

...А это женская половина. Первый ряд слева направо: Д.Бинц, М.Мевес, Г.Безель, Е. ван Скене, К.Мори. За ними во втором ряду справа налево: В.Зальвекварт и Э.Маршалл.
И, естественно, охранницы...

Такой была Кармен Мори в жизни...

...И такой осталась на обложке посвященной ей книги...

У Веры Зальвекварт шубка была попроще, но приговор тот же...

Доротея Бинц

Элизабет Маршалл

Грета Бёзель

Кармен Мори и Грета Бёзель выслушивают свой смертный приговор...

Рут Клозиус-Нойдек

Эмма Циммер

Герда Оберхойзер

3.3. Хельмштедтский процесс детоубийц.

Элла Шмидт

Сведений, как об этом процессе, так и об одной из главных его фигуранток – Элле Шмидт, у нас не много. Известно, что данный процесс состоялся в Хельмштедте, что в 40 километрах на восток от Брауншвейга (Нижняя Саксония), с 20 мая по 24 июня 1946 года. Перед британским военным трибуналом предстали 10 обвиняемых (из них, по крайней мере, две женщины). Преступление, в котором все они обвинялись, было не очень типичным для военного судопроизводства того времени. Подсудимым вменялось в вину нарушение законов войны и убийство преднамеренным пренебрежением многих детей – советских и польских подданных.

Конкретно подсудимые обвинялись в том, что в период с апреля 1943-го по апрель 1945 года они, работая в детских домах для интернированных детей в Вольфсбурге и Рюэне (60 километров на восток от Ганновера), допускали преступное умышленное пренебрежение своими обязанностями, что привело к гибели большого количества детей. (Это были дети, рожденные женщинами-«остарбайтерами», работавшими на предприятиях концерна «Фольксваген». Чтобы матери не отвлекались на их воспитание, детей помещали в специально созданные дома.)

Надо сказать, что это был не первый процесс над детоубийцами в послевоенной Германии. Несколько ранее, с 20 марта по 3 апреля того же 1946 года, в Брауншвейге состоялся процесс по делу Генриха Герике и семи его сослуживцев по детскому дому в деревне Вельпке для интернированных польских детей, более 80 из которых погибли в результате преступно-небрежного отношения к ним администрации этого учреждения (см. прил. 19)¹. Приговоры трибунала в обоих случаях были достаточно суровы: к смертной казни через повешение были приговорены по двое обвиняемых, а

¹ Trial of Heinrich Gerike and seven others (the Velpke childrens home case). URL: <http://www.ess.uwe.ac.uk/WCC/velpke.htm> (дата обращения: 02.08.2013).

остальные были либо оправданы, либо приговорены к различным срокам лишения свободы.

В Хельмштедте же 24 июня 1946 года к повешению были приговорены доктор Ганс Кербел и медсестра Эллы Шмидт, отвечавшие за «медицинское обслуживание и здоровье детей». Еще одна обвиняемая – Лизель Батер была приговорена к пяти годам лишения свободы. Остальные семь обвиняемых были оправданы.

Ганс Кербел, как нам удалось установить, был казнен 7 марта 1947 года. Что же касается Эллы Шмидт, то для нее все, в конце концов, закончилось восемью годами заключения. После отбытия срока наказания, Шмидт устроилась социальным работником во все тот же концерн «Фольксваген»².

Мы сочли необходимым включить имя Эллы Шмидт в нашу книгу, хотя она служила медсестрой не в концлагере, а в доме для интернированных детей. Но ведь этот «дом» для содержащихся в нем детей и был настоящим лагерем, где многие из них потеряли здоровье и саму жизнь. Не зря упомянутый директор другого такого «дома» – Генрих Герике – в Интернете значится как комендант концентрационного лагеря³. По заслугам!

² United states district court eastern district of Wisconsin. URL: <http://www.angelfire.com/nj/odszkodowania/snopczyk.html> (дата обращения: 02.08.2013).

³ Commandants of concentration camps. URL: <http://www.ess.uwe.ac.uk/WCC/warccrimcon.htm> (дата обращения: 02.08.2013).

Глава IV

Польша

Наверное, трудно найти в Европе еще одну такую же многострадальную страну, как Польша. Многострадальную в том смысле, что редкий конфликт европейского масштаба обходился без ее вольного или (что случалось чаще) невольного участия. Достаточно вспомнить несколько разделов и переделов Польши, многочисленные и жестоко подавленные Россией польские восстания и многие тысячи поляков, навечно сосланных в Сибирь.

В этом смысле Вторая мировая война никак не могла быть исключением. Она не просто не могла обойтись без Польши – она с нее началась. В сентябре памятного человечеству 1939 года совсем еще молодая польская государственность была буквально растерзана двумя агрессивными монстрами – гитлеровской Германией и сталинским Советским Союзом. Кошунственно глумясь над только что распятой Польшей, Председатель Совнаркома СССР В.М.Молотов на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года, в частности, заявил: «...оказалось достаточно короткого удара германской армии, а затем – Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...»¹

«Империалистической, лоскутной, реакционной, основанной на социальном и национальном гнете польских панов и буржуазии Польше пришел исторический конец», – сладострастно писала по этому поводу Большая Советская Энциклопедия в 1940 году². Неудивительно, что и в атласе мира, изданном в нашей стране в том же году, в алфавитном перечне географических названий Польше не нашлось места между иранской рекой Польшвар и советским местечком Полярное. На карте же Европы на том месте,

¹ СССР–Германия. 1939 : Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Кн. 1. Вильнюс, 1989. С. 116.

² БСЭ. Т. 46. М., 1940. С. 346.

где должна была быть Польша, появилась циничная надпись: «Область государственных интересов Германии»³.

Рассматривая Польшу как плацдарм для своего дальнейшего продвижения на Восток, сделав ее фактически частью Германского государства, нацисты со свойственной им организованностью и непреклонностью стали насаждать здесь «новый порядок». Естественно, не обошлось и без появления концентрационных лагерей. Именно этим лагерям, созданным на территории Польши, суждено было стать наиболее одиозным воплощением германского фашизма. С тех пор названия Майданек, Освенцим, Штуттгоф и другие ассоциируются с газовыми камерами, крематориями и прочими атрибутами массового убийства людей.

В этой главе мы расскажем о судьбах нескольких женщин, служивших надзирательницами в концлагерях на территории Польши. Большая часть из них за совершенные преступления были приговорены польским правосудием к смертной казни. Несколько других – провели долгие годы в заключении.

4.1. Майданек: люблинский кошмар

Концентрационный лагерь с этим названием был создан в предместье Люблина осенью 1941 года. Он являлся центром для своих многочисленных филиалов в различных частях юго-восточной Польши: Будзынь (недалеко от Красника), Плашув (близ Кракова), Травники (под Вепшем). Идея создать здесь концлагерь возникла у рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера во время его посещения Люблина 20 июля 1941 года. Лагерь был задуман как часть обширной базы войск СС «в новом восточном районе». Вместе с другими близлежащими концлагерями – Бельцеком и Собибором – он был предназначен стать крупнейшим центром концлагерей за пределами Германии. Комендантом лагеря был назначен бригаденфюрер СС Одило Глобочник, возглавлявший полицию города Люблина. До февраля 1943 года Майданек официально именовался «лагерем для военнопленных».

³ Карманный атлас мира. Л., 1940. С. 41.

Лагерная территория охватывала 2,7 квадратных километра незастроенной стороны улицы Люблин-Замож и была огорожена двумя рядами проволочных заграждений, по которым был пропущен электрический ток высокого напряжения. Лагерь был разделен на пять отделений, в которых размещались различные группы заключенных. Первоначально в лагере имелись 22 барака (из них 20 жилых), а также небольшой крематорий, мастерские, склады и прачечная. В сентябре 1943 года в строй вступил большой крематорий с пятью печами. В одном из административных барачков было даже казино: ведь в промежутках между убийствами персоналу лагеря надо было как-то развлекаться...

Первая группа военнопленных прибыла в Майданек в октябре 1941 года – это были советские солдаты и офицеры из других концентрационных лагерей. С 1942 года сюда начинают доставлять и гражданских лиц. Так, в апреле 1943 года сюда депортировали десять тысяч евреев из Варшавы, а позже из Белостока. Условия содержания в лагере были очень тяжелыми, заключенные постоянно испытывали голод и лишения, подвергались издевательствам охраны. Помимо этого, в лагере систематически производились массовые расстрелы заключенных. В 1941 и 1942 годах таким образом убивали больных и ослабевших советских военнопленных, а в апреле 1942 года были расстреляны 2 800 евреев из гетто города Люблина, на территории которого и находился Майданек, а также несколько тысяч заключенных других национальностей. Также есть сведения, что летом 1943 года здесь были расстреляны 300 офицеров Красной армии, а в ноябре того же года – 18 000 евреев, которые были доставлены в Майданек из других лагерей⁴.

После Глобочника комендантами Майданека были: Карл Кох (с сентября 1941-го по июль 1942 года), Макс Коэгель (с августа по октябрь 1942-го), Герман Флорштедт (с октября 1942-го по сентябрь 1943-го), Мартин Вейс (с сентября 1943-го по май 1944-го) и Артур Либехеншель (с

⁴ Майданек. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения – 23.08.2013).

мая по 22 июля 1944-го). Примечательно, что двое из перечисленных, Кох и Флорштедт, были осуждены и расстреляны самими органами СС, Коэгель покончил с собой, а трое других были казнены после войны. В июле 1944 года концлагерь Майданек был эвакуирован, так как к нему вплотную подошла Красная армия. Перед эвакуацией все документы лагеря были уничтожены, а вместе с ними – здания администрации и крематория. Остались лишь бараки, в которых содержались заключенные, и строение, которое, возможно, использовалось как газовая камера.

Сколько же людей погибло в Майданеке? По данным, оглашенным на Нюрнбергском процессе, «в газовых печах Майданека было истреблено около 1,5 миллиона человек различных национальностей из многих оккупированных стран Европы». Эти цифры, как и многие другие, конечно, завышены. В настоящее время многие независимые исследователи считают, что через концлагерь Майданек прошли почти 500 тысяч людей из 54 государств. Минимум 250 тысяч из них погибли в нем: 60 % от голода и болезней, а остальные 40 % были просто убиты. В то же время ряд исследователей оперируют совершенно другими цифрами: от 42 до 360 тысяч погибших⁵.

23 июля 1944 года лагерь был освобожден советскими войсками. Тогда же, в июле, польско-советская комиссия начала расследование национал-социалистских преступлений в Майданеке (см. иллюстрации). Но только немногих из 1 300 служащих лагерного персонала удалось привлечь к ответственности.

В настоящее время на территории бывшего концлагеря Майданек действует мемориальный музей, который был создан еще в ноябре 1944 года и стал первым подобным музеем в Европе. В музее сооружен мавзолей с бетонным куполом, под которым собран прах жертв Майданека.

⁵ См. например: *Кунев С.* Жрецы и жертвы Холокоста. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-305254.html?page=3> (дата обращения: 23.08.2013).

4.2. Майданекские процессы

Первый из них был очень непродолжителен и проходил с 27 ноября по 2 декабря 1944 года в Люблине. Объединенный советско-польский трибунал, рассматривавший дело о преступлениях в Майданеке, заседал в помещении люблинского апелляционного суда. В состав трибунала вошло несколько видных польских общественных деятелей – председатель окружного суда Щепаньский, профессор Белковский, ксендз Крушинский, бывший депутат сейма Зоммерштейн и один из недавно назначенных чиновников – руководитель местного отдела земледелия Витос.

На скамью подсудимых тогда удалось посадить шестерых мужчин-надзирателей из лагерной команды. Если учесть тот факт, что процесс проходил в то время, когда на территории Польши еще бушевала война, то будет ясно: рассчитывать на снисхождение бывшим сотрудникам лагеря не приходилось. Они и сами понимали это, а потому один из них покончил с собой, даже не дождавшись оглашения приговора. Пятеро же других были приговорены к смертной казни и публично повешены.

Свои тяжелые воспоминания об этой казни оставил советский военврач Яков Бялик: «Поляки стремились как можно скорее провести показательный судебный процесс над захваченными преступниками – главарями лагеря. Они подключили к этому миротворческие организации и добились создания международной комиссии по расследованию совершенных немцами преступлений в Майданеке. Как представитель советской военной медицины я тоже был включен в состав комиссии. После тщательного расследования состоялся суд. Он проходил уже в конце нашего пребывания в Люблине – осенью 1944 года. Подсудимых было вместе с начальником лагеря шесть человек, в том числе и врач лагеря, делавший изощренные операции над заключенными.

...Казнь была назначена на следующий день утром, о чем уведомили все население Люблина. Я должен был явиться за час до вынесения приговора и подписать какой-то документ, содержание которого я и до сих

пор не знаю, потому что это делалось под неистовый крик разъяренной толпы. Всю предшествующую ночь перед казнью я не мог уснуть и не находил себе места. Когда я подъезжал на место казни, то увидел, что большой пригорок весь заполнен людьми. Когда мы через цепь солдат подъехали к воротам лагеря, там уже стояла виселица. Это были четыре столба, врытые на одинаковом расстоянии в землю, которые соединялись сверху такого же диаметра перекладиной. В образовавшихся трех промежутках довольно высоко от земли висело по две веревочные петли. Сбоку в небольшом отдалении стояло множество машин, и все прибывали и прибывали новые.

...Нам сообщили, что ночью один эсэсовец в камере повесился на обрывках простыни. Было пасмурно, шел мелкий непрерывающийся дождь, то и дело налетал пронизывающий ветер, низко над головой проплывали свинцовые облака. В воздухе стоял непрерывный рокот бороздящих небо истребителей, а на земле гул многотысячной толпы. Время тянулось крайне медленно.

На пустырь, где раньше росла капуста, стекалось все больше и больше народа, который с трудом удерживала цепь польских и наших солдат. Как после писали в местной газете и сообщали по радио, возле Майденека собралось 100 тысяч человек. Толпа гудела, как улей, и колыхалась, как зерновое поле. Ничего подобного и никогда не видел. Неожиданно со стороны барачных подъехали три “студебеккера” с осужденными и солдатами. Хотя я и стоял близко от этого места, но в окружении солдат осужденных различал с трудом. Когда машины подъехали к виселице, солдаты соскочили на землю. В кузовах осталось их всего по несколько человек. Тут я наконец по-настоящему разглядел осужденных: в двух машинах они стояли парами, и в последний – один.

Машины встали между столбами. Все осужденные были в гражданской одежде, без головных уборов, со связанными назад руками. Дождь не прекращался ни на минуту. Процедура почему-то затянулась. Но вот по

рупору последовала команда, и на небольшую трибуну поднялся, как я понял, судья. На польском языке он зачитал приговор. Потом приговор перевели на языки союзников. Машины въехали под виселицу и остановились. Произошла небольшая пауза. К машинам вышел священник в рясе, чтобы принять у осужденных покаяние. Один из них отказался. Священник удалился, а в кузов машин поднялись трое мужчин средних лет в гражданской одежде и темных плащах. Они поставили приговоренных на табуретки, надели им на головы петли, машины тут же тронулись с места, и в воздухе повисли, качаясь, тела осужденных.

Толпа неистово ревела. Люди что-то кидали в воздух. Солдаты стреляли вверх автоматными очередями. По краю толпы, за солдатским заслоном, двигалась машина с рупором и на польском языке призывала граждан к спокойствию, иногда дело доходило до угроз. Трупы раскачивались. У одного из них конвульсии продолжались особенно долго. Я отвернулся от этого кошмара. Смотреть было невозможно»⁶.

Другой очевидец, известный британский журналист и писатель Александр Верт, так вспоминал о посещении Майданека и своих впечатлениях от этого: «Первой моей реакцией на Майданек было чувство удивления. Я представлял его себе как нечто неописуемо страшное и жуткое. Но тут было совсем иное. Снаружи лагерь казался на редкость безобидным местом. “Неужели это и есть он?” – поразился я, когда мы остановились у ворот того, что выглядело как большой рабочий поселок. На фоне неба позади нас вырисовывались зубчатые очертания Люблина... Лагерь был отделен от дороги забором из нескольких рядов колючей проволоки, но он не производил особенно мрачного впечатления; таким же забором могло быть окружено любое военное или полувоенное учреждение. Территория лагеря была огромна – здесь раскинулся целый городок из бараков, окрашенных в приятный светло-зеленый цвет.

⁶ Бялик Я. Записки фронтового хирурга // Подъем. 2002. № 11.

...Склад, напоминавший огромный пятиэтажный универмаг, тоже была частью колоссальной фабрики смерти в Майданеке. Здесь имущество сотен тысяч убитых людей сортировалось и упаковывалось для отправки в Германию. В одном обширном помещении были сложены тысячи больших и маленьких чемоданов; на некоторых еще сохранились аккуратно написанные ярлыки. Имелось также помещение с надписью на двери “Мужская обувь” и другое с надписью “Дамская обувь”. Здесь были собраны тысячи пар обуви, причем эта обувь по качеству значительно отличалась от той, что мы видели в огромном сарае вблизи лагеря. Дальше шел длинный коридор с тысячами женских платьев и другой, где висели тысячи пальто. В одном из складских помещений были устроены широкие стеллажи, которые тянулись во всю его длину, посредине и вдоль стен. Мне показалось, что я попал в один из универсальных магазинов: здесь были сложены сотни безопасных бритв и кисточек для бритья, а также тысячи перочинных ножей и карандашей. Следующее помещение было завалено детскими игрушками: сотнями мишек, целлулоидных кукол, игрушечных автомобилей; был тут и один Мики Маус американского производства...

...Склад лицемерно именовался “Люблинским пунктом сбыта подержанных вещей”. В одном из писем какая-то жившая в Люблине немка просила прислать ей детскую коляску и полное приданое для новорожденного. Другой документ свидетельствовал о том, что в течение только первых нескольких месяцев 1944 г. люблинский склад направил в Германию восемнадцать железнодорожных вагонов различных вещей...»⁷

С 1946-го по 1948 год, опять же в Люблине, состоялся второй Майданекский процесс над большой группой – 95 человек – бывших сотрудников концлагеря. Семеро обвиняемых были приговорены к смертной казни через повешение (в их числе комендант женского лагеря Ильзе Эрих), а большинство других осуждены на длительные сроки лишения свободы.

⁷ Верт А. Россия в войне 1941–1945. Смоленск, 2003. С. 561, 567–568.

С 1975-го по 1981 год в Дюссельдорфе состоялся третий Майданекский процесс, на котором обвинялись 10 мужчин и 6 женщин – бывших сотрудников лагеря. Из них восемь были приговорены к различным срокам лишения свободы – от трех с половиной лет до пожизненного заключения включительно (см. прил. 14). Среди обвиняемых были Хильдегард Лачерт и Алиса Орловски, уже однажды осужденные в 1947 году на втором Освенцимском процессе к пятнадцати годам лишения свободы каждая. На этот раз Алисе Орловски «повезло» – она скончалась в ходе процесса. Ее же подельница схлопотала 12 лет заключения, теперь уже за свою «работу» в Майданеке. А самого строгого наказания на этом процессе удостоилась бывшая надзирательница Гермина Браунштейнер – пожизненное заключение.

О женщинах-эсэсовках, служивших в Майданеке, сохранилось мало какой-либо информации. Насколько нам известно, на смерть была осуждена только одна из них, с которой мы и начнем.

Ильзе Эрих

Родилась в 1914 году. Начала свою деятельность в качестве надзирательницы в концлагере Равенсбрюк в 1942 году, где прослужила несколько месяцев. Затем была переведена в Майданек, куда прибыла 15 октября 1942 года. Здесь Ильзе Эрих стала комендантом женского лагеря, в ее подчинении находились более 30 надзирательниц и тысячи заключенных – женщин и детей. В 1944 году из-за приближения Советской Армии к Майданеку бежала обратно в Равенсбрюк.

После окончания войны как военный преступник выдана польским властям. На суде несколько свидетелей обвинили ее в избиениях заключенных и участии в «селекциях». Приговорена к смертной казни и повешена 26 октября 1948 года в тюрьме города Люблин.

Гермина Браунштейнер

Ее непростая судьба, на наш взгляд, является еще одним ярким примером того, что может сделать с обычным человеком бесчеловечный режим.

Гермина родилась 16 июля 1919 года в Вене в богатой австрийской семье. Она закончила школу и мечтала о медицине, но судьба распорядилась иначе: у власти в Германии уже были нацисты. Сначала ее направили работать на авиационный завод Хейнкеля в Берлине (некоторые источники сообщают, что Браунштейнер попыталась уклониться от такого «распределения» и предприняла безуспешную попытку устроиться домработницей). А затем ее направили в Равенсбрюк обучаться «профессии» надзирательницы.

Видимо, здесь-то и проснулись в Гермине самые худшие и потаенные черты ее личности. Уже в Равенсбрюке Браунштейнер «прославилась» тем, что до смерти забивала престарелых немощных женщин. В октябре 1942 года эта красивая голубоглазая блондинка была направлена в Майданек, где вскоре стала одной из шести помощниц старшей надзирательницы Эльзы Эрих. Здесь, в Майданеке, «талант» Браунштейнер приобрел законченные формы: за свое «искусство» избивать женщин-заключенных ногами ей дали прозвище «Лягающая кобыла». Не менее виртуозно Гермина владела и плеткой: без нее не проходила ни одна лагерная экзекуция. В марте 1944 года, после двух лет службы в Майданеке, Браунштейнер вернулась в Равенсбрюк, где и служила до освобождения этого лагеря частями Советской Армии.

После окончания войны Браунштейнер, замечая следы, вернулась в Вену. Здесь, правда, ей сначала не повезло: она дважды арестовывалась и заключалась в тюрьму – с мая 1946-го до апреля 1947 года, а затем – с апреля 1948-го по ноябрь 1949 года. При этом ей вменялись в вину преступления, совершенные только в Равенсбрюке. Станным образом попав под амнистию, Браунштейнер в течение следующих лет работала в отелях и ресторане. Наладилась и личная жизнь: Гермина встретила американского солдата по

Иллюстрации

Советские военнопленные в Майданеке. ...И несть им числа...

Советские солдаты и польские граждане осматривают следы преступлений в Майданеке

Члены советско-польской комиссии осматривают следы злодеяний в Майданеке

Судьи первого Майданекского процесса

Осужденные пишут прошения о помиловании.
Как скоро выяснится, совершенно напрасно...

Казнь осужденных надзирателей Майданека 3 декабря 1944 года

Гермина Браунштейнер: какой была и какой стала

Ильзе Эрих

Они погибли в Майданеке...

Давид Зейдерман,
актер из Варшавы

...Чана Лернер,
его жена

...Реджина Целикер и
Йекель Цукерман,
актеры Варшавского
еврейского театра

Халасса Штейн и ее дочери
Чава и Фрида

...Евгения Шапиро,
актриса из Вильнюса

...Реджина Кукер,
актриса из Варшавы

Так выглядит концлагерь Майданек сегодня...

Мавзолей

имени Рассел Райан, который стал ее женихом. В 1959 году они поженились и переехали в Нью-Йорк.

19 января 1963 Браунштейнер получила американское гражданство и, казалось, что все ее прошлое закончилось, как ужасный сон, но... в конце 1960-х годов ее обнаружил легендарный «охотник за нацистами» Симон Визенталь. Источники сообщают, что Браунштейнер встретила Визенталя на пороге своего дома со словами: «Боже мой! Я знала, что это произойдет! Вы приехали!» В 1971 Министерство юстиции США возбудило процедуру лишения Браунштейнер американского гражданства, что и произошло после суда в Нью-Йорке в 1973 году: бывшая надзирательница стала первым нацистским преступником, когда-либо выданным США властям других стран⁸. Таким образом, из благополучной Америки она все-таки вернулась к месту совершенных ею преступлений...

На третьем Майданекском процессе один из свидетелей утверждал, что Браунштейнер «хватала детей за их волосы и бросала их на грузовики, направляющиеся в газовые камеры». Другие свидетели напомнили ей о том, как она избивала узников ногами и плетью... 30 мая 1980 года 61-летнюю бывшую надзирательницу приговорили к пожизненному заключению за ее садистскую деятельность в Майданеке, а именно: за убийство 80 человек, соучастие в убийстве 102 детей и пособничестве в убийстве 1 000 человек. Браунштейнер провела в заключении долгие 16 лет: только в 1996 году она была освобождена в связи с развившейся у нее тяжелой болезнью – диабетом (предстояла ампутация ноги). Но долго жить на свободе ей уже не пришлось: преступница скончалась в апреле 1999 года.

...И все эти годы коммунистическая пропаганда уверяла советских людей в том, что в США и ФРГ никак не преследуют бывших нацистов.

⁸ Первым, но не последним: в 2006 (!) году власти США депортировали в Германию бывшую надзирательницу концлагеря Равенсбрюк 84-летнюю Эльфриду Ринкель, проживавшую с 1959 года в Сан-Франциско. – В.М.

4.3. Освенцим: фабрика смерти

Концлагерь Освенцим (немецкое название – Аушвиц) в памяти человечества останется символом геноцида. Это был один из крупнейших гитлеровских лагерей, созданный в Польше в мае 1940 года. Он находился в болотистой местности у слияния Вислы и ее притока Солы, в 60 км западнее Кракова (восточная часть Верхней Силезии, которая вошла в состав рейха после захвата Польши в 1939 году). За Освенцимом прочно закрепилось определение «лагерь смерти», хотя оно и не совсем верно, так как он одновременно был и большим производственным комплексом.

Вначале у нацистов возникла идея устроить здесь концлагерь для поляков – военнопленных и политзаключенных. В связи с этим в мае 1940 года инспектор лагерей Рихард Глюке поручил Рудольфу Гёссу, заместителю начальника лагеря в Заксенхаузене, создать проект лагеря в Освенциме. Его постройка велась руками местных заключенных-евреев и «зеленых» немцев, то есть уголовников, из Заксенхаузена. Первым концлагерем в Освенциме стал Аушвиц-I, который впоследствии служил административным центром всего комплекса. Он был основан 20 мая 1940 года на основе кирпичных одноэтажных и двухэтажных строений бывших польских, а ранее австрийских казарм. Первыми строителями концлагеря Аушвиц-I стали члены еврейской общины города Освенцим. Бывшее овощехранилище было перестроено в крематорий с моргом. В ходе строительства у всех одноэтажных зданий были надстроены вторые этажи. Были построены несколько новых двухэтажных зданий. Всего в лагере Аушвиц-I насчитывалось 24 двухэтажных здания (блока).

В связи с тем, что было решено создать в Освенциме концентрационный лагерь, с прилегающей к нему территории было выселено польское население. Это происходило в несколько этапов: сначала в июне 1940 года было выселено около 2 000 человек, живших недалеко от бывших казарм польской армии и зданий Польской табачной монополии, затем – в июле 1940-го – жители улиц Короткая, Польная и Легионов. Далее

в ноябре того же года произошло третье выселение (оно коснулось района Засоле) и, наконец, в марте – апреле 1941 года были выселены жители деревень Бабице, Буды, Райско, Бжезинка, Брошковице, Плавы и Харменже. Таким образом, всего были выселены жители с территории в 40 км², которая была объявлена «Сферой интересов лагеря Аушвиц»: здесь были созданы подсобные лагеря сельскохозяйственного профиля – рыбные хозяйства, птицеводческие и скотоводческие фермы, продукция которых поступала в гарнизон войск СС¹.

Одновременно лагерь получил и промышленное значение – во второй половине 1940 года мощный химический концерн «ИГ-Фарбениндустри» по указанию германского министерства экономики приступил в Верхней Силезии, до которой тогда не долетали вражеские бомбардировщики, к постройке своего филиала по производству синтетического каучука. Данный материал имел для войны первоочередное значение, так как обеспечивал шинами весь автотранспорт. К началу следующего, 1941-го, года проекты завода синтетического каучука и завода по перегонке угля в нефть были завершены.

Лагерь был обнесен двойным проволочным забором, по которому пропускаться электрический ток высокого напряжения (весной 1942 года лагерь Освенцим-I с двух сторон был обнесён железобетонным забором). Охрану лагеря несли военнослужащие войск СС из соединения «Мёртвая голова». Первая группа узников в составе 728 польских политических заключённых прибыла в лагерь 14 июня 1940 года. На протяжении первых двух лет количество заключенных варьировалось от 13 до 16 тысяч, а к 1942 году достигло 20 000.

Развитие лагеря накануне начала войны с Советским Союзом шло высокими темпами: в марте 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ, согласно которому Освенцим (Аушвиц) был значительно расширен и

¹ Освенцим. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%F1%E2%E5%ED%F6%E8%EC> (дата обращения: 20.08.2013).

переоборудован. Так, был расширен основной лагерь Освенцим-I и возведен новый на 100 000 военнопленных в Биркенау (на 3 км западнее Освенцима-II), а заводу в Моновице, к востоку от основного лагеря (Освенцим-III), передано дополнительно 10 000 заключенных в качестве рабочей силы. Кроме того, лагерная администрация была укомплектована обученным персоналом из эсэсовцев, прошедших специальную подготовку. Некоторые исследователи справедливо отмечают, что проект лагеря на 100 000 военнопленных может служить доказательством осведомленности Гиммлера о плане «Барбаросса». И действительно, на первом этапе войны с СССР вермахт захватил огромное число пленных, часть которых попала в Освенцим. Правильнее будет сказать – *невероятное* в истории войн количество пленных, которое по минимальным (читай – официальным) подсчетам составило 4 559 000 человек².

После начала войны с Советским Союзом лагерь превратился, по сути, в громадную фабрику по тотальной эксплуатации и уничтожению своих узников. Железнодорожные составы, набитые людьми (в основном – евреями) прибывали сюда со всей Европы. Освенцим-Аушвиц стал фактически комплексом, включающим в себя три лагеря, выполнявших также три функции: источников рабочей силы, мест интернирования и истребления. Этими лагерями были упомянутые выше Освенцим-I (обычный центр концентрации), Освенцим-II (Биркенау) – место истребления евреев и Освенцим-III, большой трудовой лагерь, обслуживавший немецкую военную экономику.

Надо сказать, что в Освенциме, как в зеркале, отразились все противоречия и несуразности нацистского режима. Так, кроме собственно заключенных здесь работали также и вольнонаемные платные рабочие из Германии, Польши и других стран. И лагерный персонал, и заключенных непрерывно переводили в другие лагеря. Наконец, источники сообщают, что бывали (и не так уж редко) освобождения из лагеря: в 1942 году было

² Россия и СССР в войнах XX века : статистическое исследование. М., 2001. С. 463.

отпущено на свободу 978 человек; выпускали и в 1943 году, а в 1944 многие еврейские женщины были освобождены по настоянию немецкого коммерсанта Оскара Шиндлера³. (От себя отметим, что на фоне общего числа людей, прошедших через Освенцим, количество освобожденных, конечно, невелико.)

В Освенциме, помимо евреев, поляков, цыган и советских военнопленных, было еще некоторое количество французов, голландцев и немцев-политзаключенных, гомосексуалистов и проституток. И умирали жертвы Освенцима по-разному: евреям, цыганам и советским военнопленным были уготованы газовые камеры, поляки же и прочие умирали от голода и болезней или расстреливались. Те, кто сумел избежать Биркенау, были вынуждены вести жизнь рабов. Там заключенные размещались в кирпичных строениях, населенных с немыслимой плотностью.

Рабочий день в лагере начинался в 4:30 утра со звуком утреннего гонга. Завтрак заключался в поллитровой кружке тепловатого эрзац-кофе. Заключенные работали на фабриках, шахтах, в сельском хозяйстве, строительстве на самых тяжелых, немеханизированных работах. Любой, кто пробовал передохнуть, сразу же направлялся в штрафной блок, откуда обычно уже никто не возвращался. По окончании рабочего дня проходили длительные переключки, иногда продолжавшиеся несколько часов. Когда переключка, наконец, заканчивалась, заключенные получали крошечное количество еды на ужин. Сон был почти невозможен из-за переполнения и вшей в кроватях. Фактически заключенные здесь умирали медленной, мучительной смертью.

В лагере существовал блок № 11, названный «блоком смерти». Обычно в нем расстреливали заключенных, подозреваемых в причастности в «противозаконных» действиях. Здесь же находились экспериментальная

³ Кстати, за спасение многих жизней евреев О.Шиндлер после войны был отмечен государством Израиль очень почетным званием «Праведник мира». Благородной деятельности этого человека посвящен потрясающий фильм С.Спилберга «Список Шиндлера». – В.М.

душегубка, камера пыток, виселица и стена, у которой расстреливали узников (один из смертников ногтем нацарапал на ней распятого Христа). Иногда расстрелы вызывались просто переполнением барakov. Здесь и по сей день не выветрился трупный запах: он витает в подвалах, в темном коридоре, в камере пыток, в одиночных карцерах. Считается, что именно здесь были отравлены газом первые жертвы Освенцима.

Применялось и повешение во время проведения переключки на портативной виселице. Вешали в Освенциме обычно за попытку побега и любую форму сопротивления, чтобы напрочь отбить у заключенных даже самую мысль о таких действиях. В связи с этим, пожалуй, самой известной казнью в Освенциме было публичное повешение четырех молодых польских женщин за то, что они участвовали в подготовке вооруженного восстания узников. Ими были Эстера Вайсблум, Ала Гертнер, Роза Робота и Регина Сафирштаейн. Их казнили 5 января 1945 года. Очевидцы казни утверждали, что в последний момент, уже с петлей на шее, Роза Робота крикнула, обращаясь к узникам: «Будьте сильны и мужественны! Отомстите!»

В Освенциме проводились также и бесчеловечные медицинские опыты на живых людях. Так, профессор Карл Клауберг проводил в блоке № 10 на еврейских женщинах эксперименты по массовой стерилизации. «Доктора» из этого блока изощрялись в таких действиях, как стерилизация, кастрация, удаление живущих зародышей в различных стадиях развития, пересадка человеческих органов, и наблюдении, как долго человек мог выживать в ледяной воде.

Говоря о конкретном количестве жертв Освенцима, надо сказать, что проблема определения этого числа (как, кстати, и суммарных жертв Холокоста) имеет свою историю. Бывший комендант лагеря Р.Гёсс на Нюрнбергском процессе, где он выступал в качестве свидетеля, сказал, что число жертв Освенцима составляло около трех миллионов. Но в 1947 году, во время своего «персонального» суда, происходившего в Польше, он назвал совершенно иную цифру – 1 135 000 человек.

После падения коммунистического режима в Польше освенцимский архив был рассекречен, и в 1989 году группа независимых историков взялась за их тщательное изучение. Результаты этого исследования, опубликованные в марте 1991 года, оказались совершенно неожиданными: общее число уничтоженных – несколько больше 1,1 миллиона, из них евреев – один миллион, поляков – 75 000, цыган – 21 000, советских военнопленных – 15 000, прочих – 5 000⁴. Общая цифра, как видим, практически совпала с той, которую назвал Р.Гёсс.

Итогом проведенного исследования стал интересный факт: в 1990 году знаменитую мемориальную доску на воротах Освенцима (в ней содержалось утверждение о четырех миллионах жертв) заменили другой, в которой уже говорилось о полутора миллионах убитых (см. иллюстрации). По поводу этой исторической ревизии польский журналист Эрнест Скальский написал: «Что касается меня, то я, как поляк, испытываю, прежде всего, смущение, потому что ситуация чрезвычайно неприятная. Заблуждение, хотя и допущенное давно и другими, остается тенденциозным... Я допускаю, что часто приходится скрывать истину, то есть лгать, иногда даже по возвышенным мотивам, из сострадания или деликатности. Но всегда следует знать, почему это делается и что дает такое отклонение от истины... Даже если правда – не всегда добро, то ложь гораздо чаще – зло»⁵. Трудно не согласиться с этими справедливыми словами...

В настоящее время исследователи сдержанны в своих высказываниях, и более распространенной стала цифра «не менее одного миллиона человек». К этому можно добавить, что имеющаяся сегодня в сети Интернет база данных погибших узников лагеря содержит 180 тысяч имен, а всего до наших дней сохранились индивидуальные данные о 650 тысячах его заключенных⁶. Минимальной же цифрой погибших в Освенциме (именно на ней настаивают

⁴ Манин Е. Эволюция цифр Холокоста. URL: <http://lebed.com/2003/art3278.htm> (дата обращения: 11.05.2013).

⁵ Граф Ю. Крах мирового порядка. URL: http://sv-rasseniya.narod.ru/booki/Yurgen_Graf/23.html дата обращения: 22.08.2013).

⁶ Освенцим. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.07.2013).

ревизионисты) является 150 тысяч человек. Не вдаваясь в споры о количестве жертв этого страшного лагеря, отметим, что и минимальная цифра является чудовищной. В то же время до сих пор не прекращаются и попытки вернуть в оборот прежние цифры: 3 и даже 4 миллиона погибших и более⁷.

...Советские войска вошли в Освенцим 19 января 1945 года. К этому времени основная масса заключенных и персонала лагеря была эвакуирована на запад – в Берген-Бельзен, Бухенвальд, Равенсбрюк. На месте остались лишь немногие: 1 200 человек в главном лагере, 5 800 – в Биркенау и 700 – в Моновице. Это были те, кого по разным причинам не взяли в длительный пеший переход («марш смерти», как называли такие эвакуации сами узники из-за большого количества погибавших в пути).

4.3.1. Второй Освенцимский процесс

Первым Освенцимским процессом считается первый Берген-Бельзенский процесс, так как на нем ряд надзирателей был осужден в том числе и за свои преступления в Освенциме (см. главу «Трагедия Берген-Бельзена»).

Второй же Освенцимский процесс состоялся в Кракове с 24 ноября по 22 декабря 1947 года. На скамье подсудимых оказался 41 бывший служащий из числа надзирателей-эсэсовцев концлагеря Освенцим (из них пять женщин), обвиняемых в преступлениях против человечности. И хотя после окончания войны прошло уже два с половиной года, чувство ненависти и жажда отмщения преобладали в отношении к подсудимым со стороны абсолютного большинства польского (да и не только польского) общества. Естественно, что, с учетом вышесказанного, суровость приговора была предопределена. Из упомянутых 41 подсудимого к смертной казни через повешение были приговорены 23 из них: 21 мужчина и две женщины – Мария Мандель и Терез-Рози Брандль, один обвиняемый был оправдан, а остальные приговорены к различным срокам лишения свободы на сроки от 3

⁷ См. например: ФСБ обнародовала новые данные о количестве погибших в Освенциме. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=337610> (дата обращения: 20.07.2013).

лет до пожизненного заключения (в том числе три женщины-эсэсовки: Луиза Данц – к пожизненному заключению, Хильдегарт Лэхерт и Луиза Орловски – к 15 годам лишения свободы каждая). Из числа приговоренных к повешению двоим осужденным смертная казнь была позднее заменена пожизненным заключением (см. прил. 11).

Приговор был оглашен 22 декабря 1947 года, а 24 января следующего, 1948-го, года в Краковской тюрьме состоялась массовая казнь осужденных военных преступников. Она производилась на шести сооруженных для этого виселицах. С восходом солнца Марию Мандель и четверых мужчин (ими были А.Либехеншель, а также Г.Аумейер, М.Грабнер и К.Мёкель) вывели к эшафоту. Палач повесил первого осужденного в 7.09 утра. Затем последовали остальные трое мужчин и лишь затем Мария Мандель. После этого тела повешенных оставались на виселицах в течение 15 минут. Их сняли с петель в 7.38, после того как врач констатировал смерть всех осужденных. Казнь следующей партии осужденных началась уже через 5 минут – в 7.43. Это были Ф.Краус, Э.Мюсфельд, Г.Кирхнер, Г.Йостен и В.Геринг (однофамилец осужденного в Нюрнберге рейхсмаршала). Дальше как на конвейере в течение часа были казнены еще 11 человек: в 8.16 – К.Мюллер, Л.Плагге, О.Латш, Ф.Бунтрок и А.Богущ, а в 8.48 – П.Гетце, П.Сжурек, Т.-Р.Брандль, Й.Коллмер, Г.Людвиг и Г.Шумахер. В 9.08 тюремный врач констатировал смерть всех осужденных последней партии.

Так получилось (возможно, не случайно), что женщины оказались в первой и последней партиях казнимых.

Тела всех повешенных (и это еще одно свидетельство страшных нравов того времени) не были подвергнуты ни захоронению, ни кремации – их передали в анатомический институт Краковского университета как наглядные пособия для студентов-медиков. Впрочем, германские фашисты поступали с телами казненных участников Сопротивления точно так же...

О биографиях двух казненных фигуранток этого процесса, а также трех других, отделавшихся менее строгими наказаниями, мы располагаем нижеследующими сведениями.

Мария Мандель

Родилась 10 января 1912 года в местечке Мюнцкирхен в Верхней Австрии. Девичья фамилия – Хофер. Уже в 1938 году Мария поступает на службу в СС, и вся ее последующая жизнь связана с концентрационными лагерями. Вот ее послужной список:

- с 15 октября 1938-го по 15 мая 1939 года – надзиратель в концлагере Лихтенбург;
- с 15 мая 1939-го по 7 октября 1942 года – надзиратель в концлагере Равенсбрюк;
- с 7 октября 1942-го по 30 ноября 1944 года – старший надзиратель в концлагере Освенцим;
- с 30 ноября 1944-го по май 1945 года – старший надзиратель в концлагере Мюльдорф (филиал Дахау).

Вершиной страшной карьеры Марии Мандель стала ее деятельность в Освенциме. Здесь она организовала женский оркестр, музыка которого сопровождала почти все лагерные мероприятия. Что же касается самих «мероприятий», то Марии, по утверждению свидетелей, больше всего нравились «селекции», то есть отбор наиболее обессиленных узников для уничтожения в газовой камере. То, что зачастую это были женщины и дети, ее, похоже, даже забавляло. Другим ее развлечением были пытки и казни «беглецов», то есть заключенных, осмелившихся бежать из лагеря. Именно за свою чудовищную безжалостность Мария Мандель была назначена старшим надзирателем женской охраны СС одного из филиалов «фабрики смерти» Освенцима – Биркенау.

Она была арестована 10 августа 1945 года на территории Германии, и ей было предъявлено обвинение в совершении преступлений против

человечности. Как тяжкий военный преступник, Мария Мандель 6 ноября 1946 года была доставлена в Польшу, где и предстала перед Верховным судом Польши. Думается, она и сама понимала безнадежность своей ситуации и неизбежность расплаты. Тем не менее, есть сведения, что в своем последнем слове ею были сказаны такие слова: «Если бы я родилась снова, то сделала бы то же самое».

...Перед исполнением приговора были измерены антропометрические данные преступников. Так, рост Марии Мандель составил 1 метр 64 сантиметра, а вес – 60 килограммов. Как сообщают источники, после зачитания приговора Либехеншель и Мандель одновременно воскликнули: «Да здравствует Польша!» Если даже это действительно так, то вряд ли это было раскаяние, скорее – предсмертный сарказм висельников и их презрение к суду.

Терез-Рози Брандль

Родилась 1 февраля 1909 года близ Траунштайна на юге Германии. Свою деятельность в качестве надзирателя концентрационного лагеря начала в Равенсбрюке в сентябре 1940 года. С марта 1942-го до ноября 1944 года – в Освенциме. Затем до мая 1945-го – в филиале Дахау концлагере Мюльдорф. Таким образом, ее перемещения по лагерям смерти почти в точности совпадают с перемещениями предыдущего персонажа – Марии Мандель (впрочем, и завершились их судьбы одинаково).

Судя по всему, Брандль (в некоторых источниках – Брандаль) была «образцовым» надзирателем, так как летом 1943 года она была награждена медалью ордена «За заслуги» – за то, что держала вверенных ей заключенных в постоянном страхе, систематически избивала их и принимала активное участие в «селекциях».

Ее задержали 29 августа 1945 года в горах Баварии, где она пыталась скрыться. Затем были суд, приговор и виселица.

Луиза Данц

Родилась 11 декабря 1917 года близ Мейнингена (Тюрингия).

В январе 1943 года начала службу в качестве надзирательницы концентрационного лагеря Мальхов – филиале Равенсбрюка. За два года до окончания Второй мировой войны она успела послужить надзирательницей и в таких лагерях, как Плашов, Майданенк и Освенцим. Ее служебное рвение было отмечено наградами. Окончание войны Данц встретила в Равенсбрюке в должности старшей надзирательницы. Она попыталась скрыться, но была розыскана, выдана польским властям и предстала в качестве обвиняемой на втором Освенцимском процессе. Суд приговорил ее к пожизненному заключению, но, как и ряд других осужденных, она была освобождена в начале 1956 года.

Но по истечении 30 лет – в 1996 году – Луизу Данц снова привлекли к уголовной ответственности. На этот раз за то, что когда-то она насмерть забила ногами молодую девушку в концлагере Мальхов. Однако из-за плохого состояния здоровья Луизы Данц суд не состоялся⁸. Между тем, как сообщает Интернет, Данц была еще жива и в 2005 году – ей было тогда 88 лет. Не исключено, что она жива и по сей день...

Алиса Орловски

Родилась 30 сентября 1903 года в Берлине. Полное имя – Элис Минна Элизабет Эллинг. В 1942 году обучалась в Равенсбрюке как будущая надзирательница. В октябре того же года отобрана для службы в Майданеке, где вместе с Герминой Браунштейнер проявила себя как одна из самых безжалостных надзирательниц. На суде свидетели обвиняли ее в участиях в «селекциях» и избиениях узников. За усердие в службе была назначена на

⁸ Как тут не вспомнить судьбу известного нациста обергруппенфюрера СС Вернера Беста, которого после войны приговаривали и к смертной казни, и к 20 годам заключения, а в 1961 году взяли и освободили по состоянию здоровья. Он же преспокойненько прожил на свободе еще целых 28 лет и умер в весьма почтенном возрасте. Впрочем, еще более анекдотичный случай произошел с польским коммунистом В.Гомулкой – его освободили из тюрьмы по болезни в 1934 году, а он прожил еще долгую, весьма бурную жизнь и умер только в 1982-м. – В.М.

должность командорфюрерины сортировочных барачков. Под ее началом находилось более 100 женщин, сортировавших конфискованное у узников имущество: часы, меха, одежду, обувь, золото, драгоценности, деньги, игрушки, очки и т.д.

После эвакуации Майданека служила в концлагере Плашов, а затем – в Освенциме и Равенсбрюке. Приняла участие в «марше смерти» от Освенцима до Лослау, в ходе которого (интересный момент) проявляла гуманность по отношению к заключенным и вместе с ними делила все тяготы марша, даже спала вместе с заключенными под открытым небом. Судя по всему, Орловски к тому времени уже поняла, что конец войны не за горами, и ей придется отвечать за содеянное.

После войны Орловски была арестована органами Смерш Советской Армии и выдана польским властям. На втором Освенцимском процессе была приговорена к 15 годам лишения свободы, но уже в 1956 году была освобождена. Однако в 1975-м Орловски снова стала обвиняемой, уже на третьем Майданекском процессе. Она умерла во время суда в 1976 году в возрасте 73 лет.

Хильдегард Лэхерт

Родилась 20 января 1920 года. Получила начальное медицинское образование, но в октябре 1942-го в возрасте 22 лет начала свою службу в качестве надзирательницы в Майданеке. В 1944 году ее перевели в Плашов, а затем – в Освенцим. По некоторым сведениям, последние недели войны она провела в концлагерях Нойенгамм и Маутхаузен в Австрии. Избежать ответственности ей не удалось, и в ноябре 1947 года Лэхерт села на скамью подсудимых второго Освенцимского процесса. Будучи осужденной на 15 лет заключения, она вышла на свободу в 1956 году.

В 1975 немецкая юстиция снова возбудила против нее уголовное преследование в рамках третьего Майданекского процесса. При этом Лэхерт была одной из 16 обвиняемых. Вместе с ней на скамье подсудимых

находились две ее старые знакомые – Гермина Браунштейнер и Алиса Орловски, а также еще три женщины (см. приложение 14). Процесс продолжался с 26 ноября 1975 до 30 июня 1981 года. За это время против Лэхерт свидетельствовал ряд бывших узников, обвинявших ее в садизме и участии в «селекциях». Так, одна из бывших заключенных – Хенрика Островска – свидетельствовала, что Лэхерт всегда избивала узников до крови: «Она била до тех пор, пока не появлялась кровь. Поэтому мы дали ей кличку “Кровавая Бригитта”». Многие свидетели характеризовали Лэхерт как «жестокое животное» и «ужас заключенных».

Суд приговорил преступницу к 12 годам заключения. Нам неизвестно, отбыла ли она до конца этот срок, но умерла бывшая надзирательница в 1995 году в возрасте 75 лет.

4.3.2. Третий Освенцимский и другие процессы

Он состоялся уже практически через двадцать лет после окончания Второй мировой войны, начавшись 10 декабря 1963 и завершившись 10 августа 1965 года во Франкфурте-на-Майне.

Всего на этом процессе к ответственности были привлечены 22 бывших охранника и других служащих-эсэсовцев этого лагеря. Женщин среди них не было. Четверо обвиняемых были оправданы, остальные приговорены к различным срокам лишения свободы от 3 лет 3 месяцев до пожизненного включительно (см. прил. 12). А в это самое время советские газеты пестрели сообщениями о том, как «преспокойно» живут в Западной Германии бывшие преступники-нацисты....

Помимо двух Освенцимских процессов нацистские преступники из этого лагеря осуждались и другими судами, о которых, к сожалению, в литературе и в Интернете очень мало сведений. В связи с этими процессами нам удалось разыскать лишь краткие биографии двух надзирательниц Освенцима, казненных после войны. Эти биографии мы приводим ниже.

Элизабет Лупка

Родилась 27 октября 1902 года в Кляйн-Дамнере (Германия). В 1934 году вышла замуж, детей не имела. С 1937-го по 1942 год – работница одного из предприятий авиационной промышленности. В 1942 году поступила на службу в СС и начала свою деятельность в качестве надзирательницы концлагеря Равенсбрюк. С 1 марта 1943-го до января 1945 года – в филиале концлагеря Освенцим – Биркенау.

6 июня 1945 года Лупка была арестована. Через три года, 6 июля 1948-го, краковским судом за преступления против человечности она была приговорена к смертной казни через повешение. Обвинения, предъявленные ей, были те же, что и у большинства надзирателей концлагерей – систематические избиения заключенных – беглецов (в том числе женщин и детей) и участие в «селекциях».

8 января 1949 года в 7.05 утра Элизабет Лупка была повешена в краковской тюрьме.

Марго Дрекслер

Родилась 17 мая 1908 в местечке Мендерсдорф близ баварского городка Байрейт (Германия). Подробности биографии до начала Второй мировой войны нам неизвестны. Иногда в источниках ее фамилия звучит как Дрешель, а имя как Ильзе-Марго.

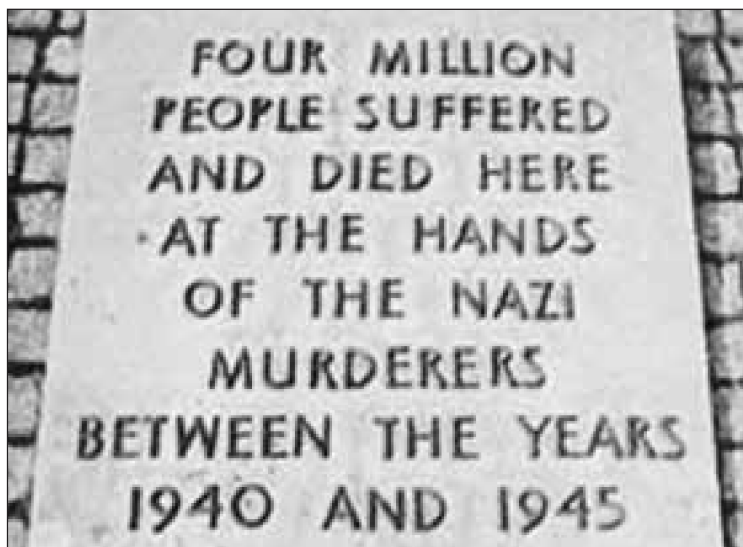
Работала офисной служащей в одной из берлинских фирм до того, как в январе 1941 года поступила на службу в концлагерь Равенсбрюк. Там она «обучалась» под руководством Доротеи Бинц. 27 апреля 1942 года она начала службу в качестве надзирательницы концлагеря Аушвиц (Освенцим). Здесь Дрекслер быстро поднималась по служебной лестнице, став вскоре старшей надзирательницей (рапортфюрериной) лагеря, а затем руководителем лагерной канцелярии. Выше ее по служебному положению из женщин-надзирательниц была только Мария Мандель.

1 ноября 1944 года переведена в концлагерь Флоссенбург.

Источники сообщают, что Марго Дрекслер была внешне довольно невзрачной личностью, тщедушной и некрасивой: темно-русая, худая, крючконосая, с блеклым цветом лица и плохими зубами. Сообщается также, что она была очень вульгарна и легко возбудима. Женщины-заключенные панически боялись ее, так как Дрекслер, обладая полной властью над ними, была абсолютно безжалостна. Ей ничего не стоило убить узницу самым жестоким образом. Другая известная надзирательница Освенцима – Мария Мандель – упомянула имя Марго Дрекслер в числе участвовавших в «селекциях».

Марго Дрекслер была опознана в мае 1945 года бывшими узниками концлагерей в советской оккупационной зоне Германии в окрестностях Бауцена (Саксония), задержана ими и передана представителям военной администрации. Дальнейшая ее судьба интерпретируется источниками по-разному. Согласно одной из версий, она была предана скорому суду, приговорена к смерти и повешена чуть ли не в июне того же, 1945-го, года в Бауцене. Другие источники утверждают, что Дрекслер удалось избежать наказания. Нам представляется более правдоподобной все же первая версия.

Иллюстрации

«Здесь нацистские убийцы в 1940–1945 годах замучили четыре миллиона человек» – именно это было выбито на доске, долгие годы висевшей в Освенциме

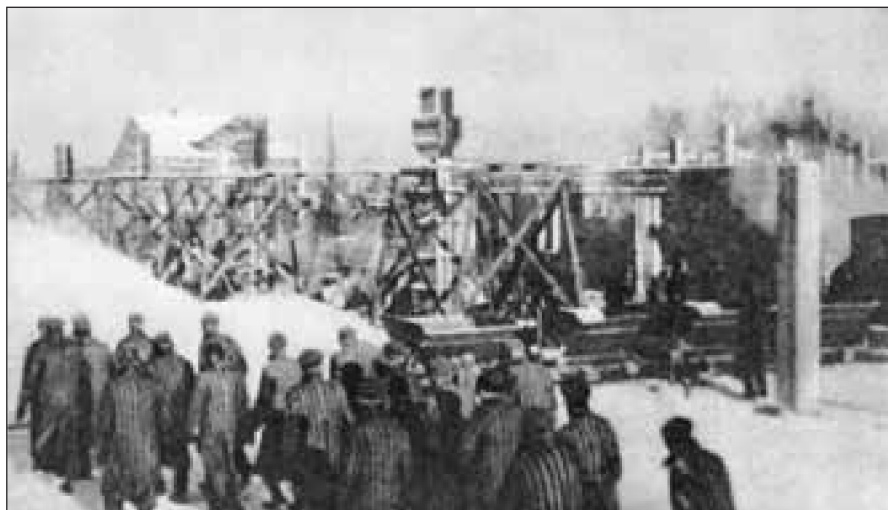
«Пусть это место вечно будет криком отчаяния и предупреждением для человечества. Здесь нацисты убили около полутора миллиона мужчин, женщин и детей, в основном евреев из разных стран Европы. Освенцим-Биркенау, 1940–1945 гг.» – доска с таким текстом появилась в Освенциме в 1990 году

Освенцим был построен со всей немецкой аккуратностью

Ворота Освенцима – зловещие ворота смерти...

На работу...

Так выглядел двор «Блока смерти»...

...А так неизвестный художник изобразил творимые там злодейства

Ала Гертнер (слева) и Роза Робота, польские гражданки – узницы Освенцима. За участие в подпольной лагерной организации вместе с двумя своими подругами публично повешены в Освенциме 05.01.1944 г., за 14 дней до освобождения лагеря...

Их освободили в Освенциме

Освенцим сегодня

Бараки Биркенау

Строения основного лагеря

Элизабет Лупка

Хильдегард Лэхерт

Освенцимские убийцы

Мария Мандель

Идет второй Освенцимский процесс. Слева направо: А.Либехеншель, М.Мандель,
Г.Аумейер, К.Мекель, М.Грабнер, Ф.Краус.
Все шестеро будут повешены

Мария Мандель и ее подельники в ожидании. Зачитывается приговор

Терез-Рози Брандль

Алиса Орловски

Луиза Данц

4.4. Концлагерь Штуттгоф: прибалтийская преисподняя

Этот лагерь начал свою «работу» уже в сентябре 1939 года, то есть практически с началом вторжения гитлеровской Германии в Польшу, став, тем самым, первым концентрационным лагерем за пределами рейха. Местом его расположения были выбраны восточные предместья Гданьска, так как «контингентом» лагеря должны были быть заключенные из числа жителей города. До 1942 года Штуттгоф был сравнительно небольшим лагерем с численностью «населения» около 12 000 человек. Но, начиная с 1942 года, в него направлялись заключенные из других концлагерей, расположенных на территории Германии, прежде всего из Маутхаузена и Флоссенбурга. У лагеря один за другим появлялись филиалы, и к 1943 году Штуттгоф представлял собой уже обширную систему лагерей, где содержались осужденные преимущественно из Польши и Прибалтики. В 1944 году именно в этот лагерь были перемещены 75 000 заключенных, в основном польских и венгерских евреев. Всего за годы Второй мировой войны, по сообщения прессы, через него прошли до 120 000 человек, из которых 65 000 погибли (главным образом евреи). В январе 1945 года лагерь и десятки его филиалов были эвакуированы, при этом из-за ужасных условий эвакуации погибли тысячи заключенных.

Условия содержания заключенных, естественно, были тяжелыми. Много лет спустя один из заключенных Штуттгофа, советский гражданин Михаил Христофорович Фиров, так вспоминал, например, о лагерном рационе питания: «А кормили нас так: утром – кружка эрзац-кофе без ничего, в обед – миска брюквенной баланды с нечищенным картофелем, вечером – кружка кипятка и 200 граммов липкого свекловичного хлеба. Мы были как тени, ходячие скелеты»¹.

Как и в любом нацистском лагере, в Штуттгофе также происходили и массовые убийства заключенных. В иллюстрациях мы публикуем только один из серии страшных снимков, на котором заснят расстрел заключенных в

¹ ТВР-Панорама. 1998. 9 и 26 февраля.

этом лагере. На нем хорошо видны лежащие на земле люди (возможно, уже убитые) и двое охранников, подтаскивающие к месту расправы еще одну обнаженную жертву...

4.4.1. Первый Штуттгофский процесс

После освобождения Польши и поимки части преступников, с 25 апреля по 31 мая 1946 года прошел судебный процесс, перед которым предстали 16 бывших сотрудников этого лагеря – 6 женщин и 10 мужчин. Это был так называемый первый Штуттгофский процесс. Вторая мировая война только что закончилась, и у населения оккупированной Польши еще свежи были в памяти зверства немцев. Что уж говорить об узниках концлагерей, выступавших в качестве свидетелей на этом процессе! Поэтому рассчитывать на снисхождение недавним охранникам не приходилось, тем более что многие из них действительно жестоко относились к беззащитным заключенным.

В ходе процесса обвиняемым дали возможность еще раз побывать на месте своих преступлений (см. иллюстрации).

На суде обвиняемые вели себя довольно смело, если не сказать – нагло: хихикали и смеялись во время заседаний, кокетничали с охранниками, давали им чаевые за различные мелкие услуги. Наверное, им (и прежде всего женщинам, среди которых выделялась своей раскованностью Дженни Баркманн) не могло прийти в голову, что по приговору этого суда их просто-напросто могут повесить. Судя по тому, что процесс продолжался более месяца, а обвиняемые имели адвокатов, польские власти старались соблюсти хотя бы видимость необходимых правовых норм, хотя, конечно, суровость приговора была predetermined.

Всего, как было сказано выше, к ответственности было привлечено 16 человек, но один из них не дожил до суда, умерев в тюрьме. Из пятнадцати оставшихся двое были оправданы (нечастый случай в судебной практике таких дел в послевоенной Восточной Европе!). Сравнительно мягкие

приговоры получили одна женщина – Эрна Бейлхардт и один мужчина – Казимеж Ковальски – 5 и 3 года тюрьмы соответственно. Остальные же 11 человек – 5 женщин и 6 мужчин во главе с бывшим комендантом лагеря Иоганном Паулсом были приговорены к смерти и публично казнены через повешение на Бискупьей Горке (по-немецки Штольценберг) близ Гданьска вечером 4 июля 1946 года. Этими женщинами были Дженни Баркманн, Элизабет (Эльжбета) Беккер, Ванда Клафф, Ева Парадиз и Герда Штейнхофф (см. прил. 15).

Польские власти, несомненно, решили сполна рассчитаться с этими захваченными служащими СС, подвергнув их мучительной и унижительной процедуре. Приговор был объявлен 31 мая 1946 года в 20.00, но исполнение его состоялось только через месяц с лишним (за это время большинство осужденных подали прошения о помиловании президенту Польши Болеславу Беруту и все как один получили отказ). Место казни было выбрано не случайно – на холме Бискупья Горка, хорошо известном жителям Гданьска. Помимо старинных укреплений XVII столетия (в 1807 году с них разглядывал Данциг Наполеон Бонапарт) там имелаась просторная поляна, на которой могли разместиться многие тысячи людей. Именно здесь накануне 4 июля 1946 года и были установлены 11 виселиц для осужденных (см. иллюстрации).

Предварительно в Гданьске и близлежащих городах были расклеены объявления о предстоящей публичной казни нацистских преступников. Поэтому неудивительно, что уже за несколько часов до назначенного времени казни на упомянутой большой поляне собралась огромная толпа людей, прибывших не только из Гданьска, но и из Гдыни, Сопота, Олива, Вржешча, Вейгерова, Тчева, Каргузов и других близлежащих мест. Количество собравшихся, по данным польской прессы, составляло от 50 000 до 150 000 человек (правда, другие источники снижают эту цифру до 10 000 человек, что нам представляется уже явным преуменьшением).

В 16 часов 30 минут на поляну въехали 11 грузовиков, на каждом из которых под усиленной охраной находился один осужденный. Толпа приветствовала их появление диким ревом, криками и свистом – в этом было уже не столько ненависти, сколько нетерпения, так как многие ждали вожаемого зрелища по 4–5 часов. Грузовики медленно разворачивались, подвозя осужденных к их последнему пристанищу...

Казнь началась точно в назначенное время – 17.00. Сама процедура исполнения приговора очень напоминала аналогичные действия немецких оккупантов в годы недавно закончившейся войны. Осужденные со связанными за спиной руками подвозились в кузовах грузовых автомобилей прямо к виселицам. Здесь им и всем собравшимся еще раз был зачитан приговор. Затем приговоренным связали также и ноги, после чего они могли получить последнее напутствие от католического священника или евангельского пастора. После этого казнимых (за исключением Ванды Клафф) поднимали на стулья (видимо, для того, чтобы их могли видеть все собравшиеся), а затем машины просто отъезжали, оставляя жертвы висящими в петлях.

О жестоких нравах того времени говорит хотя бы тот факт, что на сохранившихся и приводимых здесь photographиях, запечатлевших жуткие сцены повешения, видны дети, сидящие (чтобы было лучше видно действо) на плечах у родителей. Толпа неистовствовала, оглашая окрестности Бискупей Горки бурными возгласами. В какой-то мере ее, наверное, можно понять: принцип «Око – за око, зуб – за зуб» нашел в этот вечер свое реальное воплощение. Как и другой принцип – «Сколько веревочке ни виться, а конец будет».

Организаторами экзекуции были продуманы и такие тонкости, как устройство виселиц (четыре из них были рассчитаны на двух казнимых каждая, а одна – центральная – на трех) и расположение на них висельников с комендантом лагеря в центре. Кроме того, особый колорит казни придавало то обстоятельство, что роли палачей на ней выполняли бывшие заключенные

концентрационного лагеря Штуттгоф, экипированные по этому случаю в «форменную» полосатую одежду. Причем (и, возможно, это уникальный случай в истории) одним из одиннадцати палачей была женщина, которой «досталась» Ванда Клафф. Как сообщала польская пресса, с одной из осужденных при виде виселицы случилась истерика. Впрочем, потом, когда палач уже надел ей на шею петлю, она выкрикнула традиционное гитлеровское приветствие «Хайль Гитлер!».

...После того как все грузовики отъехали от виселиц, шум несколько утих, но никто не расходился. Взоры собравшихся были прикованы к одиннадцати телам, тихо покачивающимся на легком июльском ветерке. Примерно через полчаса к казненным подошел врач и, переходя от одного тела к другому, поочередно констатировал смерть повешенных. Трупы их тут же укладывали в кузов грузовика (которого, впрочем, не хватило), и уже в 18.00 все виселицы были пусты. После этого два грузовика повезли тела казненных в клинику Гданьского университета, где им предстояло стать наглядными пособиями для студентов-медиков. Как только было снято оцепление, толпа ринулась к виселицам за «сувенирами» – кусками веревок, на которых были повешены осужденные.

По ходу казни было сделано много фотографий, так что ее следует признать самой «документированной» экзекуцией такого рода. Кроме того, впоследствии был создан 10-минутный фильм под названием «Виселицы Штуттгофа», в котором, например, есть кадры, показывающие Дженни Баркманн в момент объявления ей смертного приговора. (Этот фильм, как сообщила в ответ на наш запрос администрация музея бывшего концлагеря Штуттгоф, и поныне демонстрируют экскурсантам концлагеря.)

По количеству приговоренных и казненных одновременно женщин этот процесс и эта казнь не знают аналогов в послевоенной истории Европы. С позиций нашего времени приговор выглядит, конечно, невероятно жестоким. Оправданием ему в какой-то мере служит тот факт, что «работа», которую выполняли эти женщины, была также сплошной изопренной жестокостью, а

нередко – откровенным садизмом. Впрочем, есть основания утверждать, что именно этим надзирательницам (и надзирателям) «не повезло» в том, что их процесс был первым процессом по Штуттгофу. Кстати, затем состоялись еще три аналогичных процесса (все они также проходили в Гданьске).

А теперь давайте познакомимся поближе с некоторыми из упомянутых персонажей этого процесса.

Герда Штейнхофф

Она была, несомненно, самым выдающимся женским персонажем на вышеупомянутом процессе. Не зря организаторы казни именно ее удостоили сомнительной чести быть повешенной рядом с комендантом лагеря Иоганном Паулсом. Между тем ее биография до 1944 года ничем не отличается от жизнеописаний тысяч других добропорядочных фрау.

Родилась Герда в немецкой евангелистской семье 29 января 1922 года в Данциге (ныне Гданьск) в доме № 11 по улице с длинным названием Вейлигебрюневег. Кстати сказать, недалеко от этих мест Герду и повесили по приговору суда 24 года спустя.

Она училась в гимназии, затем работала – служащей в городке Тигенхаген, работницей в одной из данцигских пекарен, а в последние годы жизни – с 1939-го по 1944-й – трамвайным кондуктором. Судя по всему, даже начало войны не очень изменило течение ее жизни: в 1943 году Герда выходит замуж, и 25 января 1944 года у нее рождается ребенок. Но в том же году в ее судьбе происходит решительный поворот, в конце концов приведший ее к виселице: она добровольно поступает на службу в СС. Мы не знаем, что толкнуло ее на этот шаг: жажда полной власти над бесправными людьми, или материальная выгода (все-таки была война и надо было как-то выживать), или то и другое вместе.

Несомненно, однако, что с ней произошла та же загадочная метаморфоза, что и с некоторыми другими немецкими женщинами в годы войны, выросшими до того в типичных, благополучных немецких семьях:

попав в охрану лагеря, она стала, по сути, безжалостным убийцей. В частности, одним из главных пунктов обвинения против нее на процессе было то, что она участвовала в так называемых «селекциях», то есть отбирала наиболее обессиленных заключенных для их последующего уничтожения. Обычными были для нее и избиения узников лагеря. Послужной список Герды Штейнхофф за время пребывания в СС выглядит достаточно коротким, но емким:

- до 31 октября 1944 года – надзирательница в одном из многочисленных филиалов концлагеря Штуттгоф – Штуттгоф-III (под ее началом было 400 заключенных);
- с 31 октября по 30 ноября 1944 года – старшая надзирательница в концлагере Данциг-Холм (также филиал Штуттгофа);
- с 1 декабря 1944-го по 18 января 1945 года – старшая надзирательница в другом филиале – концлагере Бьдгощ.

Помимо этого есть сведения, что ремеслу надзирательницы Герда (как и все ее подельницы) обучалась в концлагере Равенсбрюк. Надо полагать, что количество «подопечных» Герды Штейнхофф по мере ее продвижения по служебной лестнице становилось все больше, а обязанности – все обширнее. За короткий, в общем-то, срок своего пребывания в лагере этой фрау удалось оставить страшный и кровавый след, за что она и получила, видимо, по заслугам.

Вероятно, последним аргументом, который учли судьи при вынесении этой высокой рыжеволосой женщине, типичной немке, смертного приговора, был факт, отмеченный в ее личном деле – награждение 25 января 1945 года Крестом военных заслуг второго класса. Наверное, за «заслуги» в той мерзкой работе, которую она выполняла. Надо сказать, что не часто эсэсовское командование награждало женщин-надзирательниц крестами. По крайней мере, это единственный известный нам случай, и мы не думаем, что таких случаев было много.

Герда Штейнхофф была арестована 25 мая 1945 года. Дальнейший ее путь нами уже описан. Остается только проиллюстрировать его нижеследующими фотографиями. Судя по этим снимкам, она мужественно встретила свою судьбу и свою ужасную смерть. Ее отчаянное прошение президенту Польши о помиловании было отклонено. Глядя на фото на вкладке, невольно ловишь себя на мысли, что даже в петле Герда Штейнхофф висит с достоинством, которое только может остаться у публично повешенной за шею женщины...

Дженни Баркманн

Она была второй после Герды Штейнхофф обвиняемой на процессе, в отношении приговора которой судьи вряд ли долго совещались: так много в распоряжении следствия было фактов, уличающих Дженни Баркманн (в некоторых источниках она фигурирует с двойным именем как Дженни-Ванда Баркманн) в совершении тяжких преступлений против человечности.

На фотографии, помещенной на вкладке, изображена симпатичная молодая женщина (на момент казни ей исполнилось всего 24 года), но бывшие заключенные лагеря Штуттгоф заклеямили ее на процессе как «хладнокровного убийцу». И перечень предъявленных ей обвинений был тот же, что и у Герды Штейнхофф: участие в «селекциях» и жестокое обращение с заключенными.

Дженни родилась 31 октября 1922 года в Данциге в семье евангелистов Оскара Баркманна и Иды Дахл. Ее детство прошло в Новом Данцигском порту, недалеко от устья Вислы в доме № 3 по улице с распространенным немецким названием Вильгельмштрассе. Наверное, именно порт оказал на Дженни такое влияние, что она выросла разбитной и не очень задумывающейся о жизни особой. Известно, что она бросила школу и пошла зарабатывать на жизнь – сначала продавщицей в кафе, затем официанткой. Не забывала она и о земных удовольствиях: не будучи в браке, родила сына (о его судьбе нам ничего не известно).

Осенью 1944 года она решает круто изменить свою судьбу и поступает на службу в должности надзирательницы концлагеря Штуттгоф-III. В этом качестве она пребывала с 10 октября 1944-го по 28 апреля 1945 года. В своих показаниях на суде Дженни не скрывала, что пошла на такую службу исключительно из-за хорошей оплаты. Эти деньги она, судя по всему, усердно отработывала: заключенные безумно боялись ее. Одна из свидетельниц обвинения, Тауба Савицкая, на суде показала, что Дженни Баркманн избивала заключенных-женщин палкой и даже убивала их. Как и в случае с Ирмой Грезе, не обошлось и без обвинений в том, что Дженни получала сексуальное удовольствие, избивая узников.

После окончания войны преступница попыталась скрыться, но 16 июля 1945 года была задержана на железнодорожном вокзале Данциг-Вржешч. Во время обыска при ней было обнаружено немного денег (50 злотых), два кошелька, две пары очков и несколько фотографий. История сохранила имя того, кто ее задержал и обыскал – некто Тадеуш Рожковский.

Нам неизвестно, пытались ли судьи во время процесса ответить на вопрос: кто или что сделали из этой девушки чудовищного монстра? То, что это была натура сильная и умеющая противостоять жизненным невзгодам, подтверждает хотя бы тот факт, что свой смертный приговор она выслушала спокойно (другие осужденные женщины рыдали), сказав при этом многозначительную фразу: «Жизнь – это удовольствие, а удовольствия обычно коротки». (Впрочем, есть и другая версия, согласно которой эти слова Дженни произнесла после принудительного посещения концлагеря Штуттгоф. Там она улыбалась даже при виде целой горы оставшейся детской обуви. Когда ее спросили, почему ее не печалит трагедия погибших детей, она якобы и произнесла вышеприведенные слова.) В любом случае мы уже никогда не узнаем, что было за этими словами: сожаление о трагически сложившейся жизни или просто досада на то, что приходится за все отвечать...

Во время процесса Дженни Баркманн была в центре внимания. Ее поведение было нередко просто вызывающим. Каждый день она изменяла прическу, похотывала и даже флиртовала с охранниками. Она постоянно вставала и выкрикивала, когда давали показания представители обвинения. Впрочем, отрицать все обвинения в свой адрес Дженни и не пыталась. Когда после очередного судебного заседания ее вместе с другими обвиняемыми на автобусе отвозили в данцигскую тюрьму, то по дороге Дженни обычно запевала свои любимые песни: «Песню моей Варшавы» или «Жизнь коротка». В последней из них были такие слова: «Жизнь коротка, и с каждым днем и с каждым годом все короче». Эти слова, видимо, и были лейтмотивом всей ее короткой жизни, закончившейся на виселице.

Дженни Баркманн единственная из пяти осужденных на смертную казнь женщин не подала прошения о помиловании. Надо сказать, что и на эшафоте Дженни вела себя мужественно, не проявляя никаких признаков раскаяния или страха. На приводимых в иллюстрациях фотографиях хорошо видно, что она сидит на стуле со связанными руками и прямой спиной, всем своим видом игнорируя окружающих. Очевидцы казни утверждают, что и будучи поставленной на стул она стояла на нем все так же прямо, вплоть до того момента, пока «ее» грузовик не отъехал прочь.

...Она была повешена одной из первых, и ей, судя по всему, досталась нелегкая смерть. Ее палач подтянул веревку так, чтобы падение Дженни со стула не было слишком долгим и не повредило ей шейные позвонки (обратное бывает чаще и обычно избавляет казнимого от предсмертных мучений). Поэтому бывшая надзирательница, видимо, какое-то время оставалась в сознании и дергалась в предсмертных конвульсиях на глазах ревущей и проклинаящей ее толпы. На фотографиях, запечатлевших эти секунды, видно, как Дженни судорожно выгибает свои связанные за спиной руки, пучок волос со скрепкой сполз на ее левую щеку, а с ее правой ноги сваливается тюремный башмак...

...И все-таки странное ощущение оставляют фотографии Дженни Баркманн, сделанные по ходу судебного процесса. Создается такое ощущение, что нашу героиню периодически подменяли – настолько она порой непохожа сама на себя. Тем не менее, сомневаться не приходится – это она, Дженни Ванда Баркманн, «Прекрасное Привидение», жестокая надзирательница концлагеря Штуттгоф.

Элизабет Беккер

Она была самой молодой из пяти повешенных надзирательниц Штуттгофа – 20 июля 1946-го ей исполнилось бы 23 года. Об этой женщине нам известно, что она родилась в немецкой семье в местечке Нойтейх (польское название Нови Став), недалеко от Данцига, в доме № 3 по Файервебштрассе. Судя по всему, жизнь ее не баловала, так как она рано начала трудиться и не закончила школу. Сначала она работала трамвайным кондуктором – с 1938-го по 1940 год. Затем, в 1940–1941 годах, работала в строительной фирме «Докендорф». И, наконец, до 1944 года – в муниципалитете своего родного Нойтейха помощником по сельскому хозяйству главы администрации. К этому времени Элизабет (Эльжбета) Беккер была уже членом нацистской партии – НСДАП, а до этого она состояла (как, впрочем, большинство ее ровесниц) в Союзе немецких девушек – БДМ.

Относительно начала ее службы надзирательницей в концлагере Штуттгоф-III источники расходятся во мнении: одни утверждают, что Элизабет начала ее в мае 1944 года, другие же упоминают сентябрь того же года. Нам представляется более вероятной вторая дата, а если это так, то стаж лагерной службы Элизабет Беккер получается совсем небольшим: ведь с 15 января 1945 года и до своего ареста (прямо в больнице) 13 апреля того же года она была больна возвратным брюшным тифом и не выходила на службу.

Будучи приговоренной к повешению, Элизабет Беккер подала президенту Польши Болеславу Беруту прошение о помиловании. И надо сказать,

что в этом ее поддержал и сам суд, вынесший ей смертный приговор: он считал возможным смягчить наказание до пятнадцати лет лишения свободы. При этом суд исходил из того, что вина приговоренной хотя и велика, но не столь тяжела, как, например, у Герды Штейнхофф и Дженни Баркманн. В отличие от них, Элизабет Беккер не принимала участие в «селекциях», хотя и препровождала, как утверждало обвинение, обреченных узников в газовые камеры и занималась рукоприкладством, то есть попросту избивала вверенных ей заключенных.

Но президент Польши Болеслав Берут не был мягкосердечным человеком, и в помиловании было отказано. А потому вечером 4 июля 1946 года Элизабет Беккер встретила свою смерть на виселице.

По свидетельству очевидцев, Элизабет умерла последней из пяти повешенных женщин. А перед этим она долго билась в мучительных предсмертных конвульсиях: ее молодое, сильное тело изо всех сил сопротивлялось, не желая принимать столь страшную и преждевременную для него смерть...

Ванда Клафф

Ее судьба как две капли воды похожа на судьбу Герды Штейнхофф, с которой она наверняка была, по меньшей мере, знакома еще до службы в лагере. Вполне возможно также, что одна из них поспособствовала «трудоустройству» своей подруги.

Родилась Ванда Клафф 6 марта 1922 года в Данциге в семье немца – водителя трамвая Людвига Калацински (в 1941 году он взял себе немецкую фамилию Кальден). В 1938 году Ванда оставила гимназию и пошла работать – сначала на фабрику джемов, где проработала четыре года, а в 1942 году – кондуктором трамвая. К моменту поступления на службу в СС – это произошло в 1944 году – она уже была замужем за Вилли Клаффом. Насколько нам известно, детей у нее не было.

Деятельность этой фрау в филиалах Штуттгофа (до 5 октября 1944 года – концлагерь Прауст, позднее – концлагерь Руссочин) была отмечена тем же набором преступлений против человечности, что и у двух предыдущих персонажей – Герды Штайнхофф и Дженни Баркманн. Причем Ванда, похоже, не раскаивалась в содеянном. Во всяком случае, на процессе она без тени смущения заявила, что была «очень умна и предназначена для работы в лагере», а поэтому «...каждый день... была по крайней мере двух заключенных».

Арестовали ее 11 июня 1945 года на квартире родителей, в Данциге (ставшим уже польским Гданьском), по улице Пауля Берикевега, 187.

Судьба с лихвой отыгралась на ней за ее циничные слова на процессе: смертный приговор Ванде Клафф привела в исполнение одна из ее бывших «подопечных» – узниц концлагеря. В иллюстрациях мы приводим два редких снимка: женщина-палач вместе со своей жертвой. Что там ни говори о справедливом возмездии (кстати, мужчина в черном костюме и белой рубашке без галстука – чиновник, зачитавший приговор, возможно – судья), но что может быть ужасней, когда женщина казнит женщину на глазах многих тысяч зрителей? О времена, о нравы...

По этим же снимкам, сделанным во время совершения казни, нельзя не заметить, что именно Ванда выделялась среди пятерых осужденных женщин своей короткой юбкой, столь же вызывающей, сколь и неуместной для данной процедуры. Наверное, и в этом проявилась ее натура самолюбивой, кокетливой и роковой женщины. Впрочем, на этот раз рок оказался явно не на ее стороне.

Мы не случайно поместили в иллюстрациях рядом две фотографии Ванды Клафф: первая запечатлела ее на скамье подсудимых, а вторая – ее увеличенное изображение с уже приводимого нами группового фото бывших надзирательниц. Оно было сделано во время принудительного визита обвиняемых в тот самый концлагерь, где наши персонажи исполняли свою службу. Нетрудно заметить большую разницу в этих снимках. Кажется,

именно во время пребывания в своих бывших «владениях» Ванда Клафф стала понимать, что все может закончиться для нее очень плохо.

В последние минуты жизни ей, судя по всему, окончательно отказало самообладание. Во всяком случае, очевидцы утверждают, что перед казнью Ванда пошатывалась, из-за чего женщина-палач и другие, стоящие рядом в кузове, были вынуждены ее поддерживать (это хорошо видно на одном из фото). Поэтому Клафф, единственную из всех казнимых, не поставили на стул перед тем, как отъехал ее грузовик.

Ева Парадиз

Родилась 17 декабря 1920 года в Лаутенбурге, в семье евангелистов, в доме № 100 по Нойендорфенштрассе. В 1935 году Ева оставила школу и стала работать трамвайным кондуктором – в своем родном Лаутенбурге, а также в Вуппертале и Эрфурте. Как и свои будущие поделницы, в 1944 году она поступила на службу в СС и с августа того же года служила надзирательницей в концлагере Штуттгоф-III. В октябре 1944 года ее переводят в другой филиал Штуттгофа – Бромберг-Ост, но в январе 1945 года возвращают обратно. По свидетельству очевидцев, она не знала жалости к заключенным, прежде всего к женщинам. Особенно это проявилось во время эвакуации лагеря, в ходе которой из-за бесчеловечных условий погибли тысячи людей. Так, на суде свидетели утверждали, что Ева Парадиз обливала узников, стоящих на морозе в снегу, холодной водой.

Окончание войны застало Еву в Лаутенбурге. Ей даже удалось устроиться работать на почту, но уже в мае 1945 года она была арестована. А через год, 31 мая 1946 года, она в числе пяти надзирательниц лагеря смерти Штуттгоф была приговорена к смертной казни через повешение.

Фотограф запечатлел ее общение со священником перед исполнением приговора, чего, судя по всему, не сделали ее подружки по несчастью. По фотографиям казни также видно, что Ева Парадиз была казнена последней, но вряд ли ей доставили удовольствие эти несколько лишних мгновений ее

короткой жизни (по иронии судьбы, ее фамилия также переводится как «удовольствие»). Особенно драматично выглядит вторая из приводимых в иллюстрациях фотографий: две из осужденных женщин уже повешены, две других через мгновения последуют за ними, а палач Евы, видимо, замешкавшись, еще поправляет петлю на ее шее. Воздух уже насыщен газами от выхлопов отъезжающих грузовиков... Третье фото в комментариях не нуждается...

4.4.2. Последующие Штуттгофские процессы

Все они состоялись уже в следующем, 1947-м, году.

Второй процесс проходил с 8 по 31 января 1947 года. Перед судом предстали 24 бывших охранника-мужчины. Все были признаны виновными. 10 из них были приговорены к смертной казни и повешены 10 октября того же года (но уже не публично). Остальные приговорены к различным срокам лишения свободы – от трех лет до пожизненного заключения (см. прил. 16).

Третий процесс проходил с 5 по 10 ноября 1947 года. К ответственности были привлечены 20 бывших охранников-мужчин. Из них признаны виновными 19 (один оправдан). Все виновные были приговорены к различным срокам лишения свободы – от 3 до 12 лет (см. прил. 17).

Четвертый процесс состоялся сразу же вслед за предыдущим – с 19 по 29 ноября все того же 1947 года. На скамье подсудимых находились 27 бывших охранников-мужчин. Из них виновными были признаны 26 (один оправдан). Все виновные были приговорены к различным срокам лишения свободы – от 7 месяцев (!) до пожизненного заключения (см. прил. 18).

Как видно из приведенных данных, строже всего были осуждены те охранники, которые попали в руки польского правосудия сразу после окончания войны и судились на первых двух процессах (кстати, женщины-охранники фигурировали только на самом первом из них). Конечно, дело тут не в том, что всех самых крупных злодеев удалось изловить весной и летом 1945 года, а в том, что война и всё, с ней связанное, так или иначе уходили в

историю и правосудие переходило на «мирные» рельсы. Цивилизованные же каноны мирного времени не позволяли даже преступников, виновных в страшных злодеяниях, вешать десятками (впрочем, это касается не всех стран. Например, в соседней Чехословакии до 1948 года были повешены сотни людей, в том числе несколько десятков женщин, о чем будет рассказано ниже).

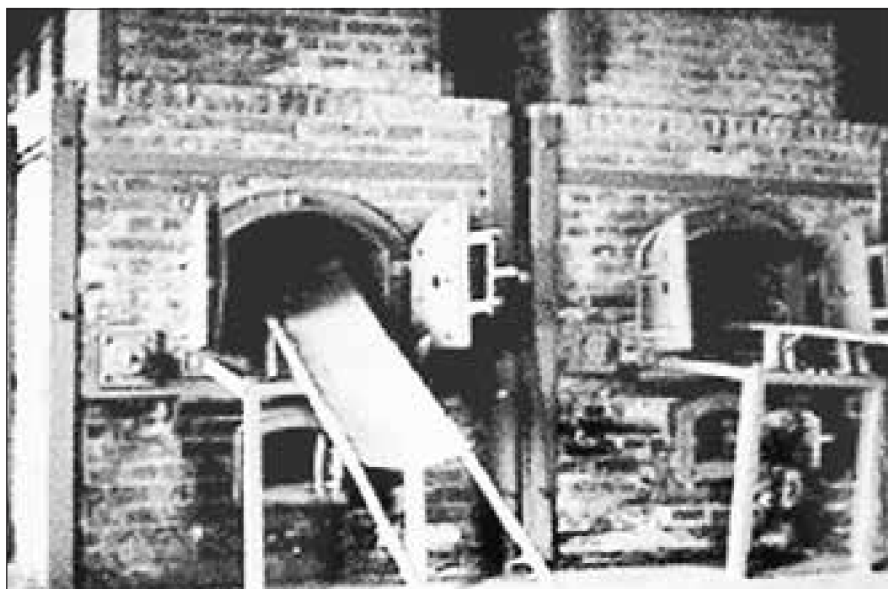
Иллюстрации

Последний комендант лагеря
И.Паулс

Он же со своими brave и
подручными

Печи лагерного крематория

Расправа...

Так выглядел концентрационный лагерь Штуттгоф после освобождения...

...А так он выглядит в наши дни, став музеем

Так сегодня выглядит бывший лагерный крематорий

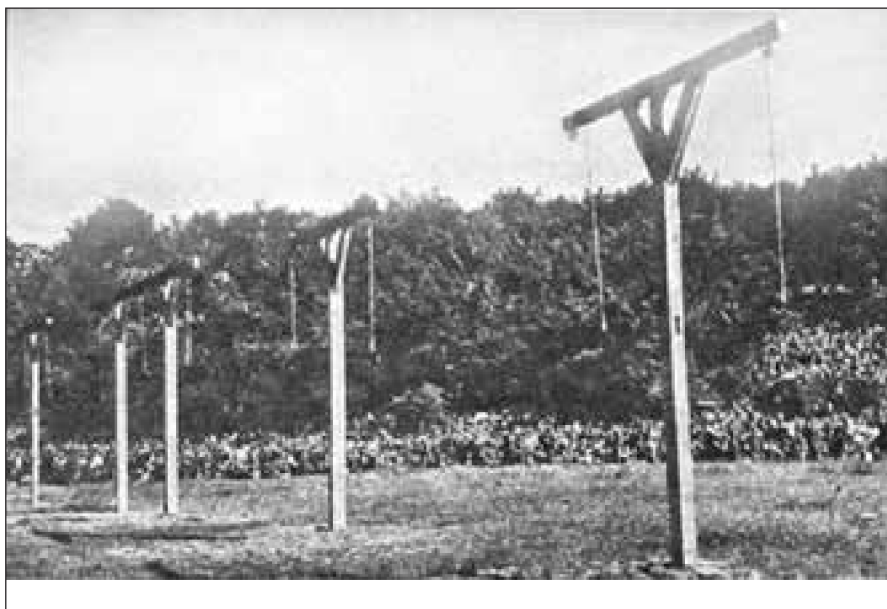
Стела на подъезде к бывшему концлагерю

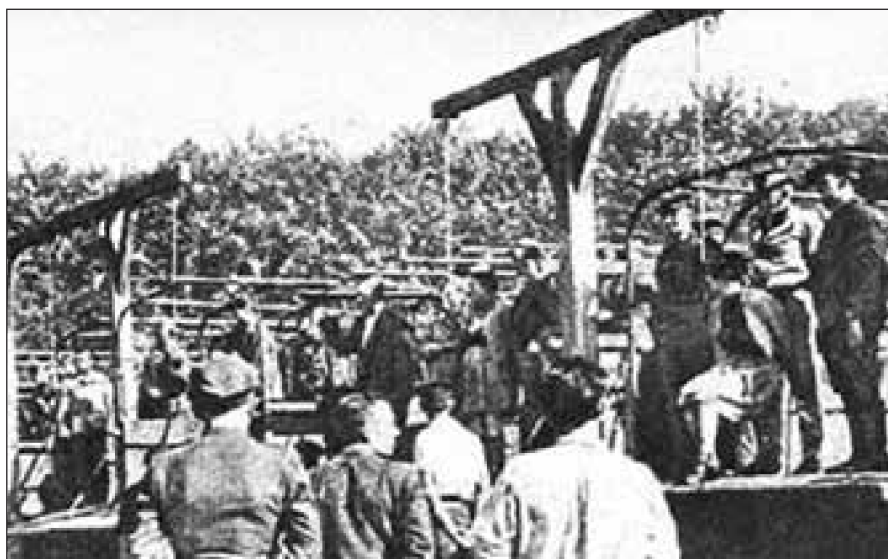
Весна 1946 года... Бывшие надзирательницы под конвоем в своих бывших «владениях» – на территории концлагеря Штуттгоф. Им есть что вспомнить...

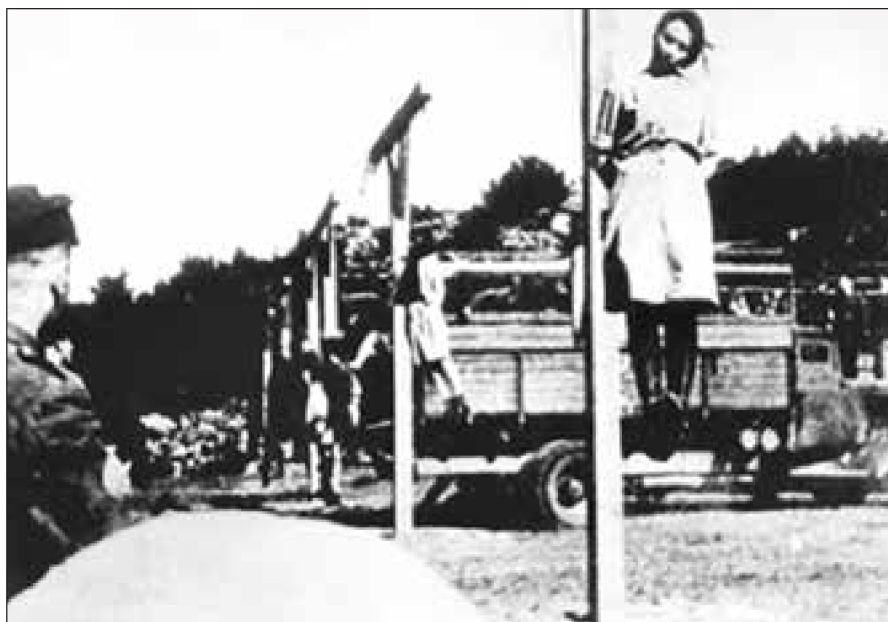
Скамья подсудимых первого Штуттгофского процесса.
Первый ряд слева направо: Э.Беккер, Г.Штейнхофф и В.Клафф.
Во втором ряду сидят Э.Бейлхард (закрывает лицо рукой) и Д.Баркманн

4 июля 1946 года на Бискупсей горке близ Данцига. Виселицы ожидают свои жертвы...

Зачитывается приговор. Под тремя ближайшими виселицами (справ налево):
Э.Беккер (сидит), В.Клафф и Г.Штейнхофф. Через несколько минут начнется казнь...

Казнь началась... Один за другим отъезжают грузовики. На переднем плане – Д.Баркманн

Герда Штейнхофф...

...и ее награда, ставшая фактически
пропуском на эшафот

Герда Штейнхофф на процессе...

...на эшафоте...

...и на виселице

Дженни Баркманн
сразу после задержания

Д.Баркманн со своим адвокатом. Она еще не знает, что он ничем не сможет ей помочь...

Снимок Д.Баркманн на фоне горы детской обуви в Штуттгофе

Д.Баркманн выслушивает свой смертный приговор...

...А это кадры из фильма, снятого по ходу процесса: Дженни Баркманн на скамье подсудимых. Обратите внимание, как она постарела: на правом снимке ей никак нельзя дать 24 года. Похоже, надежда тает...

...А теперь уже нет и надежды...
Ни малейшей...

Всё...

Элизабет Беккер

Э.Беккер и ее палач
в полосатой робе
узника концлагеря

Конец...

Ванда Клафф

В.Клафф на эшафоте. Рядом – женщина-палач.
О времена, о нравы...

В.Клафф проваливается в преисподнюю... Палач ликует...

Ева Парадиз получает последнее
напутствие от пастора...

Последние мгновения...

Е.Парадиз (слева) и Д.Баркманн.
Народ получил желанное зрелище...

Глава V

Чехословакия

После Второй мировой войны в Чехословакии, как и в других государствах, подвергшихся гитлеровской оккупации, проходил процесс выявления и наказания коллаборационистов. Но именно в его рамках в этой стране репрессиям и изгнанию подвергся целый народ, составлявший по численности примерно четверть населения всей страны, – судетские немцы. По разным оценкам, из Чехословакии в 1945–1947 годах было выдворено от 2,4 до более чем 3 миллионов человек. Эта тема долгое время была табуирована в Чехии, но в настоящее время вновь обсуждается, в том числе и в чешско-германских отношениях. О жестокостях при выселении немцев (что привело к гибели, как минимум, нескольких тысяч человек) публично высказывался ряд известных чешских политиков. Была подписана чешско-немецкая декларация об осуждении чешской стороной актов насилия при выселении немцев¹.

Юридическим обоснованием послевоенных репрессий в Чехословакии послужили так называемые декреты Эдварда Бенеша – целый ряд указов чехословацкого президента, которые были приняты как во время пребывания правительства в изгнании с 1940 года, так и сразу по возвращении его в страну в 1945 году. Уже в апреле 1945 года был издан указ, обвиняющий чехословацких немцев в участии в преступлениях против чехов и словаков, что давало «законный» повод для изгнания их из страны (кстати, вместе с ними заодно изгнали и 70 000 венгров). В июле 1945 года был издан указ о конфискации сельскохозяйственной собственности «немцев, венгров, предателей и коллаборационистов». А в промежутке между этими актами, 19 июня 1945 года, президент Эдвард Бенеш подписал декрет № 16/1945 «О наказании нацистских преступников, изменников и их пособников и о чрезвычайных народных судах». Этот документ получил неофициальное название «Декрет о воздаянии».

¹ Изгнание немцев из Чехословакии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 03.08.2013).

Все вышеуказанные документы были фактически санкционированы «большой тройкой» (СССР, США и Великобритания) на Потсдамской конференции 1945 года, а 28 марта 1946 года (сразу же после проведения парламентских выборов в Чехословакии) приобрели статус закона, утвержденного Временным национальным собранием, став частью законодательства страны. До окончания его действия в 1947 году 24 чрезвычайных народных суда предъявили обвинения 38 тысячам человек, из них 713 были приговорены к смертной казни (среди них было 475 немцев и 234 чеха), 741 – к пожизненному заключению (443 немца и 293 чеха), а более 20 тысяч – к меньшим срокам лишения свободы².

Репрессии против «коллорабационистов» продолжались и после прекращения действия декрета: последняя такая казнь состоялась 11 февраля 1949 года. Всего же за коллаборационизм в послевоенной Чехословакии, по нашим подсчетам, было казнено 739 человек.

Масштабы репрессий в послевоенной Чехословакии впечатляют еще и потому, что за «коллорабационизм» на виселицу нередко отправлялись женщины. В течение менее чем двух лет – с августа 1945-го по май 1947 года в этой стране по данному обвинению были повешены, по нашим подсчетам, по крайней мере, 64 из 67 казненных женщин. Еще две были повешены в «победном» (для коммунистов) 1948 году. Если вспомнить уже упомянутую нами цифру – 739 человек, казненных за «коллорабационизм», то получается, что почти каждым десятым повешенным была женщина.

Работая над этой книгой, мы вступили в переписку с Министерством внутренних дел нынешней Чехии. Нас интересовал, прежде всего, характер преступлений, совершенных осужденными женщинами. Мы получили несколько ответов, из которых явствует, что женщин (в основном судетских немок) отправляли на эшафот за «членство в нацистских организациях, поддержку и пропаганду нацистского движения, содействие потере свободы, предательство республики». В других полученных нами от МВД Чехии

² Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке. URL: <http://ru.scribd.com> (дата обращения: 03.08.2013).

ответах утверждалось, что «все женщины, казненные в Чехословакии в 1945–1948 годах, были наказаны или за коллаборацию с нацистскими оккупантами, или за совершение криминальных преступлений – убийств».

Несомненно, что среди казненных женщин были и те, кто сотрудничал с СС и другими карательными органами Третьего рейха (а поэтому представляют интерес для нашего повествования). Для сведения читателей мы публикуем в приложении список всех казненных в послевоенные годы за коллаборационизм женщин Чехословакии (см. прил. 22). Что касается подробных сведений, то мы располагаем некоторым их объемом только об одной «валькирии» – Рут Гилднер (Гилднеровой). Кроме нее, в Интернете можно найти также упоминание о некоей Марии Риттиховой (13.12.1923–08.01.1947 гг.), казненной в Брно за сотрудничество с гестапо³.

Рут Гилднер (Гилднерова)

В источниках упоминается ее двойное имя – Рут-Эльфрида.

О ней мы знаем очень мало. Известно только, что она родилась 1 ноября 1919 года в местечке Норимберг в Германии. Службу начала надзирательницей в концлагере Равенсбрюк в 1944 году. После этого она была откомандирована в концлагерь Дахау, а затем в один из филиалов Флоссенбурга – концлагерь Хелмбрехт. С приближением американских войск данный филиал был эвакуирован в Цводау – другой филиал Флоссенбурга, находившийся на территории Чехословакии. Эвакуация была организована в форме «марша смерти», во время которого погибли многие заключенные. При этом, как утверждали свидетели, Гилднер проявила особую свирепость. Марш не удалось завершить – наступил май 1945-го. Смешавшись с толпами беженцев, Гилднер осела Чехословакии, считая, видимо, что там ей удастся скрыться и избежать ответственности.

³ Černý V. Disertační práce. URL: http://is.muni.cz/th/16005/ff_d/Kopie_2_-_PROTIPARTYZANSKE_OPERACE_NACISTICKEHO_BEZPECNOSTNIHO_.pdf (дата обращения: 04.08.2013); Seznam popravených pro retribuční trestné činy v ČSR. URL: <http://forum.valka.cz/viewtopic.php/t/27360> (дата обращения: 04.08.2013).

Но ее расчетам не суждено было сбыться – спустя какие-то месяцы она была арестована чехословацкой полицией и предана суду. Рут Гилднер были предъявлены обвинения, как видно из вышеприведенной таблицы, по параграфам 3, 5 и 6 упомянутого декрета президента Чехословакии Эдварда Бенеша. Приговорена к смертной казни и повешена в Писеке (Чехословакия) 2 мая 1947 года в возрасте 28 лет.

Заключение

Начиная работу над этой книгой, мы ставили перед собой одну главную цель – донести до российского читателя тот пласт исторической информации о наказании немецко-фашистских преступников, который в свое время оказался недоступен читателю советскому, а позднее – российскому. Наше мнение о причинах известного замалчивания, а еще больше – необъективного освещения данной темы в советской исторической и периодической литературе, мы высказали. Естественно, далеко не все согласятся с нами. Тем не менее, факты – вещь упрямая. А они свидетельствуют о том, что и прежний советский, и нынешний российский читатель в массе своей до сих пор находятся в плену сложившихся стереотипов и неведении относительно мощного процесса денацификации, прокатившегося по Западной Европе (и прежде всего – по Германии) в послевоенные годы.

До сих пор многие россияне (несмотря на ряд опубликованных произведений, раскрывающих людоедскую сущность сталинизма) уверены, что концентрационные лагеря – это история гитлеровской Германии, но никак не наша. Они почему-то не знают, что **наша** система концлагерей была не менее (если не более) страшной, чем гитлеровская. Они почему-то уверены, что только **там** были садисты-коменданты лагерей и только в **их** лагерях в огромном количестве гибли люди. Они почему-то не знают (или не хотят знать?) что и у нас было полно **своих** Гессов, Либехеншелей и Крамеров, ублюдков-надзирателей, палачей-исполнителей и доморощенных гестаповцев-энкаведэшников.

И все это благодаря тому, что в наших книгах, газетах и журналах все долгие послевоенные годы можно было прочитать о коменданте Освенцима Гессе и его преступлениях, но до 1985 года нельзя было найти ни строчки, например, о начальнике Севвостлага¹ садисте Гаранине. А он в 1930-х годах за один свой приезд в какой-либо лагерь мог расстрелять просто так (!)

¹ Северо-восточный лагерь ГУЛага.

несколько десятков заключенных² (тут и Гессу было до него далеко). Аналогичными «подвигами» прославился некий капитан НКВД Кашкетин – на его черной совести тысячи расстрелянных политзаключенных в воркутинско-печорских лагерях³.

Советская страна с мрачно-торжественным упоением распевала песню «Бухенвальдский набат» (помните: «Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд...») не понимая, что ее строки напрямую относятся и к ней самой. В наших учебниках истории можно было прочесть о том, как гибли от голода и лишений в немецких лагерях советские военнопленные, но лишь во второй половине 1980-х Георгию Жженову дали возможность опубликовать следующие страшные строки о том, что он пережил в колымском лагере в одну из военных зим: «Приближающаяся смерть уже не пугала, а скорее была желанной. В эту зиму смерть стала привычным, не вызывающим никаких сострадательных эмоций явлением. Из семисот с лишним человек, населявших лагерь, перезимовала только половина» (выделено нами. – В.М.)⁴.

Таким образом, до сих пор многие российские граждане наивно полагают, что уж в нашей-то стране фашизма никогда не было, хотя при этом не могут внятно объяснить разницу между его коричнево-гитлеровской и красно-сталинской разновидностями. Другие же, говоря словами известного писателя Сергея Довлатова, «...может быть и ненавидят тиранию, но при этом чувствуют уважение к ее масштабам»⁵.

Теперь, с высоты прошедших десятков лет, особенно отчетливо понимаешь, что мало было просто «сломать хребет фашистскому зверю». Гораздо сложнее оказалось разоружить фашизм идеологически, сделав при этом порой нелицеприятные выводы и о самих себе. Те самые выводы, которые смог (к его чести) сделать немецкий народ, навсегда предавший

² Голованов Я.К. Королев. М., 1994. С. 269.

³ Этингер Я.Я. Указ. соч. С. 194–195.

⁴ Жженов Г.С. От «Глухаря» до «Жар-птицы»: Повести и рассказы. М., 1989. С. 60.

⁵ Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. С.-П., 2000. Т. 2. С. 317.

проклятию нацистскую идеологию и нашедший в себе совесть и мужество принести покаяние перед всем миром. И те самые выводы, которые твердолюбо не желает делать теперь уже общество российское, упорно полагающее, что никаких грехов на нем нет и каяться ему не в чем.

В своей книге мы рассказали почти, – а порой и совсем – неизвестные факты осуждения нацистских преступников (прежде всего – преступниц) за совершенные ими злодеяния против человечности. И сделали это не только с просветительской целью, но и с тем, чтобы наш вдумчивый читатель (другим эта книга будет просто неинтересна) смог «наложить» преступления нацистов и наказания, которые они понесли, на известные ему преступления наших доморощенных садистов. И сделал бы неизбежный вывод, который сделали мы. А вывод этот состоит в следующем: *если бы состоялся Второй Нюрнбергский процесс и по тем же меркам, по которым он осудил преступников нацистских, осудил бы и преступников сталинских, то для них не хватило бы виселиц, даже если ими уставить всю дорогу от Магадана до Москвы и обратно...*

У читателя, прочитавшего наш труд, вполне вероятно могут возникнуть вопросы: а как сам автор относится к персонажам своей книги? Не жаль ли ему хотя бы кого-то из них? И можно ли вообще жалеть этих преступниц? Насчет «можно ли» сошлемся на воспоминания Альберта Пьерпойнта, того самого палача, который казнил многих их упомянутых в нашей книге «валькирий SS». Он так выразил свои чувства: «Я знал, что их преступления были чудовищны, но не мог не чувствовать жалости к ним». (На что один из английских солдат резонно заметил ему, что если бы Пьерпойнт побывал в Берген-Бельзене в качестве заключенного, то его чувства были бы несколько иными.)

Да, все это так. И все-таки честно ответим: по крайней мере, большинство персонажей, биографии которых мы изложили в нашей книге, нам совершенно искренне жаль. Жаль уже потому, что это в основном были женщины молодые и неискушенные в жизни, у которых она могла сложиться

совсем по-другому, не попади они в тиски сложных и трагических обстоятельств. Жаль уже потому, что по-христиански жалости достоин каждый страждущий. Наконец, жаль уже потому, что любой палач, как известно, является одновременно и жертвой... Впрочем, вдумчивый читатель все это понимает и без разъяснений.

Нисколько не сомневаемся в том, что в нашей работе, как и во всякой другой, есть свои недостатки и недоработки, промахи и недочеты. Вместе с тем мы старались написать ее с максимально возможной искренностью и доступностью. Поэтому с благодарностью и пониманием примем любую непредвзятую критику в свой адрес.

Закончим же мы свою работу тем, что еще раз повторим старую, проверенную горьким человеческим опытом истину: кто не помнит о своем прошлом, тот обречен пережить его вновь.

Благодарим каждого, у кого хватило сил дочитать эту грустную книгу до конца. Спасибо.

Первый Берген-Бельзенский процесс

Проходил в Люнебурге (Германия) с 17 сентября по 17 ноября 1945 года. Перед британским военным трибуналом предстали 45 бывших сотрудников концлагеря Берген-Бельзен (в том числе 19 женщин) во главе с комендантом гауптштурмфюрером СС Йозефом Крамером. Из этого количества привлеченных к ответственности 14 человек были оправданы, а один – Ладислав Гура – признан невменяемым и освобожден от ответственности. Остальные признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Иоганна Борман – смертная казнь через повешение (казнена 13.12.1945).
2. Петер Вейнгартнер – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
3. Ирма Грезе – смертная казнь через повешение (казнена 13.12.1945).
4. Вильгельм Дёрр – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
5. Фриц Клейн – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
6. Йозеф Крамер – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
7. Анхор Пихен – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
8. Элизабет Фолкенрат – смертная казнь через повешение (казнена 13.12.1945).
9. Карл Франжье – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
10. Франц Хесслер – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
11. Франц Штофель – смертная казнь через повешение (казнен 13.12.1945).
12. Эрих Зоддель – пожизненное заключение (впоследствии, уже на другом процессе, приговорен к смертной казни и повешен).
13. Отто Кулесса – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1955 году).
14. Хелен Копшер – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1952 году).
15. Владислав Островски – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1955 году).

16. Генрих Шрейер – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1950 году).
17. Герда Элерт – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1953 году).
18. Антони Аурдзиг – 10 лет лишения свободы (освобожден в 1952 году).
19. Герда Боте – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).
20. Гертруда Зауэр – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).
21. Ирен Гашке – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).
22. Хильде Лобауэр – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1950 году).
23. Йоганна Рот – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1950 году).
24. Станислава Староцка – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1950 году).
25. Ильзе Форстер – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).
26. Анна Хемпель – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).
27. Медислав Бургграф – 5 лет лишения свободы (освобожден в 1949 году).
28. Гертруда Фиест – 5 лет лишения свободы (освобождена в 1949 году).
29. Фрида Вальтер – 3 года лишения свободы.
30. Хильде Лизивиц – 1 год лишения свободы.

Оправданы:

1. Эрик Барш.
2. Йозеф Клиппель.
3. Шарлотта Клейн.
4. Георг Крафт.
5. Ильзе Лотте.
6. Фриц Матес.
7. Клара Опиц.
8. Вальтер Отто.
9. Антони Полански.
10. Ида Форстер.
11. Хильдегард Ханель.
12. Игнац Шломович.
13. Оскар Шмиц.
14. Карл Егерсдорф.

Второй Берген-Бельзенский процесс

Проходил с 16 по 30 мая 1946 года в Целле (Германия). Перед британским военным трибуналом предстали 9 бывших сотрудников концлагеря, в том числе 3 женщины. Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вальтер Квакернак – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).
2. Гейнц-Зюдер Гейдеманн – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).
3. Генрих Редехаке – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).
4. Казимир Цегилски – смертная казнь через повешение (казнен 11.10.1946).
5. Теодор Вагнер – 20 лет лишения свободы (освобожден в 1954 году).
6. Карл Шмитт – 15 лет лишения свободы (дата освобождения неизвестна).
7. Гертруда Гейзе – 15 лет лишения свободы (в 1946 году срок снижен до 7 лет).
8. Марта Линке – 12 лет лишения свободы (в 1946 году срок снижен до 7 лет).
9. Аннелизе Кольманн – 2 года лишения свободы.

Первый Равенсбрюкский процесс

Проходил с 5 декабря 1946 по 3 февраля 1947 года в Гамбурге (Германия). Перед межсоюзническим судом предстали 16 бывших служащих концлагеря Равенсбрюк, в том числе 7 женщин. Один обвиняемый – Адольф Винкельман – умер в день объявления приговора от апоплексического удара, поэтому приговор ему не выносился. Все остальные были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Грета Бёзель – смертная казнь через повешение (казнена 02.05.1947).
2. Густав Биндер – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
3. Доротея Бинц – смертная казнь через повешение (казнена 02.05.1947).
4. Вера Зальвекварт – смертная казнь через повешение (казнена 26.06.1947).
5. Кармен Мори – смертная казнь через повешение (покончила с собой 09.04.1947).
6. Элизабет Маршалл – смертная казнь через повешение (казнена 02.05.1947).
7. Людвиг Рэмдорф – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
8. Рольф Розенталь – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
9. Персиваль Трейте – смертная казнь через повешение (покончил с собой 08.04.1947).
10. Йоганн Шварцхубер – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
11. Герхард Шидловски – смертная казнь через повешение (казнен 03.05.1947).
12. Генрих Петерс – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1954 году).
13. Мартин Хеллинггер – 15 лет лишения свободы (освобожден в 1955 году).
14. Маргарет Мевес – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1952 году).
15. Евгения ван Скене – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).

Второй Равенсбрюкский процесс

Проходил с 5 по 24 ноября 1947 года в Гамбурге (Германия). На нем в качестве обвиняемого фигурировал всего один человек – бывший эсэсовский руководитель концлагеря Равенсбрюк Фридрих Опиц, сбежавший из лагеря для интернированных накануне первого Равенсбрюкского процесса. Поэтому он «удостоился» персонального разбирательства. Впрочем, это мало ему помогло: суд приговорил его к смертной казни через повешение. Казнь состоялась 26 февраля 1948 года в гамельнской тюрьме.

Третий Равенсбрюкский процесс

Проходил с 14 по 26 апреля 1948 года в Гамбурге (Германия). Перед судом предстали пять женщин – бывших служащих СС из молодежного лагеря Уккермарк и концлагеря Равенсбрюк.

Лотте Тоберенц, начальница концлагеря Уккермарк, и надзирательница Иоганна Браах были оправданы. Остальные трое были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Рут Клозиус-Нойдек – смертная казнь через повешение (казнена 29.07.1948).
2. Маргарет Рабе – пожизненное заключение (в 1950 году срок наказания был снижен до 21 года, а в 1955 году – до 20 лет. В 1957 году освобождена).
3. Эльфрида Монеке – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1952 году).

Четвертый Равенсбрюкский процесс

Проходил с мая по 4 июня 1948 года в Гамбурге (Германия). Обвинялись нацистские медицинские работники концлагеря Равенсбрюк в количестве пяти человек, в том числе три женщины-медицинские сестры (из них одна – Герда Ганцер – сама была заключенной). Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вальтер Зоннтаг – смертная казнь через повешение (казнен 17.09.1948).
2. Бенно Оренди – смертная казнь через повешение (казнен 17.09.1948).
3. Герда Ганцер – смертная казнь через повешение (заменена на пожизненное заключение 3 июля 1948 года. В 1950 году срок снижен до 21 года, а в 1954 году – до 12 лет лишения свободы. Освобождена 06.06.1961).
4. Марта Хаак – 10 лет лишения свободы (освобождена в 1951 году).
5. Лизбет Крцок – 4 года лишения свободы (освобождена в 1951 году).

Пятый Равенсбрюкский процесс

Проходил с 16 по 29 июня 1948 года в Гамбурге (Германия). В убийствах и истязаниях заключенных обвинялись трое мужчин-эсэсовцев, занимавших различные должности в концлагере Равенсбрюк. Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Артур Конрад – смертная казнь через повешение (казнен 17.09.1948).
2. Вальтер Шенк – 20 лет лишения свободы (освобожден 03.08.1954).
3. Генрих Шефер – 2 года лишения свободы (освобожден 28.10.1949).

Шестой Равенсбрюкский процесс

Проходил с 1 по 5 июля 1948 года в Гамбурге (Германия). В истязаниях заключенных обвинялись двое охранников-эсэсовцев. Оба были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Курт Лауэр – 15 лет лишения свободы (освобожден 07.05.1955).
2. Карл Раукслож – 10 лет лишения свободы (освобожден 26.09.1951).

Седьмой Равенсбрюкский процесс

Проходил со 2 по 21 июля 1948 года в Гамбурге (Германия). Он завершил собой серию Равенсбрюкских процессов. В истязаниях и «селекциях» заключенных обвинялись шесть надзирательниц концлагеря Равенсбрюк. Старшая надзирательница Анна Клейн и надзирательница Кристина Холтховер были оправданы. Остальным были вынесены следующие приговоры:

1. Эмма Циммер – смертная казнь через повешение (казнена 17.09.1948).
2. Гертруда Шрейтер – смертная казнь через повешение (казнена 20.09.1948).
3. Ильзе Феттерманн – 12 лет лишения свободы.
4. Луиза Брюннер – 3 года лишения свободы.

Процесс Рудольфа Гёсса

Проходил с 11 по 29 марта 1947 года в Кракове (Польша). На нем обвинялся только один человек – бывший комендант Освенцима-Аушвица гауптштурмфюрер Рудольф Гёсс. Если учесть более чем мрачную и одиозную известность Освенцима, то станет понятно, что иного приговора, кроме смертного, польский суд вынести просто не мог.

Рудольф Гёсс был повешен 16 апреля 1947 года в Освенциме.

Второй Освенцимский процесс¹

Проходил с 24 ноября по 22 декабря 1947 года в Кракове (Польша). Перед польским судом предстал 41 человек из числа персонала Аушвица (Освенцима), в том числе 5 женщин. Один обвиняемый, Ганс Мюнч, был оправдан. Остальные 40 были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Ганс Аумейер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
2. Терез-Рози Брандль – смертная казнь через повешение (казнена 24.01.1948).
3. Август Богуш – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
4. Артур Брейтвизер – смертная казнь через повешение (заменена на пожизненное заключение).
5. Фриц Бунтрок – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
6. Вильгельм Геринг – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
7. Пауль Гетце – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
8. Максимилиан Грабнер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
9. Генрих Йостен – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
10. Герман Кишнер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
11. Йозеф Коллмер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
12. Франц Краус – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
13. Йоганн Кремер – смертная казнь через повешение (заменена на пожизненное заключение).
14. Отто Латш – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
15. Артур Либехеншель – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).

¹ Первым Освенцимским процессом считается (и фактически им был) первый Берген-Бельзенский процесс, на котором целому ряду фигурантов вменялись в вину и преступления, совершенные ими в Освенциме. – В.М.

16. Герберт Людвиг – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
17. Мария Мандель – смертная казнь через повешение (казнена 24.01.1948).
18. Карл Мёкель – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
19. Курт Мюллер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
20. Эрих Мюнсфельд – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
21. Людвиг Плагге – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
22. Пауль Сжурек – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
23. Ганс Шумахер – смертная казнь через повешение (казнен 24.01.1948).
24. Луиза Данц – пожизненное заключение.
25. Карл Зейферт – пожизненное заключение.
26. Ганс Кох – пожизненное заключение.
27. Антон Лечнер – пожизненное заключение.
28. Адольф Медефинд – пожизненное заключение.
29. Детлеф Неббе – пожизненное заключение.
30. Освальд Кадук – 25 лет лишения свободы.
31. Йоганн Вебер – 15 лет лишения свободы.
32. Александр Бюлов – 15 лет лишения свободы.
33. Ганс Гоффманн – 15 лет лишения свободы.
34. Хильдегард Лачерт – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1956 году).
35. Эдвард Лоренц – 15 лет лишения свободы.
36. Алиса Орловски – 15 лет лишения свободы (освобождена в 1956 году).
37. Франц Ромейкат – 15 лет лишения свободы.
38. Ричард Шрёдер – 10 лет лишения свободы.
39. Эрих Дингес – 5 лет лишения свободы.
40. Карл Ешке – 3 года лишения свободы.

Иллюстрации

Рут Гилднер

Так выглядело место проведения казней в знаменитой пражской тюрьме Панкрац. Здесь на виселице встретили свою смерть 147 осужденных за коллаборационизм, в том числе – 20 женщин

Рудольф Гесс на процессе

Артур Либехеншель (запомните это лицо!).
Он был комендантом Майданека и Освенцима

А.Либехеншель и М.Мандель на процессе

22 декабря 1946 года. На «Процессе врачей» медицинский эксперт доктор Лео Александр демонстрирует шрамы на ноге Ядвиги Дзидо. Шрамы стали результатом медицинских экспериментов во время пребывания потерпевшей в Равенсбрюке.

Третий Освенцимский процесс

Проходил с 10 декабря 1963 по 10 августа 1965 года во Франкфурте-на-Майне (Германия). Перед судом предстали 22 бывших сотрудника Освенцима, все – мужчины. Из них четверо были оправданы, а остальные 18 приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вильгельм Богер – пожизненное заключение плюс 15 лет.
2. Йозеф Клер – пожизненное заключение плюс 15 лет.
3. Стефан Барецки – пожизненное заключение плюс 8 лет.
4. Эмиль Беднарек – пожизненное заключение.
5. Франц-Йоганн Гоффманн – пожизненное заключение.
6. Освальд Кадук² – пожизненное заключение.
7. Роберт Мулка – 14 лет лишения свободы.
8. Вилли Старк – 10 лет лишения свободы.
9. Виктор Капезиус – 9 лет лишения свободы.
10. Карл Гёккер – 7 лет лишения свободы.
11. Вилли Франк – 7 лет лишения свободы.
12. Бруно Шланге – 6 лет лишения свободы.
13. Клаус Дилевски – 5 лет лишения свободы.
14. Герберт Шерпе – 4 года 6 месяцев лишения свободы.
15. Фридрих Шлётер – 4 года 6 месяцев лишения свободы.
16. Перри Брод – 4 года лишения свободы.
17. Эмиль Хантль – 3 года 6 месяцев лишения свободы.
18. Франц Лукас – 3 года 3 месяца лишения свободы.

Оправданы:

1. Вилли Завацки.
2. Курт Ухленбрук.
3. Вилли Шац.
4. Йоганн Шёберт.

² На втором Освенцимском процессе уже был приговорен к 25 годам лишения свободы. – В.М.

Первый Майданекский процесс

Проходил в Люблине (Польша) с 27 ноября по 2 декабря 1944 года, вскоре после освобождения Майданека. Перед советско-польским трибуналом предстали не успевшие скрыться 6 бывших надзирателей-мужчин из Майданека. Суд был скорым и беспощадным: все обвиняемые были признаны виновными и приговорены к смертной казни. Приговор гласил:

1. Вильгельм Герстенмейер – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).
2. Эдмунд Польманн – смертная казнь через повешение (покончил жизнь самоубийством 02.12.1944).
3. Генрих Сталп – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).
4. Антон Тернес – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).
5. Герман Фогель – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).
6. Теодор Шёллен – смертная казнь через повешение (казнен 03.12.1944).

Третий Майданекский процесс

Проходил в Дюссельдорфе (Германия) и длился необычно долго: с 26 ноября 1975-го по 30 июня 1981 года. Перед судом предстали 16 бывших сотрудников Майданека, в том числе 6 женщин. Долгий срок судебного разбирательства наложил свой отпечаток на процесс: за это время одна из обвиняемых – Алиса Орловски³ – успела умереть, а против двух других – Йоанны Зелле и Вильгельма Рейнарта – уголовное преследование было прекращено ввиду «плохого состояния их здоровья». Пятеро подсудимых были оправданы, а остальные 8 приговорены к следующим мерам наказания:

1. Гермина Браунштейнер – пожизненное заключение (освобождена в 1996 году в связи с заболеванием диабетом. Скончалась в 1999 году).
2. Хильдегард Лэхерт – 12 лет лишения свободы.
3. Герман Хакманн – 10 лет лишения свободы.
4. Эмиль Лаурих – 8 лет лишения свободы.
5. Гейнц Виллайн – 6 лет лишения свободы.
6. Фриц-Генрих Петрик – 4 года лишения свободы.
7. Арнольд Стриппель – 3 года 6 месяцев лишения свободы.
8. Томас Эллангер – 3 года лет лишения свободы.

Оправданы:

1. Генрих Бётчер.
2. Генрих Гроффманн
3. Роза Зюсс.
4. Шарлотта Майер.
5. Генрих Шмидт.

³ На втором Освенцимском процессе она, как и Хильдегард Лэхерт, уже была осуждена на 15 лет лишения свободы. – В.М.

Первый Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 25 апреля по 31 мая 1946 года. Перед польским судом предстали 16 бывших сотрудников лагеря, в том числе 6 женщин, во главе с комендантом Йоганном Паулсом. Один обвиняемый, Мариан Зелковски, не дожил до суда (умер в тюрьме 25.08.1945). Двое – Алекс Дуздал и Ян Прейсс – были оправданы. Остальные 13 человек были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Дженни-Ванда Баркманн – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
2. Элизабет Беккер – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
3. Ян Брейт – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
4. Ванда Клафф – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
5. Вацлав Козловски – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
6. Тадеуш Корчински – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
7. Ева Парадиз – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
8. Йоганн Паулс – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
9. Йозеф Рейтер – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
10. Францишек Шопински – смертная казнь через повешение (казнен 04.07.1946).
11. Герда Штейнхофф – смертная казнь через повешение (казнена 04.07.1946).
12. Эрна Бейлхардт – 5 лет лишения свободы.
13. Казимеж Ковальски – 3 года лишения свободы.

Второй Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 8 по 31 января 1947 года. Перед судом предстали 24 мужчины – бывшие сотрудники лагеря. Все они были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Пауль Вёльниц – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
2. Карл Зурелл – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
3. Курт Дитрих – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
4. Теодор Мейер – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
5. Альфред Николайсен – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
6. Альберт Паулиц – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
7. Фриц Петерс – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
8. Ганс Рач – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
9. Эвальд Фот – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
10. Карл Эггерт – смертная казнь через повешение (казнен 10.10.1947).
11. Эрих Тан – пожизненное заключение.
12. Вильгельм Фоглер – 15 лет лишения свободы.
13. Эдвард Зерлин – 12 лет лишения свободы.
14. Эмиль Венцель – 10 лет лишения свободы.
15. Вернер Вёльниц – 10 лет лишения свободы.
16. Адольф Грамс – 10 лет лишения свободы.
17. Оскар Готтшау – 10 лет лишения свободы.
18. Адальберт Вольтер – 8 лет лишения свободы.
19. Йозеф Веннхардт – 8 лет лишения свободы.
20. Йоганнес Гёртс – 8 лет лишения свободы.
21. Карл Регер – 8 лет лишения свободы.
22. Мартин Стаге – 8 лет лишения свободы.
23. Хьюго Зьем – 3 года лишения свободы.
24. Вальтер Энглерт – 3 года лишения свободы.

Третий Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 5 по 10 ноября 1947 года. К ответственности были привлечены 20 бывших охранников-мужчин. Из них только один, Ганс Толксдорф, был оправдан, а остальные признаны виновными. Но на этот раз «гуманизация» судопроизводства была налицо: не было вынесено ни одного смертного приговора. Меры наказания были определены следующие:

1. Карл Мейнк – 12 лет лишения свободы.
2. Отто Вельке – 10 лет лишения свободы.
3. Вилли Витт – 10 лет лишения свободы.
4. Адольф Клаффке – 10 лет лишения свободы.
5. Отто Шнейдер – 10 лет лишения свободы.
6. Густав Эберле – 10 лет лишения свободы.
7. Эрих Яссен – 10 лет лишения свободы.
8. Гейнц Левен – 5 лет лишения свободы.
9. Йоганн Лихтнер – 5 лет лишения свободы.
10. Эрих Стампниок – 5 лет лишения свободы.
11. Альфред Тисслер – 5 лет лишения свободы.
12. Эрнст Тульке – 5 лет лишения свободы.
13. Николаус Дирнбергер – 4 года лишения свободы.
14. Ганс Мёрке – 4 лет лишения свободы.
15. Гарри Мюллер – 4 года лишения свободы.
16. Йоганн Спорер – 4 года лишения свободы.
17. Фридрих Тессмер – 4 года лишения свободы.
18. Рихард Тимм – 4 года лишения свободы.
19. Николай Клаван – 3 года лишения свободы.

Четвертый Штуттгофский процесс

Проходил в Гданьске (Польша) с 19 по 29 ноября 1947 года. Он завершился серией Штуттгофских процессов. На нем к ответственности были привлечены 27 бывших охранников-мужчин. Из них снова только один, Франц Шпильман, – был оправдан. Но при этом минимальный срок наказания снизился до семи месяцев. 26 человек были признаны виновными и приговорены к следующим мерам наказания:

1. Вилли Бат – пожизненное заключение.
2. Альберт Векмюллер – 15 лет лишения свободы.
3. Рудольф Берг – 10 лет лишения свободы.
4. Фриц Главе – 10 лет лишения свободы.
5. Эмиль Лачейт – 10 лет лишения свободы.
6. Курт Редун – 10 лет лишения свободы.
7. Йозеф Стал – 10 лет лишения свободы.
8. Хорст Хёпке – 10 лет лишения свободы.
9. Йоганнес Валл – 5 лет лишения свободы.
10. Густав Каутц – 5 лет лишения свободы.
11. Германн Линк – 5 лет лишения свободы.
12. Эрих Мертенс – 5 лет лишения свободы.
13. Мартин Пентц – 5 лет лишения свободы.
14. Йоганн Пфистер – 5 лет лишения свободы.
15. Вальдемар Хенке – 5 лет лишения свободы.
16. Рихард Аколът – 3 года лишения свободы.
17. Антон Книффке – 3 года лишения свободы.
18. Кристоф Шварц – 3 года лишения свободы.
19. Леопольд Баумгартнер – 7 месяцев лишения свободы.
20. Густав Бродовски – 7 месяцев лишения свободы.
21. Рихард Вольфейль – 7 месяцев лишения свободы.
22. Йоганн Вробель – 7 месяцев лишения свободы.

23. Эрнст Кнашперт – 7 месяцев лишения свободы.
24. Эмиль Пауль – 7 месяцев лишения свободы.
25. Вальтер Рингевальт – 7 месяцев лишения свободы.
26. Бернард Эккерманн – 7 месяцев лишения свободы.

Брауншвейгский процесс детоубийц

Проходил с 30 марта по 3 апреля 1946 года в Брауншвейге (Германия). Перед судом предстали 8 человек (в том числе одна женщина) из персонала детского дома для интернированных польских детей в местечке Вельпке. Они обвинялись в преднамеренном преступном пренебрежении своими обязанностями, приведшим к массовой гибели детей. Один из обвиняемых, Фриц Флинт, умер в ходе процесса, трое были оправданы, а остальные приговорены к следующим мерам наказания:

1. Генрих Герике – смертная казнь через повешение (казнен 08.10.1946).
2. Георг Хесслинг – смертная казнь через повешение (казнен 08.10.1946).
3. Валентина Билиен – 15 лет лишения свободы.
4. Ричард Деммерих – 10 лет лишения свободы.

Оправданы:

1. Густав Клаус.
2. Герман Мюллер.
3. Вернер Нот.

Нюрнбергский процесс над врачами

Проходил с 9 декабря 1946-го по 20 августа 1947 года во дворце правосудия Нюрнберга. Этот процесс стал первым в череде двенадцати судов, состоявшихся в Нюрнберге в 1946–1949 годах (см. прил. 21). В научной литературе он получил название «Процесс врачей», а в прессе того времени – «США против Карла Брандта». На нем в медицинских преступлениях были обвинены 20 врачей концентрационных лагерей, а также один юрист и двое чиновников. Основными пунктами обвинения были: принудительные медицинские опыты (исследование организма в экстремальных условиях, испытание вакцин, опыты с ипритом и фосгеном), убийство заключенных для анатомической коллекции, принудительные эвтаназия и стерилизация.

Главным обвинителем на процессе был американский бригадный генерал Теффорд Теглоф. Коллегия судей была представлена У.Билсом, верховным судьей высшего суда штата Вашингтон, Г.Себрингом, судьёй высшего суда штата Флорида и Д.Кроуфордом, бывшим судьёй окружного суда штата Оклахома. В ходе процесса был рассмотрен 1 471 документ, заслушаны свидетели обвинения и защиты.

Из 23 обвиняемых 7 были оправданы, а остальные приговорены к следующим мерам наказания: 7 – к смертной казни, 5 – к пожизненному заключению, 4 – к различным тюремным срокам (от 10 до 20 лет)⁴.

1. Виктор Брак – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).
2. Карл Брандт – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).
3. Рудольф Брандт – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).
4. Карл Гебхардт – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).
5. Вальдемар Говен – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).
6. Иоахим Мруговски – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).

⁴ Нюрнбергский процесс над врачами. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.08.2013).

7. Вольфрам Зиверс – смертная казнь через повешение (казнен 02.06.1948).
8. Фриц Фишер – пожизненное заключение (заменено 15 годами лишения свободы. Освобожден в 1954-м, умер в 2003 году).
9. Карл Генцкен – пожизненное заключение (заменено 20 годами лишения свободы. Освобожден в 1954-м, умер в 1957 году).
10. Зигфрид Хандлозер – пожизненное заключение (заменено 20 годами лишения свободы. Освобожден в 1954-м, в том же году умер).
11. Герхард Розе – пожизненное заключение (заменено 20 годами лишения свободы. Освобожден в 1955-м, умер в 1992 году).
12. Оскар Шредер – пожизненное заключение (заменено 15 годами лишения свободы. Освобожден в 1954-м, умер в 1958 году).
13. Герман Беккер-Фрейзен – 20 лет лишения свободы (впоследствии срок сокращен до 10 лет. Умер в 1961 году).
14. Герда Оберхойзер – 20 лет лишения свободы (заменен 10 годами. Освобождена в 1952-м, умерла в 1978 году).
15. Вильгельм Бецгльбек – 15 лет лишения свободы (заменено 10 годами. Умер в 1963 году).
16. Гельмут Поппендик – 10 лет лишения свободы (Освобожден в 1951-м, умер в 1994 году).

Оправданы:

1. Курт Бломе (позднее осужден французским судом и приговорен к 20 годам лишения свободы. Умер в 1969 году).
2. Адольф Покорны.
3. Ганс Ромберг (умер в 1981 году).
4. Пауль Росток (умер в 1956 году).
5. Зигфрид Руфф (умер в 1989 году).
6. Конрад Шефер.
7. Георг Вельтц.

Дальнейшие (малые) Нюрнбергские процессы

Название «малые» получили 12 процессов, проходившие после главного Нюрнбергского процесса в 1946–1949 годах. Обвиняемыми на них были нацистские деятели меньшего масштаба. В отличие от главного процесса, эти дела слушал не Международный военный трибунал, представлявший всех четырех союзников, а так называемый «Нюрнбергский военный трибунал», созданный военным командованием США согласно праву (предоставленному ему Контрольной комиссией союзников) самостоятельно судить нацистов в пределах своей оккупационной зоны, куда входил и Нюрнберг. Соответственно дела формулировались в виде «Соединенные Штаты против...», а прокуроры и следователи также были американцами.

Слушания по всем делам происходили в том же Нюрнбергском дворце правосудия, что и главный процесс. Процессы организовывались в соответствии с профессиональной и организационной принадлежностью группы подсудимых. Самым известным был суд над нацистскими врачами (см. прил. 20). Кроме него огромное внимание мировой общественности привлек суд, подсудимыми на котором стали нацистские судьи.

Вот перечень Нюрнбергских процессов и их кратких итогов:

1. Процесс над нацистскими врачами (США против Карла Брандта).

Осуждено: к смертной казни – 7

к тюремному заключению – 9

оправдано – 7.

2. Процесс Эрхарда Мильха (США против Эрхарда Мильха).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению – 1

оправдано – нет.

3. Процесс над нацистскими судьями (США против Йозефа Альштеттера).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению – 10

оправдано – 4.

4. Процесс по делу Главного административно-хозяйственного управления СС (США против Освальда Поля).

Осуждено: к смертной казни– 3

к тюремному заключению – 12

оправдано – 3.

5. Процесс Фридриха Флика (США против Фридриха Флика).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению – 3

оправдано – 3.

6. Процесс IG Farben (США против Карла Крауха).

Осуждено: к смертной казни – нет.

к тюремному заключению – 13

оправдано – 10.

7. Процесс над генералами юго-восточного фронта (США против Вильгельма Листа).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению– 8

оправдано – 2.

8. Процесс по делу о расовых преступлениях (США против Ульриха Грейфельта).

Осуждено: к смертной казни — нет

к тюремному заключению – 13

оправдано – 1.

9. Процесс по делу об айнзатцгруппах (США против Отто Олендорфа).

Осуждено: к смертной казни – 14

к тюремному заключению – 8

оправдано – нет.

10. Процесс по делу Альфреда Круппа (США против Альфреда Круппа).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению – 11

оправдано – 1.

11. Процесс по делу «Вильгельмштрассе» (США против Эрнста фон Вайцзеккера).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению – 19

оправдано – 2.

12. Процесс по делу военного командования Германии (США против Вильгельма фон Лееба).

Осуждено: к смертной казни – нет

к тюремному заключению – 11

оправдано – 2.

Всего перед 12 процессами предстало 185 обвиняемых, из которых 142 признаны виновными. Из них 24 были приговорены к смертной казни (помилованы 11, казнены 13), 20 – к пожизненному заключению, 98 – к различным срокам, 35 – оправданы. Остальным 8 обвиняемым приговоры не были вынесены по разным причинам (признаны невменяемыми, по медицинским показателям, умерли до суда).

В 1951 году многие осужденные на этих процессах подверглись амнистии либо их сроки были существенно сокращены⁵.

⁵ Последующие нюрнбергские процессы. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.08.2013).

**Список женщин, казненных за коллаборационизм
и другие преступления в Чехословакии в 1945–1948 гг.**

№- № п/ п	Дата казни	Фамилия и имя казненной	Параграф закона №16/1945, согласно которому был вынесен приговор *	Место казни	Дата рождения (возраст)
1	2	3	4	5	6
1	21.08. 1945	Ульрихова Людмила	§ 11	Угерске- Градиште	10.06.1914 (31 год)
2	04.09. 1945	Кутейлова Анна	§ 11	Ческе Будейовице	10.04.1912 (33 года)
3	08.10. 1945	Кралова Мария	§ 11	Млада- Болеслав	02.08.1897 (48 лет)
4	09.10. 1945	Риппова Гермина	§ 11	Прага (Панкрац)	01.10.1904 (41 год)
5	16.10. 1945	Штефано- вичова Анна	§ 11	Писек	03.07.1901 (44 года)
6	16.10. 1945	Альбрех- това Софья	§ 10,11	Ческе Будейовице	08.06.1886 или 06.08.1886 (59 лет)
7	18.10. 1945	Павликова Маркета	§ 3,10,11	Пльзень	11.05.1901 (44 года)
8	23.10. 1945	Гошталко- ва Ружена	§ 11	Клатови	31.07.1889 (56 лет)
9	23.10. 1945	Схонфло- кова Йозефа	§ 5,7	Брно	12.03.1906 (39 лет)
10	31.10.- 1945	Хоботска Каролина	§ 7,11	Брно	11.02.1885 (60 лет)
11	20.11.- 1945	Бабикова Мария	§ 3,11	Угерске- Градиште	24.05.1898 (47 лет)
12	05.12. 1945	Бенешова Моника	§ 1,11	Прага (Панкрац)	03.01.1904 (41 год)
13	13.12. 1945	Кайслеро- ва Мария	§ 11	Прага (Панкрац)	12.02.1908 (37 лет)
14	13.12. 1945	Новотна Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	02.06.1900 (45 лет)
15	14.12. 1945	Оберхел - лова Анна	§ 7	Клатови	25.06.1900 (45 лет)

1	2	3	4	5	6
16	19.12. 1945	Брабкова Мария	§ 3,11	Прага (Панкрац)	01.01.1890 (55 лет)
17	19.12. 1945	Дворакова Мария	§ неизвестен	Хрудим	16.05.1904 (41 год)
18	21.12. 1945	Погоржалова Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	25.05.1903 (42 года)
19	17.01. 1946 или 17.01. 1947	Гебертова Анна	§ 11	Мост	10.04.1897 (48 или 49 лет)
20	17.01. 1946	Хейлова Зденка	§ 3,11	Табор	04.04.1914 (31 год)
21	17.01. 1946	Хейлова Анежка	§ 3, 11	Табор	15.11.1892 (53 года)
22	17.01. 1946	Горакова Юлия	§ 11, 5/2a	Угерске- Градиште	06.02.1910 (35 лет)
23	24.01. 1946	Рашкова Юлия	§ неизвестен	Зноймо	27.04.1890 (55 лет)
24	31.01. 1946	Миллерова Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	30.06.1899 (46 лет)
25	19.02. 1946	Хоубова Штепанка	§ 7,11	Прага (Панкрац)	24.02.1897 (48 лет)
26	26.02. 1946	Малмерова Анна	§ 11	Ческе Будейовице	10.04.1897 (48 лет)
27	28.02. 1946	Лосергова (Трчалкова) Альбина	§ 11	Нови Йичин	10.12.1899 (46 лет)
28	28.02. 1946	Трчалкова Альбертина	§ 11	Нови Йичин	10.12.1899 (46 лет)
29	04.03.- 1946	Блахова Алоисия	§ 11	Угерске- Градиште	26.04.1896 (47 лет)
30	05.03. 1946	Штроуфова Цирилия	§ 1,5	Ческе Будейовице	28.06.1889 (56 лет)
31	05.03. 1946	Вишнанска Альбина	§ 11	Ческе Будейовице	31.08.1905 (40 лет)
32	06.03. 1946	Швехлова Вера	§ 1	Писек	09.02.1914 (32 года)

1	2	3	4	5	6
33	12.03. 1946	Мюллерова Йозефа	§ 11	Прага (Панкрац)	23.03.1911 (33 года)
34	16.03. 1946	Хржибалова Анна	§ 10,11	Писек	03.07.1908 (35 лет)
35	19.03. 1946	Галеткова Адольфина	§ 11,3/1	Опава	25.10.1900 (45 лет)
36	09.04. 1946	Диккова Мария	§ 11	Ческе Будейовице	29.06.1885 (60 лет)
37	11.04. 1946	Шмидтова Анна	§ 11	Кутна-Гора	26.01.1891 (55 лет)
38	11.04. 1946	Вольфова Эмилия Мария	§ 11	Хеб	04.01.1914 (32 года)
39	13.04. 1946	Сива Магдалена	§ 5	Острава	23.11.1920 (25 лет)
40	16.04. 1946	Новотна Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	11.02.1889 (57 лет)
41	21.05. 1946	Карасова Анна	§ 3,11	Прага (Панкрац)	13.01.1894 (52 года)
42	21.05. 1946	Вискочилова Клара	§ 5,7	Прага (Панкрац)	28.03.1905 (41 год)
43	05.06. 1946	Пршибылова Эмилия	§ 7; 11	Хрудим	24.11.1891 (54 года)
44	14.06. 1946	Климова Анна	§ 3; 11	Прага (Панкрац)	05.05.1896 (50 лет)
45	19.06. 1946	Родова Мария	§ 3; 5; 11	Писек	12.08.1908 (37 лет)
46	24.06. 1946	Комаркова (Комарова) Анна	§ 3	Прага (Панкрац)	01.08.1908 (35 лет)
47	04.07. 1946	Шишкова Божена	§ 11	Кутна-Гора	15.10.1911 (34 года)
48	18.07. 1946	Жагоуркова Адела	§ 11	Ческе- Будеёвице	17.10.1907 (38 лет)
49	23.08. 1946	Ворачева Мария	§ 11	Острава	18.10.1897 (48 лет)

1	2	3	4	5	6
50	02.09. 1946	Ваткова Мария	§ 11	Острава	27.01.1893 (53 года)
51	05.09. 1946	Питгартова Ярмила	§ 3,7	Пардубице или Хрудим	08.06.1922 или 08.06.1923 (23 или 24 года)
52	12.09. 1946	Ноголова Драгомира	§ 3,8,11	Острава	15.01.1923 (23 года)
53	13.09. 1946	Кашпарова Герта	§ 3,7	Йиглава	21.06.1923 (23 года)
54	25.09. 1946	Майерова Анна	§ 11	Прага (Панкрац)	28.11.1903 (42 года)
55	07.10. 1946	Косинова Франтишка	§ 3,5,11	Прага (Панкрац)	08.09.1902 (44 года)
56	19.12. 1946	Шрамкова Анна	§ неизвестен	Хеб	28.9.1921 (25 лет)
57	20.12. 1946 или 20.12. 1948	Сухохлебова Анна	§ 5,11	Либерец	13.06.1887 (59 или 61 год)
58	08.01. 1947	Риттихова (Ритихова) Мария	§ 3,7,8,11	Брно	13.12.1923 (23 года)
59	09.01. 1947	Булиршова Фрида	§ 3,11	Писек	07.04.1897 (49 лет)
60	15.01. 1947	Балоунова ристина	§ 11	Острава	26.06.1908 или 26.10.1908 (38 лет)
61	23.01. 1947	Бросигова (Бросикова, Брошкова) Эльжбета (Элишка)	§ 5	Острава	15.11.1919 (27 лет)
62	19.02. 1947	Цибулкова Франтишка	§ 5,11	Ческе- Будеёвице	25.11.1897 (49 лет)

1	2	3	4	5	6
63	20.03. 1947	Вечеркова Мария	§ неизвестен	Острава	01.09.1902 (44 года)
64	20.03. 1947	Станиславова Анна	§ 3,5,11	Прага (Панкрац)	20.07.1914 (32 года)
65	04.04. 1947	Заплеталова Мария	§ 1,11	Ческе- Будеёвице	14.07.1916 (30 лет)
66	17.04. 1947	Брауншвейге- рова Антония	§ 5,10,11	Прага (Панкрац)	07.07.1888 (58 лет)
67	02.05. 1947	Гилднерова Рут	§ 3,5,6	Писек	01.11.1919 (28 лет)
68	12.01. 1948 или 07.10. 1948	Нитсхерова (Митсхерова) Софья	§ 5	Прага (Панкрац)	01.11.1912 (35 лет)
69	07.10. 1948 или 08.10. 1948	Давидова Анна	§ 2,3,5	Прага (Панкрац)	01.09.1921 (27 лет)

* § 1– участие в заговоре и террор; § неизвестен

§ 3 – пропаганда нацизма;

§ 5 – физическое насилие и грабеж;

§ 7 – содействие потере свободы;

§ 10 – национальное, политическое и расовое угнетение;

§ 11 – доноительство.

Библиография

1. **Борозняк А.И.** Рецензия. URL: <http://nlobooks.ru/node/1806> (дата обращения: 26.07.2013).
2. Большая Советская Энциклопедия. Изд.1-е : в 65 т. – М., 1926–1947. Т. 46.
3. Большой Энциклопедический Словарь. – М., 1991.
4. **Бялик Я.** Записки фронтового хирурга // Подъем. 2002. № 11.
5. **Верт А.** Россия в войне 1941–1945. – Смоленск, 2003.
6. **Волкогонов Д.А.** Триумф и трагедия : в 2 т. – М., 1990.
7. **Голованов Я.К.** Королев. – М., 1994.
8. **Граф Ю.** Крах мирового порядка. URL: http://sv-rasseniya.narod.ru/booki/Yurgen_Graf/23.html дата обращения: 22.08.2013).
9. **Грюнберг К.** Адольф Гитлер. СС – черная гвардия Гитлера. – М., 1995.
10. **Довлатов С.** Собрание сочинений : в 4 т. – СПб., 2000. Т. 2. С. 317.
11. **Жженов Г.С.** От «Глухаря» до «Жар-птицы» : Повести и рассказы. М., 1989.
12. **Залесский К.А.** Вожди и военачальники Третьего рейха : Биографический энциклопедический словарь. – М., 2000.
13. **Залесский К.А.** РСХА. – М., 2004.
14. **Земсков В.Н.** Политические репрессии в СССР (1917–1990) // Россия, XXI. 1994. № 1–2. С. 118–120.
15. **Зэн Я.** Концентрационный лагерь Освенцим-Бжезинка. – Варшава, 1961.
16. **Иванов Р.Ф.** Дуайт Эйзенхауэр. – М., 1983.
17. Карманный атлас мира. – Л., 1940.
18. Изгнание немцев из Чехословакии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 03.08.2013).
19. **Кнопн Г.** СС: черная инквизиция. – М., 2005.
20. **Котек Ж., Ригуло П.** Век лагерей: лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. – М., 2003.

21. **Куняев С.** Жрецы и жертвы Холокоста. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-305254.html?page=3> (дата обращения: 23.07.2013).
22. Майданек. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 23.07.2013).
23. **Манин Е.** Эволюция цифр Холокоста. URL: <http://lebed.com/2003/art3278.htm> (дата обращения: 11.05.2013).
24. **Мельников Д.Е., Черная Л.Б.** Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии. 1933–1945. – М., 1987.
25. Нюрнбергский процесс над врачами. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.08.2013).
26. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов : в 8 т. – М., 1991.
27. Освенцим. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.07.2013).
28. Плакаты нацистской Германии. URL: <http://photo.i.ua/user/3366688/211421> (дата обращения: 23.07.2013).
29. Под суд в 90 лет. URL: <http://webground.su/topic/2013/04/07/t38/> (дата обращения: 12.05.2013).
30. Последующие нюрнбергские процессы. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.08.2013).
31. Равенсбрюк. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 23.07.2013).
32. Рассел Э. Проклятие свастики. – М., 1954.
33. Россия и СССР в войнах XX века : статистическое исследование. – М., 2001.
34. Россия. Кавказ. Чечня.
URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_3506000/3506209.stm (дата обращения: 23.07.2013).
35. **Семенов К.К.** Войска СС. – М., 2004.
36. **Семиряга М.И.** Тюремная империя нацизма и ее крах. – М., 1991.

37. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их помощников. О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме. – М., 1945.
38. *Сруога Б.* Лес богов. URL: http://bookol.ru/proza-main/o_voyne/5027.htm (дата обращения: 12.01.2013).
39. СС в действии: Документы о преступлениях СС. – М., 2000.
40. СССР–Германия. 1939 : Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Кн. 1. – Вильнюс, 1989.
41. ТВР-Панорама. 1998. 9 и 26 февраля.
42. *Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др.* Итоги Второй мировой войны : выводы побежденных. – СПб., 1999.
43. *Уильямсон Г.* СС – инструмент террора. – Смоленск, 1999.
44. *Уорбол Н.* Войска СС. Кровавый след. – Ростов-н/Дону, 2000.
45. *Ульянов В.Б.* Награды вермахта и ваффен-СС: Наручные ленты и щиты кампаний. – М., 2001.
46. ФСБ обнародовала новые данные о количестве погибших в Освенциме. URL: <http://vesti.ru/doc.html?id=337610> (дата обращения: 20.07.2013).
47. *Хааз Л.* Горсть пепла. – М., 1981.
48. *Хазанович Ю.Я.* 34 недели на Майданеке. – Свердловск, 1945.
49. *Хёне Х.* Орден «Мертвая голова»: История СС. – Смоленск, 2002.
50. *Хёне Х.* Черный орден СС: История охранных отрядов. – Смоленск, 2003.
51. Цена Победы. URL: <http://echo.msk.ru/programs/victory/927559-echo/#element-text> (дата обращения: 23.08.2013).
52. *Шамбаров В.* Государство и революции. – М., 2002.
53. *Эрлихман В.* Потери народонаселения в XX веке. URL: <http://ru.scribd.com> (дата обращения: 03.08.2013).
54. *Этингер Я.Я.* Это невозможно забыть... Воспоминания. – М., 2001.

55. **Černý V.** Disertační práce. URL: http://is.muni.cz/th/16005/ff_d/Kopie__2_-_PROTIPARTYZANSKE_OPERACE_NACISTICKEHO_BEZ-PECNOSTNIHO_.pdf (дата обращения: 04.08.2013).
56. Seznam popravených pro retribuční trestné činy v ČSR. URL: <http://forum.valka.cz/viewtopic.php/t/27360> (дата обращения: 04.08.2013).
57. Bergen-Belsen. URL: http://fold3.com/page/286092375_bergenbelsen (дата обращения: 28.07.2013).
58. **Bernadac C.** Camp for Women: Ravensbrück. – Geneva, 1978.
59. **Bridenthal R., Grossman A., Kaplan M.** When biology became destiny. Women in Weimar and Nazi Germany. – New York, 1984.
60. **Brown D.** The Beautiful Beast: The Life and Crimes of SS-Aufseherin Irma Grese. – Ventura, 1996.
61. Commandants of concentration camps. URL: <http://ess.uwe.ac.uk/WCC/warcrimcon.htm> (дата обращения: 23.07.2013).
62. Executioner Pierrpoint. An introduction. War criminals hanged in Hameln. URL: <http://mazal.org/archive/PIERRE/PierreIntro.htm> (дата обращения: 29.07.2013).
63. Female guards in Nazi concentration camps. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Female_guards_in_Nazi_concentration_camps (дата обращения: 04.08.2013).
64. First Belsen Trial Aufseherin Herta Bothe/Lange. URL: <http://bergenbelsen.co.uk/pages/Staff/Staff.asp?CampStaffID=43> (дата обращения: 04.08.2013).
65. Herta Bothe. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Herta_Bothe (дата обращения: 31.07.2013).
66. **Herzberg A.** Between two Streams. A Diary from Bergen-Belsen. – London, 1997.
67. **Lasker-Wallfisch A.** Inherit the Truth 1939–1945. – London, 2000.
68. Mazal library: Trial of Josef Kramer and forty-four others. URL: <http://mazal.org/OtherTrials/BelsenTrial/C001.htm> (дата обращения: 29.07.2013).

69. Naci She-Devils. URL: <http://mirror.co.uk/news/uk-news/nazi-she-devils-566055> (дата обращения: 23.07.2013).
70. **Owings A.** Frauen: German Women Recall. – New Brunswick, 1994.
71. **Oppenheimer P.** From Belsen to Buckingham Palace. – Newark, 2000.
72. **Phillips R.** Trial of Josef Kramer and Forty-Four Others. – London, 1949.
73. SS-Aufseherin Female Camp Guards. URL: <http://ssaufseherin.blog.pl/> (дата обращения: 12.03.2009).
74. **Stephenson J.** Women in Nazi society. – London, 1975.
75. **Symonowicz W.** Beyond Human Endurance: The Ravensbruck Women Tell Their Stories. – Warsaw, 1970.
76. Trial of Heinrich Gerike and seven others (the Velpke childrens home case). URL: <http://ess.uwe.ac.uk/WCC/velpke.htm> (дата обращения: 23.08.2013).
77. United states district court eastern district of Wisconsin. URL: <http://angelfire.com/nj/odszkodowania/snopczyk.html> (дата обращения: 23.07.2013).
78. Web Genocide Documentation Centre. URL: <http://ess.uwe.ac.uk/WCC/warcrimcon.htm> (дата обращения: 11.05.2013).
79. **Weindling P.** Nazi Medicine and the Nuremberg Trials: From Medical War Crimes to Informed Consent. – New York, 2004.
80. **Alvarez M.** Guardianas Nazis. El lado femenino del mal. – Madrid, 2012.
81. **Massariello A.** Il ponte dei corvi : Diario di una deportata a Ravensbrück. – Milano, 1979.
82. **Abbati C.** Ich, Carmen Mory. Das Leben einer Berner Arzttochter und Gestapo-Agentin (1906–1947). – Zurich, 1999.
83. **Aleff E.** Das 3 Reich. – Hannover, 1985.
84. **Ambach D., Kühler T.** Lublin-Majdanek. Das Konzentrations- und Vernichtungslager im Spiegel von Zeugenaussagen. – Dusseldorf, 2004.
85. **Amesberger H. und Halbmayr B.** Vom Leben und Iberleben – Wege nach Ravensbrück. Das Frauen-Konzentrationslager in der Erinnerung. – Wien, 2001.
86. **Antoni E.** KZ. Von Dachau bis Auschwitz. – Frankfurt, 1979.

87. **Arendt H.** Nach Auschwitz. – West-Berlin, 1989.
88. **Arndt I.** Das Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. In: Studien zur Geschichte der Konzentrationslager. – Stuttgart, 1970.
89. Auschwitz in den Augen der SS Höss, Broad, Kremer. – Katowice, 1981.
90. **Bastian T.** Auschwitz und die «Auschwitz-Lüge». – München, 1997.
91. **Benz W.** Der Holocaust. – Munich, 1995.
92. **Bialowna I.** Aus der Geschichte des Reviers im Frauenlager in Birkenau. In: Auschwitz-Hefte Bd.1. – Berlin, 1987. S.173–184.
93. **Broszat M.** Anatomie des SS-Staates. – München, 1984.
94. **Bruha A.** Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. – Wien, 1945.
95. **Buchheim H.** Anatomie des SS-Staates. – München, 1999.
96. **Burba M.** Treblinka. Ein NS-Vernichtungslager im Rahmen der «Aktion Reinhard». – Göttingen, 2000.
97. **Czech D.** Kalendarium der Ereignisse im Konzentrationslager Auschwitz-Birkenau 1939–1945. – Hamburg, 1989.
98. Die Konzentrationslager-SS. Sozialstrukturelle Analysen und biographische Studien. – Göttingen, 2000.
99. **Discher G.** Eine stumme Generation berichtet. Frauen der dreißiger und vierziger Jahre. – Frankfurt a.M., 1984.
100. Dokumentation Internationaler Landschaftsplanerischer Ideenwettbewerb Ehemaliges Frauen-Konzentrationslager Ravensbrück. – Fürstenberg, 1999.
101. **Eiber L.** Verfolgung – Ausbeutung – Vernichtung. Die Lebens- und Arbeitsbedingungen der Häftlinge in deutschen Konzentrationslagern 1933–45. – Hannover, 1985.
102. **Erpel S.** Im Gefolge der SS: Aufseherinnen des Frauen-KZ Ravensbrück. Begleitband zur Ausstellung. – Berlin 2007.
103. **Flöck C.** ...und träumte, ich wäre frei. Eine Tirolerin im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. Herausgegeben von Friedrich Stepanek. – Innsbruck/Wien, 2012.
104. **Franz H.** Frauen im KZ Ravensbrück. – Halle, 1946.

105. **Freyberg J.** und **Krause-Schmitt U.** Moringen – Lichtenburg – Ravensbrück. Frauen im Konzentrationslager 1933–1945. – Frankfurt a. M., 1997.
106. **Fried H.** Nachschlag für eine Verstorbene. Ein Leben bis Auschwitz + Ein Leben danach. – Hamburg, 1995.
107. **Füllberg-Stolberg C.** and **Jung M.** Frauen in Konzentrationslagern: Bergen Belsen, Ravensbrück. – Bremen, 1994.
108. **Fürstenberg D.** Jeden Moment war dieser Tod. Interviews mit jüdischen Frauen, die Auschwitz überlebten. – Düsseldorf, 1986.
109. **Garbe D.** Die vergessenen KZ Gedenkstätten für die Opfer des NS-Terrors in der Bundesrepublik. – Bornheim-Merte, 1983.
110. **Gravenhorst L.** und **Tatschmurat C.** Töchter-Fragen. NS-Frauen-Geschichte. – Freiburg, 1990.
111. **Günther W.** Ach, Schwester, ich kann nicht mehr tanzen... Sinti und Roma im KZ Bergen- Belsen. – Hannover, 1990.
112. **Haag L.** Eine Handvoll Staub. – Frankfurt a.M., 1985.
113. **Hartmann L.** Die Frau im Pelz. Leben und Tod der Carmen Mory. – Frankfurt a. M., 2001.
114. **Herbermann N.** Der gesegnete Abgrund. Schutzhäftling Nr. 6582 im Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. – Nürnberg, 1946.
115. **Herbert U., Orth K., Dieckmann C.** Die nationalsozialistischen Konzentrationslager. Entwicklung und Struktur. Bd. I u. II. – Göttingen, 1998.
116. **Heubner C., Meyer A., Pieplow J.** Gesehen in Auschwitz. Lebenszeichen. – West-Berlin, 1987.
117. **Hofer W.** Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933–1945. – Frankfurt a.M., 1982.
118. **Israel G., Jäckel E., Longerich P.** Enzyklopädie des Holocaust. – München, 1998.
119. **Jacobeit S.** und **Thoms-Heinrich L.** Kruezweg Ravensbrück: Lebensbilder antifaschistischer Widerstandskämpferinnen. – Leipzig, 1987.
120. **Jacobeit S.** Ich grüsse Euch als freier Mensch. – Oranienburg, 1995.

121. **Jacobeit S.** Ravensbrückerinnen. – Oranienburg, 1995.
122. **Kiedrzyńska W.** Das Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. In: Internationale Hefte der Widerstandsbewegung Nr.3. – Wien, 1960. S. 82–98.
123. **Klinsiek D.** Die Frau im NS-Staat. – Stuttgart, 1982.
124. **Knapp G.** Das Frauenorchester in Auschwitz – Musikalische Zwangsarbeit und ihre Bewältigung. – Hamburg, 1996.
125. **Kocwa E.** Flucht aus Ravensbrück. – Ost-Berlin, 1973.
126. **Kogon E.** Der SS-Staat. – München, 2000.
127. **Kolb E.** Bergen-Belsen 1943–1945. Vom Aufenthaltslager zum Konzentrationslager. – Göttingen, 1996.
128. **Komenda J.** Frauen im Revier von Birkenau. In: Auschwitz-Hefte 1. – Oswiecim, 1987. S.185–198.
129. Konzentrationslager Bergen-Belsen. Berichte und Dokumente. – Göttingen, 1995.
130. **Kos M.** Frauenschicksale in Konzentrations-lagern. – Wien, 1998.
131. **Krause-Schmitt U., Krause C.** Mit den Augen der Überlebenden. Ein Rundgang durch die Mahn- und Gedenkstätte Ravensbrück. – Essen–Ludwigsburg, 1999.
132. **Kudlin F.** Ärzte im Nationalsozialismus. – Köln, 1985.
133. **Langbein H.** Der Auschwitz-Prozeß. Eine Dokumentation. – Frankfurt, 1995.
134. **Laqueur R.** Schreiben im KZ. Tagebücher 1940–1945. – Bremen, 1991.
135. **Lasker-Wallfisch A.** Ihr sollt die Wahrheit erben. Die Cellistin von Auschwitz. – Reinbek, 2001.
136. **Lee C.** Anne Frank. Die Biographie. – München, 2000.
137. **Lehker M.** Frauen im Nationalsozialismus. Wie aus Opfern Handlanger der Täter wurden – eine nötige Trauerarbeit. – Frankfurt a. M., 1984.
138. **Lévy-Hass H.** Vielleicht war das alles erst der Anfang. Tagebuch aus dem KZ Bergen-Belsen 1944–1945. – Berlin, 1991.

139. **Lorska D.** Block 10 in Auschwitz. In: Auschwitz-Hefte Bd.1. – Oswiecim, 1987. S. 209–212.
140. **Macciocchi M.-A.** Jungfrauen, Mütter und ein Führer. Frauen im Faschismus. – Berlin, 1979.
141. Majdanek. – Lublin, 1985.
142. Majdanek. – Poznan, 1966.
143. **Marszalek J.** Majdanek. Konzentrationslager Lublin. – Warschau, 1984.
144. **Maurel M.** Kein Ort für Tränen. – Hamburg, 1960.
145. **Michalak W.** Auschwitz. Geschichte und Wirklichkeit des Vernichtungslagers. – Reinbek, 1982.
146. **Müller C.** Die Klemptnerkolonie von Ravensbrück. Erinnerungen des Häftlings Nr.10787. – Ost-Berlin, 1987.
147. **Müller-Münch I.** Die Frauen von Majdanek. Vom Zerstörten Leben der Opfer und der Mörderinnen. – Hamburg, 1982.
148. **Neus C.** In Ravensbrück ging meine Jugend zu Ende. Vierzehn spanische Frauen berichten über ihre Deportation in deutsche Konzentrationslager. – Berlin, 1994.
149. **Orth K.** Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Eine politische Organisations-geschichte. – Hamburg, 1999.
150. **Osterloh J., Vollnhals C.** NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit. Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR. – Göttingen, 2011.
151. **Petter H.** The Auschwitz Album: A Book based upon an Album discovered by a Concetration Camp Survivor. – New York, 1981.
152. **Piekut-Warszawska E.** Kinder in Auschwitz. Erinnerungen einer Krankenschwester. In: Auschwitz Hefte 1. – Oswiecim, 1987. S. 227–230.
153. **Pierrepoint A.** Executioner: Pierrepoint. – London, 1974.
154. **Pingel F.** Häftlinge unter SS-Herrschaft. Widerstand, Selbstbehauptung und Vernichtung im Konzentrationslager. – Hamburg, 1978.
155. **Pollak M.** Lebensgeschichten von KZ-Überlebenden als Augenzeugenberichte und als Identitätsarbeit. – Frankfurt a.M.–New York, 1988.

156. **Poltawska W.** Und ich fürchte meine Träume. – Abensberg, 1993.
157. **Pross C.** Wiedergutmachung. Der Kleinkrieg gegen die Opfer. – Frankfurt a. M., 1988.
158. **Riebe R.** Frauen in Konzentrationslagern 1933–1939. In: Dachauer Hefte 14. 1998. S.125–140.
159. **Rückerl A.** NS-Verbrechen vor Gericht. Versuch einer Vergangenheitsbewältigung. – Heidelberg, 1984.
160. **Schäfer S.** Zum Selbstverständnis von Frauen im Konzentrationslager. Das Lager Ravensbrück. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Philosophie. – Berlin, 2002.
161. **Schäfer T., Stiller A.** Widerstand und Verfolgung – Über ein Frauenschicksal im Dritten Reich. In: Frauenforschung. Informationsdienst des Forschungsinstituts Frau und Gesellschaft. Institut Frau und Gesellschaft GmbH. – Hannover, 1983. S.6–15.
162. **Schmidt-Fels L.** Deportiert nach Ravensbrück. Bericht einer Zeugin 1943–1945. – Düsseldorf, 1981.
163. **Schroeder-Hildebrand D.** Ich sterbe vor Hunger. Kochrezepte aus dem Konzentrationslager Ravensbrück. – Bremen, 1999.
164. **Schulz C.** Der Wind weht weinend über die Ebene: Ravensbrücker Gedichte. – Paris, 1995.
165. **Schwalbová M.** Elf Frauen. Leben in Wahrheit. Eine Ärztin berichtet aus Auschwitz-Birkenau 1942–1945. – Plöger, 1994.
166. **Schwarberg G.** Der Juwelier Von Majdanek. – Göttingen, 1998.
167. **Schwarz G.** Die nationalsozialistischen Lager. Frankfurt a. M., – New York, 1990.
168. **Shelley L.** Schreiberinnen des Todes. Lebenserinnerungen internierter jüdischer Frauen, die in der Verwaltung des Vernichtungslagers Auschwitz arbeiten mußten. – Bielefeld, 1992.
169. **Schmidt U.** Justice at Nuremberg. Leo Alexander and the Nazi doctors' trial. – New York, 2004

170. **Siebert B, Kilian A.** Zeugen aus der Todeszone. Das jüdische Sonderkommando in Auschwitzp. – Luneburg, 2002.
171. **Sigmund A.-M.** Die Frauen der Nazis. – Wien, 1999.
172. **Sington D.** Die Tore öffnen sich. Authentischer Bericht über das englische Hilfswerk für Belsen. – Münster, 1995.
173. **Sofsky W.** Die Ordnung des Terrors: Das Konzentrationslager. – Frankfurt a. M., 1999.
174. SS im Einsatz. Eine Dokumentation über die Verbrechen der SS. Komitee der antifaschistischen Widerstandskämpfer in der DDR. – Ost-Berlin, 1957.
175. **Sternheim-Peters E.** Die Zeit der großen Täuschung. Mädchenleben im Faschismus. – Bielefeld, 1989.
176. **Szepansky W.** Dennoch ging ich diesen Weg. – West-Berlin, 1985.
177. **Taake C.** Angeklagt: SS-Frauen vor Gericht. – Oldenburg, 1998.
178. **Taylor T.** Die Nürnberger Prozesse. Hintergründe, Analysen und Erkenntnisse aus heutiger Sicht. – München, 1996.
179. **Thalmann R.** Frausein im Dritten Reich. – München–Wien, 1984.
180. **Tidl G.** Die Frau im Nationalsozialismus. – Wien–München–Zürich, 1984.
181. **Tillion G.** Frauenkonzentrationslager Ravensbrück. – Lüneburg, 1998.
182. **Vermehren I.** Reise durch den letzten Akt. Ravensbrück, Buchenwald, Dachau: eine Frau berichtet. – Hamburg, 2005.
183. **Wagner C.** Geboren am See der Tränen. – Ost-Berlin, 1988.
184. **Walz L.** Erinnern an Ravensbrück. – Brandenburg, 1998.
185. **Wandres T.** Auschwitz vor Gericht. – München, 1995.
186. **Weichelt G.** Überleben im KZ Ravensbrück. Zur Geschichte der Erika Buchmann in den Jahren 1942 bis 1945. – Berlin, 1995.
187. **Weinmann M.** Das nationalsozialistische Lagersystem. Frankfurt a. M., 1990.
188. **Wember H.** Umerziehung im Lager. Internierung und Bestrafung von Nationalsozialisten in der britischen Besatzungszone Deutschland. – Essen, 1992.

189. **Wenck A.-E.** Zwischen Menschenhandel und «Endlösung»:Das Konzentrationslager Bergen-Belsen. – Paderborn, 2000.
190. **Westenrieder N.** «Deutsche Frauen und Mädchen!» Vom Alltagsleben 1933-1945. – Düsseldorf, 1984.
191. **Wiggershaus R.** Frauen unterm Nationalsozialismus. – Wuppertal, 1984.
192. **Winkler D.** Frauenarbeit im «Dritten Reich». – Hamburg, 1977.
193. **Wittrock C.** Weiblichkeits Mythen. Das Frauenbild im Faschismus und seine Vorläufer in der Frauenbewegung der 20er Jahre. – Frankfurt a. M., 1983.
194. **Zywulska K.** Tanz Mädchen... Vom Warschauer Ghetto nach Auschwitz. Ein Überlebensbericht. – München, 1988.
195. **Grabowska-Chalka J.** Stutthof. – Gdansk-Sztutowo, 2004.
196. **Gryn E., Murawska-Gryn Z.** Majdanek. – Panstwowe Muzeum na Majdanku, 1984.
197. **Christophe F.** Une petite fille privilégiée. Une enfant dans le monde des camps 1942–1945. – Paris, 1996.
198. **Chombart de Lauwe M.-J.** Les Francaises a Ravensbrück. – Paris, 1965.
199. **Frank A.** Journal d'Anne Frank. – Paris, 1992.

Научное издание

Мамяченков Владимир Николаевич

Валькирии SS

Историко-публистическое исследование

Издание второе, исправленное
и дополненное

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор В. А. Кузьмин

Рецензент:
доктор философских наук, профессор В. О. Лобовиков

Редактор: С. В. Фельдман

Компьютерная верстка, дизайн: М. Ю. Давыдов

Подписано в печать 16.05.2014 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 600 экз. Заказ № 1197.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Типографии АМБ
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 229-53-94.